

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1

Москва–Сыктывкар 2008

Историческая демография. № 1. – Москва–Сыктывкар, 2008. – 114 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных историков, этнографов, демографов и археологов, посвященные актуальным проблемам изучения истории демографического развития различных народов, стран и регионов, а также современной этнодемографической ситуации.

Редакционная коллегия

Ю.А. Поляков (главный редактор, Москва), И.Л. Жеребцов (зам. главного редактора, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), А.С. Сеньевский (зам. главного редактора, Москва), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), В.И. Кортаев (Архангельск), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), В.П. Мотревич (Екатеринбург), В.И. Мусаев (Санкт-Петербург), А.А. Пригарин (Одесса), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), Л.Л. Рыбаковский (Москва), В.А. Семенов (Сыктывкар), В.В. Фаузер (Сыктывкар), И.Б. Циркунов (Мурманск), М.С. Черкасова (Вологда)

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

- © Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2008
- © Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2008
- © Авторский коллектив, 2008
- © И.Л.Жеребцов, сост., 2008

Предисловие

В последние годы заметно активизировался обмен мнениями между учеными, занимающимися разработкой проблем исторической демографии. В 2005–2007 гг. в Сыктывкаре под руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии состоялись три крупных научных форума – 1-я и 2-я Всероссийские конференции по исторической демографии (2005, 2007 гг.) и Всероссийский симпозиум (2006 г.), в которых приняли участие многие российские и зарубежные исследователи из Архангельска, Астаны, Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Краснодара, Минска, Москвы, Мурманска, Одессы, Омска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Тулы, Челябинска и других городов. Прошедшие на этих форумах научные дискуссии, заинтересованное обсуждение проблем исторической и этнической демографии свидетельствуют, что в последние годы собрано и обобщено огромное количество новых данных, нуждающихся в скорейшем введении в научный оборот. Для того, чтобы активизировать процесс публикации результатов научных исследований, сделать их доступными возможно более широкому кругу специалистов, чтобы объединить ученых, занимающихся проблемами исторической и этнической демографии, совместно выработать новые подходы и методы изучения различных аспектов историко-демографического развития, участники конференций предложили издавать специальный журнал «Историческая демография». Основой для организации журнала стала серия сборников научных статей, издававшаяся Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН с 2004 г. Первый из них вышел под названием «Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии», второй, третий (в четырех томах) и четвертый (в двух томах) – под названием «Этнодемографические процессы на Севере Евразии». В 2007 г. был выпущен сборник «Историческая демография» – своего рода «пилотный» номер журнала.

На 2-й Всероссийской конференции по исторической демографии была избрана межрегиональная редколлегия журнала под руководством председателя Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии академика Ю.А.Полякова, в которую вошли ученые из Москвы, Сыктывкара, Владивостока, Екатеринбурга и других городов. Предполагается, что в дальнейшем состав редколлегии будет, вероятно, уточнен и расширен.

Учитывая большое внимание, которое и органы государственной власти, и общественность уделяют этнодемографическим и этническим процессам в России, ее регионах, в сопредельных государствах, в нашем журнале публикуются не только собственно историко-демографические материалы, но и работы, посвященные современной демографической ситуации. Весьма важным представляется активное участие в обсуждении проблем исторической и этнической демографии исследователей разных специальностей – историков, демографов, этнологов, археологов, географов, лингвистов, всех, кого интересуют затрагиваемые на страницах журнала вопросы. Приглашаем российских и зарубежных коллег к сотрудничеству.

**Топонимия как источник для исследования древних миграций:
проблемы и перспективы**

Использование топонимов в целях исследования древних миграций, контактов разных наций между собой, древних ареалов этносов имеет давние традиции. Известно, что топонимообразование происходит в конкретных исторических условиях, в тесной связи с общественной жизнью и языками населяющих данную территорию народов. Топонимическая система Республики Коми создавалась в течение длительного времени при участии многих этнических общностей, языки и культуры которых имели значительные различия, поэтому она состоит из одновременных и разноязычных элементов, субстратных пластов и, соответственно, разнообразной географической терминологии. Причем некоторые языковые группы географически расположены на значительных расстояниях от коми. Тем не менее, факт их присутствия в регионе содержат географические названия.

Приступая к анализу, прежде всего, необходимо уточнить, можно ли по любым географическим названиям судить о прошлых миграциях населения. Скажем, такие топонимы, как *Ыджыд видз* «большой луг», *Гӧгерӧсты* «круглое озеро», *Кузь вад* «длинное лесное озеро», *Пипуа шор* «осиновый ручей», *Мича ёль* «красивый лесной ручей» и т.п., зафиксированные почти во всех районах Республики Коми, соответствующих по геоморфологическим характеристикам, оказываются в этом отношении малопродуктивны. Недостаточно информативны в этом отношении топонимы, отражающие физико-географические особенности местности. Если проследить, к примеру, апеллятивы со значением «излучина, пойма (реки), сенокос (у реки)», то окажется, что количество их резко сокращается по мере продвижения с южного направления на север. Хотя иногда по некоторым географическим терминам можно установить определенный топонимический ареал, например, в одинаковых физико-географических условиях лука, излучина (реки), сенокос (у реки) в коми языках обозначаются по-разному: в южных диалектах – кӧдж, удорском – мег, несмотря на то, что в этом диалекте слово кӧдж зафиксировано, но малопродуктивно, почти не употребляется в апеллятивном значении. Единственное название на Удоре – деревня Кӧдж (Кривое – русский перевод с коми). Удорский апеллятив, вероятно, связан с прибалтийско-финским *mäki*, ср. кар. *mäki*, *mägi* «гора (обычно на дороге)», ливв. *mägi* «гора; берег, суша», *mäg* г «горка, холм», люд., вепс. *mägi* «гора, холм, возвышенность», фин. *mäki* «гора, холм» [ММ 1991: 61].

Кроме того, необходимо разграничивать названия заимствованные и субстратные; первые, в лучшем случае, могут указать на контактные границы. Сложности могут быть также при исследовании этнотопонимических названий, например, ряд сложных названий с первым компонентом лоп (Лопью, Лопыриха, Лопвад и т.д., зафиксированных на юго-западных территориях Республики Коми, могут быть связаны как с этнонимом лопь, лопарь, а также с апеллятивом лоп «сор, валежник»; названия с основой гам (варианты кам, ям) можно идентифицировать с финно-угорской народностью финского типа емь, хотя в некоторых названиях, например, *Ямозеро*, предпочтительнее приводить аналогии из ненецких языков, в нашем примере *Ямозеро* «букв. море – озеро», что соответствует географической реалии. Наверное, также невозможно объективно судить о миграциях в прошлом на основании вторичных названий, как Алтай; Байкальской ты; оз. Байкал; Север; Финляндия; Черноморье; Сибирь шор; Дунай ты; Вавилон туй; Пентагон и др., образованные как при помощи переноса с одного объекта на другой, так и при участии разнообразных формальных средств, выражающих относительность.

При анализе географических названий республики можно заметить, что повторяющихся топонимов в количественном отношении больше, чем раритетов. Такой феномен объясняется тем, что в сходных естественно-географических условиях, условиях одинаковой культуры миропредставления живущих на этой территории народа об окружающем в основных, определяющих чертах едины. Это создает психологическую предпосылку для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве основы номинации на разных участках территории. Например, замечено, что природный фактор преобладает в топонимах на ранних этапах развития общества, а установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца, его социальное положение, статус и т.д.

В коми топонимии достаточно последовательно отражено то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. В соответствии с этим одни географические объекты получают названия, другие – нет, например, на территории республики мало безымянных водоемов (рек, озер, ручьев, прудов), и в то же время огромные лесные массивы не имеют конкретных названий и т.д.

*Мусанов Алексей Геннадьевич (Сыктывкар) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Топонимы по происхождению мотивированы и выражают в большинстве случаев определенное свойство географических объектов. Однако в процессе функционирования названия внутренняя форма слова отступает на второй план. Для топонима информативность необязательна. Одна из важнейших функций топонима – индивидуальность – отличает название одного географического объекта от другого и позволяет топониму закрепиться в языке в виде звукового комплекса. Поэтому со сменой языка местного населения у географического названия появляется больше шансов сохраниться и быть востребованным в новой языковой среде. Как правило, наибольшей стабильностью характеризуются наименования крупных и социально значимых объектов: рек, озер, болот, крупных населенных пунктов и др. Данное предназначение особенно актуально в рамках какой-либо микротерритории, где каждое название должно быть оригинальным. Выбор определенного признака для идентификации топонима во многом зависит от исторических, социально-экономических условий.

Даже после утраты создавшего топоним языка, название продолжает функционировать в качестве адреса, несмотря на иноязычное происхождение (например, Каля/ты, озеро в Прилузском районе, ср. фин. кар. вепс. вод. лив. эст. kala, саам. kuolle, морд. кал, мар. кол, манс. кол, кул, хант. кул, венг. hal «рыба»; Том, р., правый приток реки Ижма, Ижемский район, ср. карел., ливв., люд., фин. tuomi, вепс. tom «черемуха» [ММ: 96]; Сыр/вож, поселок, Усть-Вымский район; коми вож «приток»; Сыръяга, р., левый приток реки Воркута, ср. приб.-фин. sygjä «сторона, край, бок; перешеек; возвышенное место; хребет, кряж; пески, дюны»; ф.-у. юга «река»; Тойма, деревня в Удорском районе: ср. фин. toinen, ижор. toin, карел. toine, люд., вепс. toin'e, эст. teine «второй, другой» и т.д.) Именно это свойство является наиболее существенным источником этноязыковой информации. Однако не всегда в распоряжении топонимистов имеются собственно языковые способы интерпретации названий. Поэтому часто появляется потребность в обращении к внеязыковым критериям, связанным с экстралингвистическими данными об объекте: формирование археологических структур, климатические изменения и т.д.

Например, до сих пор нет точного языкового определения ряда гидронимических названий; одна из крупных водных артерий Республики Коми – р. Мезень (коми Мозын, Мозым), впадающая в Мезенскую губу, до сих пор остается неэтимологизированной. Хотя попытки предпринимались: например, А.И. Туркин сравнивал местное название гидронима Мозым с хантыйским мосын «нужный, полезный, важный, любимый», т.е. Мозым «нужная, полезная, важная река» [Туркин 1986: 70-71]. Интерпретация А.И.Туркина, бесспорно, заслуживает внимания, но не является ли местная коми форма вторичной адаптацией. Причина трудности этимологизации речных названий связана, прежде всего, консервативностью их происхождения, ср., например, названия крупных рек Печора, Ижма, Вашка и др.

Также важно при исследованиях древних миграций населения изучение моделей образования топонимов. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов, т.е. при необходимости называния географического объекта имядатель руководствуется усвоенными моделями номинации. Известно, что определенные топонимические модели продуктивны в определенное время и имеют достаточно отчетливые границы распространения, формирование которых, может быть, связано с миграциями определенных групп населения, которые в ходе освоения новых земель присваивали географическим объектам новые имена с использованием аналогичных структурных, лексических и семантических моделей.

Современная топонимическая система республики содержит уникальную информацию о прошлом народов, их жизнедеятельности по освоению северных территорий, об их культуре и языке. Разнообразие коми топонимии, многочисленные случаи древних миграций нашли отражение в топонимии. Наиболее четко это прослеживается в гидронимии и оронимии. Народы, оставившие топонимическую систему прибалтийско-финско-саамского типа, в основном были локализованы на территориях бассейнов рек Луза и Летка, Мезень и Вашка, Ижма, в верховьях Вычегды, Сысолы и вплоть до верхнего и среднего течения р.Печора, например, Латьюга, р., левый приток реки Мезень, Удорский район; более ранняя фиксация в форме Лантюга (1485 г.); ф.-у. юга «река»; ср. карел. lantto «понижение, ложбина», фин. lanto «углубление, лужа; отлогий», lanne «низина, ложбина, яма», lantama «низкое место», саам. lan^{4D} «пруд» [ММ: 53]; Летка, (коми Лет/ю), р., правый приток реки Вятка, Прилузский район; коми ю «река»; Летма, р., приток реки Сысола, Койгородский район; ср. кар. liete, вепс. lete «песок, низкий песчаный берег», букв. «(река) с низким песчаным берегом»; Лёхта, р., правый приток реки Луза; ср. вепс. lähte, lähtä «колодец», «родник», «прорубь», эст. läta «тж» [СВЯ 307]; Локчим, р., левый приток реки Вычегда, Корткеросский район; Локчим, р., левый приток реки Тобысь, Княжпогостский район; ср. фин., карел. luhta «заливной луг»; Лойма (коми Ляй), село на правом берегу реки Луза, Прилузский район; ср. фин. loima «пески; бугристое, песчаное место, поросшее вереском или мхом», эст. loim «водяная лужа, заросший травой приток ручья» [SKES II 301]; Мандач, село, Сыктывдинский район; ср. фин. mänty, карел. määndü, эст. mänd «сосна»; Сар/вож, р., левый приток реки Киваж, Удорский район; коми вож «приток»; Сар/вож, р., левый приток реки Чуб, Княжпогостский район; Сар/ю, р., правый приток реки Выми, Троицко-Печорский район; коми ю «река»; Сар/юга, (рус. Большая Сарьюга, коми Ыдждьд Сар/юга), р., левый приток реки Косью, Интинский район; ф.-у. юга «река»; Сарью, р., левый приток реки Илыч, Троицко-Печорский и

т.д., ср. вепс. *sag, saha* «развилка, разветвление», фин. *haaga*, диал. *saaga* «ветвь, ответвление; развилка дорог; сторона» [ММ: 88].

В северо-восточной части Республики Коми: на средней и нижней Печоре, в бассейнах рек Адзъва, Ижма, Колва, Уса, Цильма и в верховьях р. Вымь – прослеживаются названия ненецкого происхождения. Многие из них имеют аналоги на современной территории обитания ненцев – в Ненецком автономном округе. К собственно ненецким географическим названиям можно отнести, например, Манарага, гора, нен. мана «медвежья лапа», -рага (-раха) – суффикс сходства, подобия – «гора, подобная медвежьей лапе»; Сабрейяга, р.; нен. Сабрявяха из сабряв «глубокий», яха «река» – «глубокая река»; Сандивей, р., левый приток р. Колвы: нен. Сандябей «глубокий» – «(река) глубокая»; Воркута, р., правый приток реки Усы: по-ненецки река называется Варкутаяха: нен. варк «медведь»; слово варкута «(место) изобилующее медведями» является причастной формой от глагола обладания варкуць «изобиловать медведями», яха «река» – «река, изобилующая медведями»; Харьяга, р., нен. хара «изгиб, извилина (реки)», -яга(-яха) «река» – «извилистая река»; Юньяга, р., нен. юн «протока», -яга(-яха) «река» – «проточная река»; Харута, р., нен. харута «лиственница», «(река), поросшая лиственницами»; Янгыта, р., нен. янгы «углубление, впадина в русле», -та – суффикс наличия – «(река), имеющая углубления, впадины»; Пайхой, гора, нен. пай «кривой», хой «гора, хребет, холм» – «кривая гора» и др.

На западном склоне Уральского хребта, правобережье р. Печора зафиксирована обско-угорская (хантыйская и мансийская) топонимия. Это названия крупных водных объектов и горных хребтов: Унья, р., манс. он «быстрый», я «река» – «быстрая река»; Оссяур, гора на Северном Урале, южнее гор Пачамыльк и Хораиз: манс. осья «узкий», ур «гора, возвышенность» – «узкая гора»; Салеур, гора в верховьях реки Тэльпоз, на водоразделе рек Подчерем и Щугор: манс. сали «олень», ур «гора, возвышенность» – «оленья гора»; Топур, гора на Северном Урале, южнее горы Оссяур, на правой стороне р. Тэльпоз, левого притока реки Щугор: манс. топ «черпак», ур «гора, возвышенность» – «гора, (похожая) на черпак»; Ахвтассяхль, гора в верховьях реки Пирсью: манс. Ахвтас «камень», сяхль «вершина, гора» – «каменная гора»; Туйтымнёр, гора, «снежная гора»; Хосанёр, гора, «длинная, продолговатая гора»; Янгктумп, гора, «ледяная гора»; Яныгянктумп, гора, «большая ледяная гора» и др.

На юго-западе, в бассейнах рек Луза и Летка, Вашка и Мезень наблюдаются волжско-финские названия, большей частью марийские, например, Лудонга, оз. в бассейне р. Луза; ср. мар. лудо «утка, утиный» [МРС, 299]; Ловля, р., правый приток р. Сохся; ср. мар. ловаль «лещ», формант -я возник, вероятно, в результате трансформации коми названия на -ю в существительное женского рода на -я в русском языке, букв. «река, где водятся лещи»; Лоп/ю, р., правый приток р. Луза; ср. мар. лоп «низина, долина»; ю «река», букв. «река в низине»; Пучкома, р., левый приток р. Вашка, село на р. Пучкома; ср. мар. пуч «ствол, стебель», фин. *putki* «труба, ствол»; > рус. географический термин, распространенный на территории русского севера пучкас «проток, пролив»; а также этнонимические названия – Черемиска, руч./с.; Пордин, с.; Пор/эль, руч., правый приток р. Луза; пор – название из позднepenборских (чегандинских) племен, принимавших участие в формировании древних марийцев и удмуртов [Семенов 1982: 59-60] и др.

Кроме выше описанных субстратных наименований, встречаются топонимы, легко объяснимые с помощью тюркских языков. Можно предположить, что эти названия были оставлены марийскими племенами, например, Елга, левый приток р. Верхняя Лопья; ср. мар. йылга «река», которое, в свою очередь, усвоено из башк. йылга; елга – русифицированное название башкирского слова [Киекбаев 1956]; Мамай кодж, ур., Мамай – личное имя татарского происхождения; Таш/кыр, ур., таш «каменистая местность»; ср. тюрк. таш «камень, скала, нередко возвышенность, гора», кыр «обрыв» – «каменный обрыв» и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что при решении вопросов, связанных с формированием того или иного этноса, необходимо широко использовать топонимические данные. Они, как правило, маркируют границы расселения древних племен, пути и время их миграций на определенные территории. Топонимия является наиболее точным и достоверным в этом отношении источником исследования и вполне реально это отражает.

Литература и источники

ММ – Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск, 1991. – 162 с.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. – Л., 1972.

Киекбаев Д.Г. Вопросы башкирской топонимики // Уч. зап. Башкирского пед. ин-та. Серия филологическая. – Уфа, 1956. – Т. 8. – Вып. 2.

Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. статей. – Ижевск, 1982. – С. 43-63.

МРС – Марийско-русский словарь. – М., 1956.

Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. – Сыктывкар, 1986. – 144 с.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1955–1978. – I-VI.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–2. – Helsinki, 1992–1995.

Предки коми-зырян в эпоху Стефана Пермского (демографический аспект)**

По сведениям В.Н.Татищева, наиболее ранние известия о «перми» (предках коми) в русских источниках прослеживаются в «Степенной книге» (X век). Содержание этого этнонима было довольно неопределенным. Он указывал, что первоначально русские называли пермью народ, живший «от реки Вычегды до гор Поясных (Уральских) – мождо Печоры и вотяков» [Татищев, 1962, с.208]. В «Повести временных лет», выдающемся памятнике русской письменности начала XII в., сообщается, что «В Аfetове же части сядят (живут) Русь, Чудь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволочьская Чудь, П е р м ь (разрядка наша), Печера, Ямь, Угра». Здесь же указывается, что перечисленные народы «суть свой язык имуще» (имеют свой язык) и платят дань Руси [ПСРЛ, 1962, т. I. С. 302].

Судя по письменным данным, соседями перми на северо-западе были «чудь заволоцкая», а на северо-востоке и востоке – «самоядь», «югра» и «печера». Среди русских письменных источников особое место занимает «Житие святого Стефана, епископа Пермского», написанное Епифанием Премудрым в конце XIV в. Автор «Жития» неоднократно встречался со Стефаном Пермским, составителем пермской (древнекоми) письменности, приведшим предков коми-зырян в христианскую веру, и, вероятно, почерпнул немало сведений о Коми крае, о быте, нравах, обычаях его обитателей. Епифаний выделяет «Пермь» в бассейнах Выми и Вычегды и «Пермь Великую, глаголемую Чюсовая» на Каме, где жили предки коми-пермяков [«Житие», 1897. С. 9]. Сведения о земле Пермской из «Жития» с небольшими изменениями позднее перешли в Патриаршую или Никоновскую летопись (XVI в.) [ПСРЛ, т. XI. С. 165].

В Вычегодско-Вымской летописи границы обитания Перми вычегодской очерчены на северо-западе – по Пинеге и Удоре, на востоке – по Вишере, на северо-востоке – по Выми, на юге – по Сыsole. [Документы по истории Коми, 1958. С. 260-261]. Судя по русским письменным источникам, а также по данным топонимики, практически вся нижняя Вычегда до Котласа (Пыроса) была заселена пермским населением [Жеребцов Л.Н., 1982. С. 26]. «Пермские месты устюгские» отмечены частично на Сухоне и Юге (район Великого Устюга) [Жеребцов Л.Н., 1982. С. 257].

И в «Житии» и в Патриаршей или Никоновской летописи Вымь и Вычегда фигурируют в числе основных рек вычегодской перми. Академик Б.А.Рыбаков, анализируя летописные тексты, считает, что «список пермских народов по рекам очень логичен и действительно дает нам только население Пермской земли в тех пределах, как они очерчены, с перечнем самих рек» [Очерки русской культуры..., 1970. Ч.II. С. 202]. Тщательный анализ документов XV в., содержащих сведения о более раннем периоде, позволяет отнести обширные регионы нижней и средней Вычегды, Выми, Вишеры, Сысолы, Удоры и, частично, Лузы к территориям Перми вычегодской. В частности, в «Жалованной грамоте Великого князя Ивана III жителям Перми вычегодской» подробно называются реки, озера, курьи в перечисленных регионах, принадлежащие территориальным общинам предков коми-зырян [Документы по истории коми, 1958. С. 243-247]. Данный документ позволяет установить границы Перми вычегодской не только в XV в., но и в конце XIV в., так как в грамоте признается факт владения перечисленными угодьями дедов и отцов («дедины и отчины») [Документы по истории Коми... С. 243].

Систематические археологические исследования, проводившиеся Коми научным центром с 1960-х гг. по настоящее время, в целом подтверждают данные письменных источников о заселении бассейна Вычегды, Выми, Сысолы и других районов Коми края. Археологические материалы свидетельствуют, что наиболее заселенным был Вымский бассейн. Здесь открыты и исследованы самые крупные могильники Перми вычегодской, насчитывающие сотни погребений [Савельева, 1987. С. 5]. Могильники, известные на нижней и средней Вычегде, насчитывают лишь по несколько десятков погребений. Самые западные древнекоми могильники изучены на нижней Вычегде (в пределах Ленского района Архангельской области) в 100 км выше устья Вычегды. Средняя и, частично, верхняя Вычегда, являлись, судя по археологическим данным, сравнительно малонаселенной восточной периферией предков коми-зырян. Этот район находился в непосредственной близости от мест обитания печорских и зауральских вогуличей (предков манси). Единичные археологические памятники предков коми известны на Вашке, Мезени, Сыsole и Лузе [Савельева, 2006. С. 17].

***Королев Клим Степанович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

**Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

В настоящее время известно около сорока памятников Перми вычегодской, в том числе тридцать два могильника, несколько городищ и поселений. Всего, предположительно, насчитывается более 2000 погребений на известных памятниках. Изучено около 1500 погребений, из них более 1100 на Выми [Савельева, 1995. С. 14]. Учитывая слабую археологическую изученность ряда регионов проживания предков коми-зырян (Сысола, Удора и др.), данные цифры лишь частично отражают картину заселенности территории Перми вычегодской в XI–XIV вв. Кроме того, почти полное отсутствие антропологических данных не дает возможности определить половозрастной состав погребенных на могильниках, что является определяющим при демографических исследованиях древних обществ. С другой стороны, время функционирования крупных могильников охватывает несколько поколений людей, поэтому при подсчете людей, живших в какой-то определенный период времени, получаются большие погрешности ввиду того, что не учитываются последнее поколение живших, умершие и погибшие на стороне.

Первые работы, затрагивающие демографические проблемы предков коми-зырян, вышли в 1980-х гг. [Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н., 1984 и др.]. В последние годы вышли публикации по данной проблематике [Жеребцов, Королев, 2000; Жеребцов, Клёнов, 2002; Клёнов, 2004, 2006]. Они базируются на исторических документах и, частично, на археологических данных. Демографическая картина в регионе усложняется в связи с появлением с XII в. древнерусских городищ на Вычегде и Выми. Они служили опорными пунктами для сбора дани (меха), а также ремесленно-торговыми центрами [Савельева, 1995. С. 28-31]. Исследователи отмечают совместное проживание пришлого (русского) и местного (коми) населения на городищах [Савельева, 1995. С. 30; Королев, 2003. С. 14].

Русская колонизация с запада и юго-запада постепенно приводила к ассимиляции коренного населения на нижней Вычегде, Сухоне и Юге, частичному оттоку его в восточные и северо-восточные районы севера Европы (Ижма, Печора), в Прикамье и даже в Приобье.

Основываясь на имеющиеся письменные источники и археологические материалы, автор попытался получить хотя бы приблизительное представление о количестве пермского населения Коми края в конце XIV в. Епифаний в «Житии Стефана Пермского» упоминает о «семистах идолопоклонниках», крещенных Епифанием «своими руками», часть пермян крестили попы [«Житие», 1897]. В «Вычегодско-Вымской» летописи приводится другая цифра: «восемьсот идолопоклонников», которых крестил Стефан (к 1380 г.) [Документы по истории Коми. С. 259]. «Патриаршая или Никоновская летопись», подводя итог миссионерской деятельности Стефана, пишет, что он «многих же крестил, яко до тысяща душ» [ПСРЛ, 1965, т.11. С. 164]. Приведенные цифры в какой-то мере позволяют говорить о количестве крещенных пермян, но не дают общего представления о количестве предков коми-зырян. Известно, что многие пермяне не приняли христианство и бежали с семьями на Удору, Пинегу и в другие регионы Коми края [Документы по истории Коми... С. 260]. Последующие вымские епископы продолжали христианизацию предков коми вплоть до середины XV в.

Известно, что в «Жалованной грамоте Ивана III жителям Перми вычегодской» содержатся данные о государевой дани, которую должны были выплачивать различные регионы предков коми-зырян. В частности, вычегодские пермяне должны были поставлять дани «с четырех сотен тридцати осьми луков* десять сороков и полсорока и осьмнадцать соболей, с лука по соболю» [Документы по истории коми... С.244]. Иначе говоря, вычегодские пермяне, имевшие 438 луков (угодий), в конце XV в. должны были добыть столько же соболей. Вымская земля должны была добыть в качестве дани 367 соболей – соответственно числу угодий. Всего же Пермь вычегодская должна была уплачивать в царскую казну 1707 шкурок соболя – по соболю с «лука» [Документы по истории коми... С. 243-246].

По мнению историков, «лук» в землях коми соответствовал одному взрослому охотнику – главе семьи [Жеребцов И.Л., Мацук М.А.]. В патриархальной коми семье в среднем могли проживать 4-7 человек (глава семьи, жена, дети, с ними могли проживать имевшиеся престарелые родители). В таком случае численность семьи возрастала. Исходя из усредненных данных о членах семьи в «луке», в конце XV в. в крае проживали от 7 до 10 тыс. чел. [Жеребцов, Королев, 2000. С. 7]. Рассматривая эти цифры ретроспективно, можно предполагать, что в конце XIV в., в эпоху миссионерской деятельности Стефана Пермского, на обширной территории Коми края проживало значительно меньшее количество населения, не превышавшее нескольких тысяч человек (возможно, около 3-4 тыс.). Эти цифры не противоречат, в целом, имеющимся письменным и археологическим (пока не полным) данным.

Для сравнения рассмотрим данные о заселенности в рассматриваемую эпоху земель близкородственных коми-зырянам соседей – предков коми-пермяков, живших в Прикамье. Более благоприятные природно-климатические условия позволяли им вести производящее хозяйство, основанное на земледелии и животноводстве, приводившее к ускорению разложения родового строя и феодализации племенной знати [Оборин,

*Лук – единица исчисления размеров угодий (земельных, сенокосных, рыболовных). – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1981. – Вып. 8. – С. 296.

1990. С. 277-287]. Сравнительно небольшая территория родановцев была плотно заселена [Голдина, Кананин, 1989. С. 11-12]. Культура предков коми-пермяков (родановская) является одной из наиболее изученных в Приуралье (число известных памятников превысило 500) [Оборин, 1999. С. 257]. При всех этих условиях известный археолог, исследователь культуры коми-пермяков В.А. Оборин считал, что численность родановцев в этот период составляла не менее 4,5 тыс. чел. [Оборин, 1990].

Возвращаясь к вопросу о количестве населения в землях Перми вычегодской ретроспективно, исходя из данных письменных источников XV–XVI вв., с учетом сравнительных археологических данных по предкам коми-пермяков, мы считаем, что приведенные нами цифры являются ориентировочными, основанными на современном уровне знаний. Естественно, что они нуждаются в дальнейшей корректировке и обосновании.

Литература и источники

- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск, 1989.
Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4.
Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. – Сыктывкар, 2000.
Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М., 1982.
Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Численность населения Коми края в XVI–XVII веках // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. – Сыктывкар, 1984. (Труды Ин-та языка, литературы и истории; Вып. 33).
Житие Стефана епископа Пермского. – СПб., 1897.
Клёнов М.В. Европейский Северо-Восток в XI–XIV веках (К вопросу о системе расселения) // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004.
Клёнов М.В. Формирование населения долины р.Вымь в XI–XIV вв. К демографической истории Северо-Востока Европы в эпоху средневековья // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.; Сыктывкар, 2006.
Королев К.С. Городище Новик на средней Вычегде: средневычегодский локальный вариант Перми вычегодской. – Сыктывкар, 2003.
Оборин В.А. Заселение и освоение Урала. – Иркутск, 1990.
Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
Очерки русской культуры XIII–XV вв. – М., 1962. – Ч. II.
Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 1.
Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т. XI.
Савельева Э.А. Вымские могильники. XI–XIV вв. – Л., 1987.
Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: Научный доклад на соискание ученой степени д-ра истор. наук. – М., 1995.
Савельева Э.А. Формирование этнической территории древних коми-зырян // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.; Сыктывкар, 2006.
Татищев В.Н. История Российская. – М.; Л., 1962. – Т. 1.

Средневековый Муром по письменным источникам

В настоящее время науке неизвестны особые, «муромские», летописи [1]. Имеются упоминания, что какими-то рукописями, связанными с историей Мурома, владел В.Н.Татищев. Эти тексты были утеряны уже в начале XVIII в., так и не попав в полный объем в научный оборот. Их описаний не осталось, и об их содержании можно говорить только предположительно. Неизвестны ни хронологические рамки, ни время их написания.

При этом с достаточной периодичностью Муром называют другие древнерусские летописи. Однако чаще всего это просто упоминания о городе, связанные, например, с маршрутом какого-либо похода, княжеской поездкой или с участием города в событиях, достойных быть занесенными в летопись. Скандинавские хроники также знают Муром, но и в них, как правило, обращение к городу носит констатирующий характер в общем списке перечисляемых городов [2]. Таким образом, опираясь на сведения этих источников в лучшем случае – с известными допусками – можно лишь говорить о существовании города в то или иное время. О его состоянии, характере, структуре, архитектуре, идеологии, социально-политической организации и проч. с полной достоверностью судить весьма трудно, поскольку извлекаемая из этих упоминаний информация входит в систему косвенных доказательств. Ее принимают далеко не все исследователи. Дефицит информации столь серьезен, что до сих пор, например, отсутствуют полная персонификация муромских князей и точная хронология их правления; многие данные в принятой схеме являются легендарными [3]. Следует иметь в виду, что часть источников включает сведения, не синхронные со временем составления текстов, а более ранние, отстоящие на сто-двести лет.

В полной мере это замечание можно отнести и к третьей группе письменных источников, с той только разницей, что здесь временной разрыв между событиями и их описанием еще больше – триста-пятьсот лет. Речь идет о созданных в середине XVI в. «Повести о Петре и Февронии Муромских» и «Сказании о граде Муроме». Основная особенность этих текстов заключается в том, что оба они – авторские и художественные, в отличие от летописных сводов. То, что первая повесть вышла из-под пера Ермолая-Еразма, выдающегося писателя и публициста круга митрополита Макария, сомнений уже ни у кого не вызывает. Авторство второго произведения – неизвестно, но в последние годы было высказано предположение, что оно принадлежит тому же «прегрешному Ермолаю» [4].

Не вызывает сомнения и то, что в работе над повестями автор (авторы) пользовался более ранними источниками. Во всяком случае, обращение к устной традиции четко прослеживается в повествовании. С письменными источниками дело обстоит сложнее: они неизвестны и неизвестно, были ли они. Исключением, правда, является хранящийся вкуче с другими текстами в библиотеке Папского восточного института «Пролог стихийной, март-август», относящийся к первой четверти XVI в. (по описаниям – 1500–1510-е гг.) [5]. Он, судя по всему, был написан раньше «Повести». По мнению А. А. Турилова, готовящего весь комплекс к изданию, «в историческом (в качестве источника) и литературном отношениях значение этих памятников по существу нулевое. Новой информации они либо не содержат, либо содержат в безусловно искаженном виде» [6].

Прототексты и «Повести», и «Сказания», несомненно, имеют муромскую основу. Это видно хотя бы из того, что топография произведений, их топонимика и названные локусы соответствуют реальной муромской топографии, сохранившейся по сей день, что в ткань «Повести» включены местные предания. Правда, некоторые сведения, например, о первоначальном расположении города на месте современного Благовещенского монастыря, не находят археологического подтверждения.

Сложнее обстоит дело с хронологическими рамками. Описанные в разных редакциях текстов события можно разнести по шкале от XI до XIII в. Дело в том, что реперной точкой отчета являются годы жизни главных действующих лиц – князя Константина и его детей Михаила и Федора, князя Петра и его жены княгини Февронии. Однако никаких иных исторических документов и сведений о жизни и деятельности этих персонажей нет. Князья с такими именами не фигурируют в муромской истории более нигде, кроме этих повестей. Зато существуют достаточно давно обретенные мощи всех пяти персонажей, причисленных русским православием к лику святых. Оба текста послужили основой для составления жития этих святых. Этим, в общем-то, объясняется, почему именно историки церкви были более всего заинтересованы в отождествлении героев повестей с реально известными местными князьями и почему их интерпретация, хотя и вызывает ряд вопросов, в настоящее время наиболее употребительна.

*Смирнов Юрий Михайлович (Муром) – старший научный сотрудник Муромского историко-художественного музея.

Оба текста содержат некоторые прямые сведения о состоянии Мурома и занятиях городских жителей, не противоречащие данным, которые известны о других русских городах того времени. Контекстуальное чтение повестей позволяет реконструировать ряд ситуаций, напрямую не обозначенных в тексте, но присутствующих во внутренней логике фабулы и сюжета. Попытка такого анализа была предпринята Ю. В. Кривошеевым в работе «Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI – начала XIII вв. по материалам повестей» [7]. Построенная им модель значительно расширяет представления о средневековом Муроме, но, повторю еще раз, если у культурологов или филологов правомочность и достоверность этой методики не вызывает возражений, то многими историками и археологами она, к сожалению, ставится под сомнение.

При очевидной равноценности «Повести» и «Сказания» как исторических источников, обладающих практически одними и теми же достоинствами и недостатками, в научном обороте отношение к ним сложилось неравнозначное [8]. «Повесть о Петре и Февронии Муромских», давно признанная «жемчужиной древнерусской литературы», подвергалась прежде всего сугубо филологическому анализу или же служила иллюстративным материалом в работах о положении женщины в средневековой Руси, о бытовых отношениях. «Сказание о граде Муроме» является единственным письменным источником по истории установления христианства в Муроме. Картина христианизации Муромской земли, еще в XIX веке тенденциозно написанная церковными историками в результате поверхностного прочтения «Сказания» [9], впоследствии стала общим местом многих исторических работ. Сегодня этот процесс представляется иным [10]. В целом, как это ни парадоксально, до последнего времени данные тексты были недооценены как источники для изучения локальной истории, а потому привлекались к ней в гораздо меньшей степени, чем для решения общих проблем. Хотя современный комплексный подход к интерпретации текста позволяет реконструировать по «Повести» и «Сказанию» и реалии средневекового города, и мифо-религиозные воззрения муромских жителей, и, что самое трудное, интересное и редко осуществляемое – их менталитет [11].

Прочтение летописных свидетельств также требует известной корректировки. Например, на наш взгляд, есть вполне резонные основания усомниться в справедливости даты, под которой впервые упоминается Муром. Эта дата – 862 год. Под ней Лаврентьевская летопись в числе «иниих языцев», дающих дань Руси, называет и мурому. Если верить летописи, Муромская земля попала под руку Рюрика после его призвания на княжение Русью. Муром, как и ряд других земель, Рюрик отдает во владение своим дружинникам [12]. С легкой руки Н. М. Карамзина этот факт стал едва ли не общим местом в работах русских историков XIX в. [13]. Исследователи XX в. уже осторожнее относились к этим известиям – и не только в силу идеологических причин, но и потому, что в начале столетия А. А. Шахматов показал, что пассаж о происхождении «земли Русской» является «книжной конструкцией», вставкой летописца XI в. в более древний текст [14], поставив тем самым под сомнение историческую достоверность сообщаемых летописью сведений. Совсем недавно Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин произвели анализ структуры текста и лексики вставки и убедительно продемонстрировали, какова ее историческая основа – это этиологическое сказание о происхождении государства и сохранявшийся в устном предании договор с варягами. Даты, разумеется, условны, но реалии и имена позволяют отнести события ко второй половине IX в. [15]. Однако археологи негромко, но в один голос утверждают, что городских слоев IX в. на территории Муромы нет [16]. В Новгороде и Белоозере – двух других городах, в числе пяти указанных в том же месте летописи – IX век тоже отсутствует [17].

Даннические отношения – и тоже не синхронно, а с временным отрывом – зафиксированы и в исландской «Саге об Одде Стреле», сообщающей, что конунга, который правил в Морамар (Муроме – Ю. С.), звали Марро [18]. Судя по тому, что конунга, правившего в Ростове (по саге «земля Радстова»), источник называет Радставом, конунга Хольмграда – Хольмгейром, Палтескьюборга – Палтесом, Кенугардов – Кёнмаром, эти имена, как и Марро, являются именами не собственными, а титульными, так как включают в свой состав название подчиненной местности. По-русски это бы звучало как князь Муромский, князь Ростовский.

Кроме того, что мурома платила дань Рюрику, письменные источники – исландские и русские – больше ничего не говорят о взаимоотношениях племени с внешними правителями. Археологические данные также скудны. Единичные находки скандинавских вещей [19], свидетельствуя о существовании неких связей с норманнами, тем не менее не дают возможности однозначно говорить о постоянном присутствии варягов в Муроме.

Показательно, что в первой половине X в. при князе Игоре Муром отсутствует в списке данников Руси [20]. С одной стороны, это наводит на мысль, что включение Муромы наряду с другими, не существовавшими в IX в. городами, в список данников в XI в. призвано обосновать традицией притязания «власти Руси» на эти территории. С другой – что некая территория, носившая название Муром, ранее платила дань, но, став городом, усилившись, отказалась это делать. Похожая ситуация сложилась в X в. с вятичами. В 966 г. Святослав во время похода на Оку и Волгу обложил их данью, но после смерти Святослава вятичи, воспользовавшись ослаблением центральной власти, временно возвратили себе независимость [21]. Во всяком случае, «Сказание о граде Муроме» связывает неприятие муромскими жителями в XI в. пришлых князей не столько с

предложением принять христианство, сколько с необходимостью выплаты дани [22]. Автору летописной вставки XI в. современный ему Муром также известен как языческий.

Таким образом, даже беглый анализ письменных источников, подтверждаемый данными археологии, показывает, что приведенная в летописи дата существования города (862 год) является конъюктурной, а, следовательно, ложной. Наиболее вероятное время возникновения города – X век.

Что касается включения летописцем Муромом в список городов, то оно вполне объяснимо, так как в XI в., когда была сделана вставка, он уже существовал как город, о чем свидетельствуют и некоторые древне-скандинавские географические обзоры. В некоторых из них по неизвестным нам причинам Муром назван первым среди главных городов: «В том государстве, которая зовется Руссия и которое мы называем Гардарики, главные города: Муром, Ростов, Суздаль, Хольмгард (Новгород Великий), Сирнес (?), Полоцк и Кенугард (Киев)». Тем более что, судя по лингвистическим данным, и до возникновения города местность носила то же название – Муром [23].

Литература и источники

1. См., напр.: Введенский С.Н. Следы существования особой Муромской летописи // Труды 3-го областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20-26 июня 1906 г. – Владимир, 1909. – С. 1-15.

2. См., напр.: Джаксон Т.Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. – М., 1985. – С. 226-227; Она же. Список древнерусских городов в «Книге Хаука» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. – М., 1989; Мельникова Е. А. Древняя Русь в исламских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. – М.: Наука, 1976. – С. 141-156; Она же. Древнескандинавские географические сочинения. – М., 1986; Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. – М.: Наука, 1978. – 240 с. – С. 146, 166-167, 217; и др.

3. Характерно в этом отношении название статьи Н. П. Травчетова: «Кого из муромских князей следует понимать под именем св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца?» // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20-26 июня 1906 г. – Владимир, 1909. – С. 1-17. См. также: Квашнин-Самарин Н.Д. О князьях муромских, причтенных к лику святых // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10-20 августа. – Тверь, 1906.

4. Сказание о граде Муроме. Приложение к: Зиборов В. К. Домашнее прочтение Муромского сборника // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 67.

5. Турилов А. А. Рец.: Джурова А., Станчев К. Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. – Roma, 1997 // Славяноведение. – 2002. – № 4. – С. 118.

6. Там же.

7. Кривошеев Ю. В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI – начала XIII в. по материалам повестей. – Гатчина, 2003.

8. Благодарю ведущего научного сотрудника Муромского историко-художественного музея О.А.Сухову, акцентировавшую мое внимание на этом вопросе.

9. См., напр.: Голубинский Е. История русской церкви. – М., 1880. – Т. 1. – С. 179, 336-337, 695-696; Он же. История русской церкви. – М., 1901. – Т. 1. – С. 173, 177, 199-200, 206-207, 336-337, 664-665, 667, 695-696; Он же. Из истории канонизации святых в русской церкви // Богословский вестник. – 1894. – Кн. 8. – С. 189-190; Тихонравов К. Начало христианства в Муромской стране // ВГВ. – 1859. – № 30; Он же. Начало христианства в Муромской стране // Русский дневник. – 1859. – № 137; Новиков М. П. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. – М., 1991. – С. 73, 74-75.

10. См.: Смирнов Ю. М. Еще раз к вопросу о христианизации Муроме // Материалы областной краеведческой конференции (14 апреля 2006 г.). – Владимир, 2007. – Т. 1. – С. 132-137.

11. См.: Алексеева Л. М. Характер менталитета создателей муромской повести о Петре и Февронии // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 113-116; Она же. Легенда о Петре и Февронии как возможный ключ к расшифровке древнейшей мифологии Европы // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 116-120; Смирнов Ю. М. Христианство и язычество в «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Рождественские чтения – VII. – Ковров, 2000. – С. 42-45; Он же. Повесть о благоверной девице Февронии, христианском и языческом менталитете и о реабилитации муромских «святогонов» // Уваровские чтения – IV. – Муром, 2003. – С. 75-81.

12. См., напр.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. М.: Изд-во «Эйнерлинге». – Т. 1. – С. 67.

13. Там же; см., напр.: Голубинский Е. История русской церкви. – М., 1901. – Т. 1. – С. 177; Самоквасов Д.Я. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождении Московского государства. – Варшава, 1886. – С. 13; Тебеньков М. М. Происхождение Руси. – Тифлис, 1894. – С. 137; Галкин В. А. Суздальская Русь. – Иваново, 1939. – С. 32; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968. – С. 22 и пр.

14. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб., 1908.

15. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. – 1995. – № 2.

16. Подробнее см.: Смирнов Ю. М. Средневековый Муром как город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.–Сыктывкар, 2006. – С. 68-80.

17. Янин В. Боярская республика на Волхове // www.trinitas.ru/rus/dos/0211/008a/02110049.htm

18. Родина М.Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи) // Историко-археологические очерки. – Владимир, 2004. – С. 87.
19. Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М., 1984. – С. 194; Спицын А. А. Древности бассейнов Оки и Камы // МАР. – М., 1901. – № 25. – Табл. XXVIII, 2; Пушкина Т.А. Скандинавские находки из окрестностей Муромы // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). – М., 1988. – С. 164; Бейлекчи В. В. Еще раз об истоках града Муромы // Столичные и периферийные города Руси и России в среднее и раннее новое время XI–XVIII вв. Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17-20 мая 2000 г.). – М., 2003. – С. 77-85.
20. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951. – С. 197.
21. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) Летописи. – Варшава, 1885. – С. 167.
22. См.: Смирнов Ю. М. Еще раз к вопросу о христианизации Муромы; Он же. Крест, меч и золото (Еще один взгляд на христианизацию Муромы) // Альманах краеведа. – Владимир. (В печати).
23. Аלקвист А. От Муромы до Муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения – III. – Муром, 2001. – С. 236-237.

**Миграционные процессы и интеграция Удмуртии
в структуру Российского государства в XVI–XVIII вв. ****

Присоединение территории Удмуртии к Русскому государству, начавшись в конце XV в. вхождением Вятской земли в пределы Московского великого княжества, окончательно завершилось с завоеванием в 1552 г. Казанского ханства и подавлением восстаний народов Среднего Поволжья во второй половине XVI в. Принесение северными удмуртами роты на верность великим московским князьям и шерти Ивану IV южной группой удмуртского этноса означало, что удмурты стали подданными Русского государства. Эти единовременные акты явились началом длительного и сложного процесса интеграции этноса и занимаемой им территории в социально-политическую и экономическую структуру государства. Огромную роль в активизации интегративных процессов сыграли миграции населения, в конечном итоге приведшие к формированию современной картины расселения народов, к унификации социального и этнического состава населения с другими территориями государства.

Ведущее значение для форсирования миграции сыграли мероприятия правительства. Уже после присоединения в 1489 г. Вятской земли правительство Ивана III принимает меры по своеобразному «обменному переливанию» населения. Часть наиболее влиятельных вятчан: бояре, житьи люди, ватаманы, купцы, в их числе и арские князья, были выведены с Вятки и поселены в Подмоскovie, где великий князь «и земли им подавал» [1]. Арских князей также предполагалось разместить в районах Подмоскovie, но они были «пожалованы» и возвращены на Вятку в качестве вассалов великого московского князя, обязанных ему верной службой. В состав земельных пожалований арским князьям вошли и конфискованные владения сведенных в Москву вятских бояр. Жалованные грамоты Василия III наделяли их правом призывать людей «из зарубежья». Это «зарубежье» не могло быть ничем иным, как территорией соседнего Казанского ханства, где жили сородичи северных удмуртов: «аряне, арские люди» – южные удмурты. Переселению должно было способствовать освобождение мигрантов от дани в пользу великого князя и от кормов хлыновским наместникам [2]. Политика поощрения миграции была продолжена Иваном IV. Грамотой от 6 мая 1542 г. арским князьям разрешалось «из казанских мест вотяков и чюваш призывать жити на Вятку на мое великого князя имя на опас». Прибывшие крестьяне поступали под власть призвавшего их арского князя «по старине, как старые вотяки и чювашене». В миграции казанского населения на Вятку были заинтересованы и хлыновские наместники: с каждого они получали «явку» – куницу с семьи и по три белки с взрослого неженатого мужчины [3].

Предпринимались меры по переселению на Вятку русских жителей, особенно из районов Русского Поморья. В большинстве своем это были вологжане, вычегодцы, каргопольцы, холмогорцы, пинежане, двиняне, пермичи, устюжане, а также выходцы с территории бассейнов рек Луза, Сысола, Вынь, Мезень и т.д. Надо сказать, что взаимоотношения между мигрантами не отличались безоблачностью. Арские князья жаловались в Москву, что вятчане «бьют и грабят и обиды чинят многое» подвластному им нерусскому населению и просили защиты, в ответ Иван IV направлял неоднократные напоминания русским жителям Вятки, чтобы они «вотяков без нашего ведома однолично не воевали и не грабили» [4].

В свою очередь, миграционные процессы вызывали к жизни заметные подвижки коренного населения. Уходя с некогда обжитых мест, оно осваивало новые территории, постепенно вводя их в хозяйственный оборот, вначале в виде промысловых угодий, а затем и пашни.

Потери, понесенные во время похода русских войск на Арскую землю и взятия Арской крепости в 1552 г., многочисленные карательные экспедиции в целях подавления восстаний 1552–1557, 1572–1574 гг. привели к тому, что оставшиеся в живых «черные люди» передвинулись в северо-восточные районы Арской дороги, на территорию южных и центральных районов современной Удмуртии. Часть арских удмуртов ушла в Закамье, часть – на территорию Пермского края.

Численность ясачных удмуртов в пределах Казанского уезда осталась крайне незначительной. Так, разрядная книга 1631 г. отмечает, что здесь «ясачных людей чувашских и черемисских 6405 дворов. Вотяцких ясачных людей 983 двора, на службу их не посылают, потому что емлетца с них в государеву казну перед черемисою лишней ясак» [5]. Средняя населенность южноудмуртского двора по переписи 1716 г. была около пяти человек, таким образом, численность арских удмуртов не превышала 5 тыс. чел.

* Гришкина Маргарита Владимировна (Ижевск) ? доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Перепись 1716 г. довольно детально зафиксировала расселение удмуртов в пределах «Воцкой» дороги, той части Арской земли, на которую передвинулось и которую освоило южноудмуртское население после второй половины XVI в. Основная масса (15426 чел. обоого пола) удмуртов в первой четверти XVIII в. была сосредоточена на этой территории. При сопоставлении числа вновь возникших и запустевших селений можно заметить тенденцию к передвижению удмуртов на северо-запад края, в бассейн р. Кильмези. За пять лет в удмуртских сотнях «запустело» 1363 двора, в которых в 1711 г. проживали 6079 чел. Из «жилых» дворов убыли 2248 чел. Таким образом, число «убылых» душ составило св. 46,6% от числа учтенных переписью 1716 г. Бежали и переселялись в другие селения в пределах Арской дороги, уходили на территорию Каринского стана Вятского уезда, перебирались «в башкирцы», «ходили по миру». Наблюдалась огромная смертность: в 1711–1714 гг. здесь прокатилась волна эпидемий. Среди дестабилизирующих факторов было и очередное башкирское восстание 1710–1714 гг. [6].

Поощряемые правительственными мерами мигранты из районов Русского Поморья в XVI в. начали освоение верхнего течения Вятки. Около 1505 г. здесь был основан г. Слободской, ставший центром соответствующего уезда, между 1540–1546 гг. был построен г. Шестаков, впоследствии также получивший статус уездного города. Заселяя оба берега верхнего и среднего течения Вятки, к концу XVI в. русские крестьяне стали активно проникать в низовья р. Чепцы. Здесь ими были основаны Чепецкий тяглый и Чепецкий оброчный станы. По дозорной книге 1615 г. только в Чепецком оброчном стане насчитывалось 65 русских починков в один-два и более двора каждый. Эти селения возникли на месте «займищечек» – участков пашни, заведенных крестьянами близлежащих станов. Основатель нового починка получал льготу от податей и повинностей на 3-5 лет. К 1615 г. многие из крестьян Чепецких станов еще не успели «отсидеть» льготу: «займищечко Семейкинское Ярославца на льготе до 126 (1617/1618 гг.), «займищечко за вдовой Донницей Степановой на льготе до 125 (1616 /1617гг.), «починок, что был займище Ивашки Юдина», «починок, что был займище Ивашки Ярославца» [7] и т.д.

Удмурты пытались отстоять освоенные ими угодья, обращаясь не только к местным вятским воеводам, но непосредственно в Москву. Иногда им удавалось выиграть в поземельных тяжбах. Показательным является спор о так называемом Черемховом наволоке, начавшийся в XVI в. От 1589 г. до нас дошел «судный список» тяжбы в форме «поля», которое должно было произойти между удмуртом Котегом Бабиным и Степаном Онисимовым, русским крестьянином Чепецкого стана. Неявка последнего, который «хотел... пойти на пожню с образом, да не пошел, а сказал, что с образом пойти на пожню не можно» [8], вернула удмуртам захваченные покосы. Афонасий Толочанов и подьячий Андрей Иевлев в 1629 г. закрепили наволоку за удмуртами Омсинской и Круглой деревень. В 1652 г. покосы оказались в руках русских крестьян. Спор продолжался до февраля 1700 г., когда правительственный сыщик Савва Сандырев дал удмуртам «владенную выпись», ссылаясь на данные писцовой книги 1629 г. [9].

Темпы колонизации бассейна Вятки и Чепцы русскими продолжали возрастать на всем протяжении XVII в. Росло не только число селений, возникали новые станы и волости. На землях удмуртов между 1646–1678 гг. «устроилась» Новая Филиппова слободка, в которой в 1678 г. было зафиксировано 153 русских селения. В Чепецком тяглом и оброчном станах русское население увеличилось по сравнению с 1615 г. в 10,7 раза, а число русских селений – в 6,3 раза [10].

Островки удмуртского населения держались на Вятке до последней четверти XVI – начала XVII в. [11]. Постепенно они уходили все дальше от Вятки, на новые, бывшие некогда не заселенными, места. На первом этапе они пытались закрепиться в ее верховьях. Дозорная книга 1615 г. зафиксировала в Лужановском стане компактную массу удмуртов, составлявшую почти пятую часть учтенных в этот период удмуртских дворов. В Сырьянском стане дозорщики отметили восемь бывших удмуртских селений и пять деревень. В них проживали потомки удмуртов, обрусевших после принятия христианства в 1557 г. [12].

В писцовом описании 1629 г. бывшие удмуртские селения были зафиксированы в Бобинском, Быстрицком, Великорецком, Волковском, Спенцинском, Чепецком станах Хлыновского; в Лужановском, Сырьянском, Холуницком станах Слободского; в волостях Чисть, Кудиновской, Истобенской Орловского; в Куринской волости Котельнического уездов, а также в Шестаковском уезде [13]. В перечисленных станах и волостях было отмечено свыше 60 бывших удмуртских селений, а в Каринском стане – основном месте последующего расселения удмуртов – всего шесть удмуртских погостов, 11 деревень с полудеревней, четыре починка и одно займище [14].

В XVII в. начинается третья волна миграции удмуртов: они уходят с низовьев Чепцы на ее среднее и верхнее течение: на нижних притоках Чепцы – Кордяге, Филипповке, Святице – пустеют селения с названиями Вотинская, Отинская, «что была Отяцкая». Население передвигается в Каринский стан, где подворной переписью 1678 г. были зафиксированы 126 удмуртских, бесермянских и татарских селений [15], по сравнению с 1615 г. число селений возросло в пять раз. Началось проникновение русского крестьянства на территорию самого Каринского стана. В 1678 г. в Закаринье было 231 русских, к 1717 г. их численность возросла вдвое [16].

Более или менее адаптировавшись к политической системе Российского государства, коренное население прибегало к разным формам протеста против захвата русскими крестьянами их «вотчинных» угодий, но далеко не всегда успешно. Показательна история приобретения огромных земельных владений Пахомом Кошечевым с товарищами. В 1637 г. они били челом с просьбой отвести «в Чепецкой волости лес, рамень дикое, большой, изстари непашенное место». Был назначен сыск, в котором приняли участие 71 чел., показания удмуртов о давнем освоении ими этих угодий были признаны ложными. Пахом Кошечев апеллировал к духовной власти: в 1643 г. он обратился к московскому патриарху Иосифу с обещанием воздвигнуть храм и получил благословение [17]. В 1640/41 гг. удмурты возбудили встречный иск. Спор и сыски продолжались до 1648 г., когда было повелено о тех угодьях «дати торг, хто болши даст, тому и отдать». Удмурты не стали вступать в торг о «своих родовых» землях и проиграли огромную территорию в 13 вытей [18].

На юге края русское население концентрировалось в городах-крепостях и дворцовых слободах на Каме. В Каракулино была построена крепость и с необходимым для обороны «от приходу воинских людей» военным снаряжением [19]. Под прикрытием крепости в округе стала собираться дворцовая слобода. Примерно так же происходило формирование Сарапульской и Елабужской дворцовых волостей.

Переписные книги первой четверти XVII в. застали в этих районах значительное по тому времени русское население. По писцовой книге Богдана Нехаева 1617 г., в Елабуге насчитывалось 79 крестьянских и бобыльских дворов. По дозорной книге 1621 г., к с. Вознесенскому, «что на Сарапуле», было приписано девять селений, 325 крестьянских и 63 бобыльских дворов. Они обрабатывали 237,5 четвертей пашни «в трех полях», владели санными покосами на 14270 копен и лесом вверх по Каме на 1800 кв. верст [20]. О местах выхода русского населения можно судить по фамилиям и прозвищам жителей. Так, в Сарапуле отмечены Верхокамец, Верхолалцов, Вычегжанин, Гаинец, Лузянин, Луженин, Кудымкорец, Казанцев, Осинцев, Рязанцев, Сысолятин, Сысолец, Пермитин, Чувашов, Вотин. Как видим, население прибывало из самых разных районов Русского государства, преобладали жители Поморья и Прикамья. Среди населения Елабуги почти 30% составляли выходцы с территории Русского Поморья, 28% – с верховьев Камы, 24% – вятчане, менее 1% – из районов Среднего Поволжья. Как и в Сарапуле, здесь были отмечены и представители нерусских народов: «чуваша», «югра», «немчин».

По подворной переписи 1646 г., число селений в Сарапульской дворцовой волости за полвека увеличилось в пять раз. Число крестьянских дворов, как и в Елабужской волости, возросло в три раза. По местам выхода состав жителей в дворцовых селах стал еще разнообразнее: появились астраханцы, ярославцы, стародубцы, свияжане, галичане, из нерусских крестьян – мордва. В 1646 г. в одной только Сарапульской волости проживали 4828 чел. м.п., насчитывалось пять сел, 16 деревень, 17 починок [21]. В Елабужской дворцовой волости, по неполным данным, в 1646 г. числилось 444 двора, в них проживали 1405 чел. [22].

Еще одним районом концентрации русского населения по Арской дороге стали низовья Вятки. В 1595 г. Вятский Успенский Трифонов монастырь получил здесь обширные земельные угодья и основал с. Вятские Поляны [23]. Как и вся территория Заказанья, Малмыжский и Елабужский районы Прикамья стали объектом помещичьей колонизации. К концу XVII в. здесь было около 30 помещичьих имений. Самой крупной была вотчина помещиков Яшучевых, пожалованная им еще в 1580 г. В ней имелось 4752 десятины пашни в трех полях, 880 десятин сенокосов и огромные лесные массивы, размеры которых не смогло уточнить даже генеральное межевание [24].

К концу XVII в. темпы прироста русского населения в старых центрах колонизации снижаются: усилился отток в другие районы. В конце XVII – начале XVIII в. русские стали заселять бассейн Сивы. Уже перепись 1711 г. зафиксировала 29 русских селений, в 1716 г. здесь было 31 селение, 249 дворов, 1489 душ русских крестьян [25]. На территории остальных сотен Арской дороги численность русского населения оставалась незначительной: 850 дворов, 2018 чел. м.п. и 2081 ж.п. [26]. Вновь прибывающие, как свидетельствуют «книги пришлого населения», предпочитали селиться в уже существующих русских населенных пунктах, а также по р. Сива. Здесь было 104 двора, ведущих свое хозяйство, на положении «соседей» обреталось 12 семей, всего вновь пришедших русских крестьян оказалось 547 чел. обоого пола [27]. По итоговым данным переписи 1716 г., в структуре населения шесть удмуртских сотен Арской дороги русские составили 17,7% дворов и около 14,2% жителей обоого пола. Удельный вес русского населения был бы еще значительней, если бы не бегство: запустело 144 двора, убыло по тем или иным причинам 1172 чел. [28]. Удельный вес убывших приблизился к 46%.

Население Елабужского и Сарапульско-Каракулинского районов в этот период росло постепенно: в Елабужской волости числилось 551 д. м.п. и 628 д. ж.п. [29]. Из жилых дворов после переписи 1710 г. умерли 200, бежали 94, были отданы в рекруты 16, мобилизованы на работу в Санкт-Петербург 11, отправлены в Казань 12 чел. Женское население убывало с такой же интенсивностью. Из запустевших дворов убыли 1690 чел. [30]. В Сарапульской дворцовой волости перепись зафиксировала 940 дворов, из них девять нищенских и 12 вдовьих. Наличного населения было насчитано 2890 чел. м.п. и 3026 чел. ж.п. Запустело 128 дворов, по

разным причинам убыло 1 482 чел. или 25% населения. Волость продолжала притягивать к себе «сходцев» из разных мест: в 48 дворах пришлых проживали 132 д. м.п. и 126 д. ж.п. Кроме того, 47 дворов не успели обзавестись собственным хозяйством и жили на положении соседей [31].

Стабилизация социально-экономической ситуации к концу первой четверти XVIII в. привела к нарастанию численности русского населения в Прикамье. По материалам I ревизии, в дворцовых волостях было зафиксировано 9060 д. м. п. Самой крупной оставалась Сарапульская волость, в ней в подушный оклад было положено 3964 д. м. п. В 57 селах, деревнях и починках волости насчитывалось 1437 крестьянских и бобыльских дворов [32].

В первой четверти XVIII в. продолжается проникновение русских крестьян непосредственно на территорию расселения удмуртов, особенно на севере. Так, в ходе первой ревизии выяснилось, что в Закаринье, в каринских татарской, бесермянской и удмуртских долях было утаено 940 д. м.п. русских, живших на правах половников, кортомщиков, мельников и срочных работников [33].

Наблюдается оживление миграции на территорию расселения южных удмуртов. Ко второй ревизии (1744 г.) русские довольно плотно заселили пространство между р. Воей и Лумпунью, где сформировались Сретенская и Верховская Рождественская волости, в которых было отмечено 89 сел, деревень и починков, в них проживало 3936 д. м. п. [34]. В Лобанской волости, расположенной поблизости, отмечено 91 селение, в большинстве это починки. Русское население, оседавшее в Пронкиной сотни Янмурзина, было выделено в Сивинскую волость, которая делилась на Денисову сотню Ефимова (44 селения, 1168 д. м.п.) и Арефьеву сотню Ефремова (27 селений и 2099 душ) [35]. Сарапульская дворцовая волость к этому времени насчитывала 79 селений и 6744 д. м.п., по сравнению с первой ревизией население увеличилось в 1,7 раза. В Каракулинской волости к 1764–1765 гг. числилось 5792 д. м.п. дворцовых крестьян.

В результате отмеченных колонизационных и миграционных процессов, происходивших особенно интенсивно на протяжении XVI–XVIII вв., расселение этнических групп приблизилось к современной картине. Русское население заняло территории по крупным судоходным рекам: по правому и отчасти левому берегу Камы, левобережье Вятки, низовья Чепцы. Стали активно заселяться притоки Камы, такие как Сива, Иж, а также притоки Вятки: Чепца, Лобань, Лумпунь, Кильмезь, Воя. Удмурты закрепились в лесных пространствах междуречья Камы и Вятки. Этническая территория удмуртов в ее современном виде сложилась к концу XVII в., в дальнейшем шла инфильтрация русского населения в пределы волостей и общин, формировалась этническая чересполосица.

Образование в 1780 г. Вятского наместничества, в четырех уездах которого – Глазовском, Елабужском, Малмыжском и Сарапульском – сосредоточились основная масса удмуртов, а также значительные территории, уже ранее освоенные русскими крестьянами, привело к резкому возрастанию на этой территории удельного веса русского населения. К 1795 г. русские составляли 52,2% жителей этих уездов, на долю коренного населения приходилось лишь 36,4% [36].

Миграционные процессы имели своим следствием серьезное изменение этнической и социальной структуры населения края. Как и в других районах, в Удмуртии при преобладании крестьянства появились сословные группы, связанные с трудом на промышленных предприятиях. К 1797 г. на Камских заводах было сосредоточено 4539 чел., число приписных крестьян превышало 28 тыс. чел. м.п. [37]. На Бемышевском заводе работали 197 основных и 264 вспомогательных работника, на Коринском – свыше 30 крепостных, примерно столько же работников обслуживало Пыжманский медеплавильный завод [38]. На 1811 г. при Омутнинском заводе было 419 д., при Пудемском – 64 д. м.п. рабочих людей [39]. Кроме того, с работой по строительству флота было связано 6619 д.м.п. лашманов – приписных к Адмиралтейству.

В конце XVIII в. на базе нескольких пригородов и сел возникли уездные города, которые со временем стали подлинными торговыми и промышленными центрами края. Здесь формировались городские сословия: купечество, мещанство, чиновничество; эти сословные группы вкуче составили к концу XVIII в. 3,4% населения края. Значительно возросла плотность населения. К 1795 г. по Глазовскому уезду приходилось 5,3 чел., по Малмыжскому – 4, по Елабужскому – 4,3, по Сарапульскому – 6,9 чел. на кв. км. В начале XVIII в. площадь пашни не превышала 9-11% территории края, к началу XIX в. удельный вес пашни возрос до 28,9% в Сарапульском уезде, до 19,9 и 18,8% – в Елабужском и Глазовском уездах и 15% – в Малмыжском уезде. Соответственно удельный вес лесных массивов в крае сократился до 74,4% [40].

Отмеченные сдвиги усиливали связи Удмуртии с другими районами, отчетливо свидетельствуя об интеграции края в систему Российского государства.

Литература и источники

1. Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века. – Киров, 1996. – С. 40.
2. Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. – Ижевск, 1988. – С. 35-36.

3. Там же. – С. 37-38.
4. Там же. – С. 38, 39-40.
5. История Марийского края в документах и материалах. – Йошкар-Ола.: Мар. кн. изд-во, 1992. – С.106.
6. Гришкина М.В. Материалы ландратской переписи 1716–1717 гг. как источник по истории Удмуртии первой четверти XVIII в. // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. – Сыктывкар, 2005. – С. 36-39.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209, оп. 1, д. 1030, л. 96-114 об.
8. РГАДА. Ф. 1113, оп.1, д.4, л.17.
9. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. – Ижевск, 1958. – С. 74-79.
10. РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 520, л. 1028-1029 об.
11. Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. – Ижевск, 1994. – С. 97.
12. Документы по истории удмуртов XV–XVII вв. – Ижевск, 1958. – С. 192-195.
13. Там же. – С. 197-207; РГАДА. ф. 1209, оп. 1, д. 520, л. 672, 697, 716, 729, 733, 736, 790-790 об.
14. Атаманов А.Г. По следам удмуртских воршудов. – С. 171.
15. Документы по истории Удмуртии... – С. 263-329.
16. Бушуева В.Л. Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII–XVIII вв.: Рукопись канд. дис. – М., 1950. – С. 51-52.
17. Там же. – С. 58-59.
18. Труды Вятской ученой архивной комиссии (далее ? ВУАК). – Вятка, 1906. – Вып. III–IV. – С. 38-50.
19. РГАДА. Ф. 1173, оп. 1, д. 199, л. 1-2.
20. Труды ВУАК. – Вятка, 1905. – Вып. III. – С. 89-92; – Вып. IV. – С.219-224.
21. Покровский И.М. К истории помещного и экономического быта в Казанском крае в середине XVII века // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1909. – Т. 76. – Кн. 7-8. – С. 99-108; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII – начале XVIII века. – Одесса, 1882.
22. Покровский И.М. Указ. соч. – С. 100-107.
23. Труды ВУАК. – Вятка, 1906. – Вып. 3-4. – С. 179-199.
24. РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 6444, ч.1, л. 32-34 об.
25. РГАДА. Ф. 350, оп. 3, д.1061, л. 256 об.-257 об.
26. РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 146, л. 1484.
27. РГАДА. Ф. 350, оп. 1, л. 1-62.
28. Там же. Л.945 о. – 946.
29. РГАДА. Ф. 350, оп.1, д. 149, л. 2-90; 101-112 с об.
30. Там же. Л. 83-89 об.
31. РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 145, л.28-36.
32. РГАДА. Ф. 350, оп.3, д.5556, л.550 об.-551.
33. РГАДА. Ф. 350, оп. 3, д. 5877, л.21- 25, 33об-34, 55, 59,75. 90, 91, 102, 107-107 об., 114, 158.
34. РГАДА. Ф. 350, оп. 3, д. 1071, л. 1219- 1318.
35. РГАДА. Ф. 350, оп. 3, д. 1066, л. 1-269.
36. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. – Ижевск, 1977. – С. 38.
37. Васина Т.А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Ижевск, 2006. – С.68.
38. Гришкина М.В. Частновладельческая промышленность // Удмуртия в эпоху феодализма. – Ижевск, 1994. – С. 160-161.
39. Романов Н. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие // Столетие Вятской губернии. – Вятка, 1881. – Т. II. – С. 774.
40. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии... – С. 34-35, 36-37, 41-42.

Группа после переселения: естественное движение и миграционные процессы старообрядческого населения на Дунае 1830–1850-х годов

Данная работа продолжает историко-демографический анализ миграций русских в Придунавье. Предметом внимания стали модель или режим демографического воспроизводства старообрядческой группы на протяжении 1830–1850-х гг. В историографии под данным процессом принято понимать совокупность естественных и механических (эндогенных и экзогенных) тенденций в движении населения [1]. Попробуем разобраться в соотношении миграционных результатов с балансом рождаемости-смертности. Рассмотрение этого позволит характеризовать переход общности от миграционной в стабильную. А решение этих вопросов, в свою очередь, конкретизирует научные знания о демографическом поведении старообрядческого населения, его факторах и закономерностях. Таким образом, круг историко-демографических задач включает установление и описание тенденций в приросте населения, а также анализ причин этого – за счет внутреннего потенциала или путем внешних факторов.

Реконструкции подобного рода по другим территориальным группам старообрядцев Украины [2] в сочетании с предложенными могут стать основой для формирования концепции особой этноконфессиональной модели демографического воспроизводства. Ее специфика обусловлена инновационной средой практически перманентной миграции в совокупности с традиционными взглядами на нормы популяционного поведения. Синтез этого привел староверческие общности к европейским или современным чертам репродукции несколько ранее, чем окружающее православное население [3]. Как это нередко проявляло старообрядчество в качестве историко-культурного феномена, сознательное стремление к консервации «старого» приводит к революционной и прогрессивной практике [4]. Попробуем раскрыть эти демографические предположения на эмпирических материалах.

Конец XVIII – первая треть XIX в. – период активных переселенческих процессов староверов на Дунай [5]. В условиях стремительных и многочисленных потоков в Бессарабию и из региона оценить детально соотношение естественных и механических трансформаций не представляется возможным. Лишь после 1830-х гг. массовые источники позволяют решить эти вопросы. Решение этого осуществим на основе IX ревизской переписи Российской империи 1850 г. (табл. 1).

Таблица 1

Движение старообрядческого населения Южной Бессарабии на протяжении 1836–1850 гг.

Год	Родилось		Умерло		Природный прирост	Коэффициент природного прироста, ‰	Убыло		Зачислено		Сальдо с учетом миграций
	М	Ж	М	Ж			М	Ж	М	Ж	
1836	162	208	81	73	216	4,28	36	27			153
1837	117	45	76	68	18	0,36	18	2			-2
1838	108	135	90	82	71	1,44	134	90			- 153
1839	99	72	72	64	35	0,72	45	54			- 64
1840	135	180	54	47	214	4,28	9	18			187
1841	109	36	45	47	53	1,06			56	18	127
1842	135	171	36	29	241	4,78	9	9	108	99	430
1843	207	207	45	43	316	6,26	27	3	36	18	340
1844	108	172	36	29	215	4,28	18	9	54	36	278
1845	162	126	90	80	118	2,35	36	18	228	206	498
1846	136	126	45	43	174	3,45	63	18			93
1847	162	144	45	43	218	4,28	12	15			191
1848	144	81	54	50	121	2,36	90	90	36	27	4
1849	360	109	54	48	367	7,27	81	45			241
1850	117	54	36	12	123	2,36	36	18	9	9	87
Не указ.	19	18	36	12	-11	-0,32	9		9		-11
Всего	2280	1884	895	770	2489	49,21	623	416	536	413	2399
	4164		1665		2489	3,28*	1039		949		2399

* – дана суммарная величина и средний показатель.

*Пригарин Александр Анатольевич (Одесса, Украина) – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Одесского национального университета им. И.И.Мечникова.

Средняя численность группы на протяжении 15 лет, между VIII и IX ревизиями, составляла 5246 чел. (4281 на 1835 г. и 5442 на 1850 г.). Столь незначительный рост населения, скорее всего, стоит объяснять значительными миграциями. Попробуем это рассмотреть, для чего выясним средний коэффициент естественного прироста населения по формуле:

$$K = \frac{Sp - Sy}{Pcp} \times 100,$$

где Sp – сумма родившихся, Sy – количество умерших, а Pcp – среднее количество населения. Проведя эти подсчеты по годам и за период в 15 лет, получили позитивный коэффициент природного прироста населения, который составлял в среднем 2,39% или 0,239‰ на год.

Миграции. Из приведенной табл. 1 видно, что сальдо миграций отрицательное: 90 чел. на 15 лет. При этом объемы и масштабы этих переселенческих движений значительные – в общей массе в них за достаточно короткий период приняло участие свыше 2 тыс. чел. Из них эмиграция касалась практически каждого пятого или немногим менее 20%. Положение выравнивалось за счет иммигрантов, составивших примерно такой же объем.

Выборочные исследования биографий показывают, что миграции отражали не только внешние процессы, но и внутрорегиональные пертурбации. Выселение («бегство») шло в одном направлении – в сторону Добруджи, в соседние некрасовско-липованские общины. Кульминацией таких миграций являлся 1848 г., когда левый берег Дуная покинуло около половины всех убежавших. После восстановления воссоединения части Бессарабии в одном государстве с Добруджей (1856 г.) начался процесс возвращения в бессарабские общины.

Более широкая география проявляется в переселенческих потоках на Дунай – жители северной части Бессарабской области, Херсонской, Подольской и Черниговской губерний и т.д. Стоит учесть, что в документах не содержится аналогичных массовых сведений по неофициальным переходам в общины региона, а их масштаб, по-видимому, был не менее крупным.

Чтобы оценить миграционные процессы на конкретном историческом материале, остановим внимание на Старой Некрасовке и Вилково. Некрасовцы были в более привилегированном положении, нежели остальные старообрядцы региона. Также требует уточнения факт расположения Вилкова в дельте Дуная, в непосредственной близости от границы. Исходя из этого, вполне можем считать сведения по этим двум поселениям вполне репрезентативными – они отображают две разные модели старообрядческих поселений региона.

На протяжении 1835–1850 гг. общины покинул («бежали» или «в неизвестной отлучке» на языке ревизских переписей) каждый десятый (!) житель [6]. Анализ погодичной динамики показывает, что наибольшее количество покинувших Бессарабию относится к 1838–1839 и 1846–1848 гг. (рис. 1). В этих случаях причинами стали: переходы после 1846 г. напрямую связываем с созданием за границей трехчинной старообрядческой церкви, а конец 1830-х гг. – с социально-экономическим ухудшением жизни в Бессарабии.

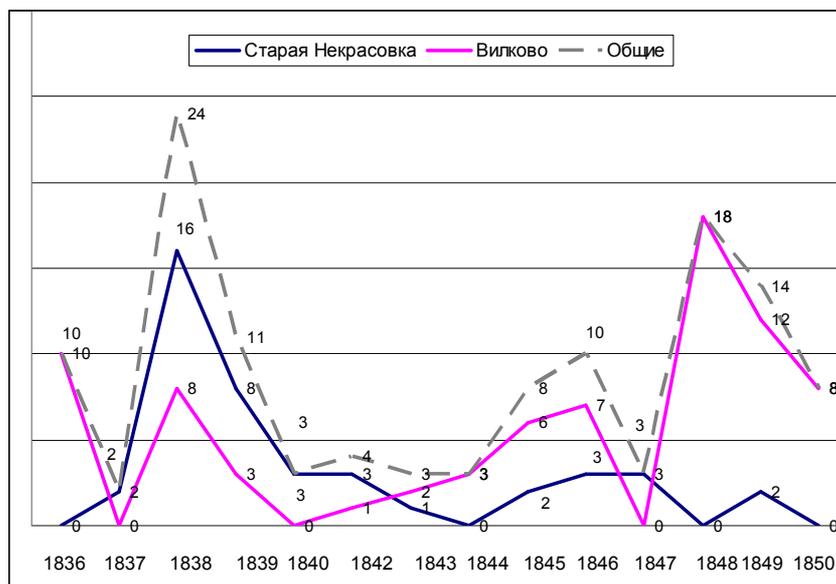

Рис. 1. Динамика погоди́чной убыли старообрядцев на Дунае.

Значительных масштабов также достигли в 1830–1850-е гг. миграции внутри региона. Согласно данным по посаду Вилково, основную массу представляли внешние по отношению к региону выходцы из других губерний (более половины всех легализованных в Вилково). При этом оставался путь формирования за счет новых переселенцев из-за границы («из Турции») – почти каждый пятый из причисленных. Однако такую же часть составляют жители соседних поселений, которые меняли место жительства. Эти внутрирегиональные миграции отражали процессы хозяйственно-экономической специализации населенных пунктов и социально-вертикальных перемещений. Например, более «престижными» являлись городские поселения региона, а рыбный промысел был наиболее эффективным (не только по ресурсам, но и по инфраструктуре сбыта) именно в Вилково.

Рождаемость. Коэффициент рождаемости (n) высчитывается по формуле [7]:

$$n = \frac{N}{P} \times 1000,$$

где N – количество рождений на год, P – общее количество населения на середину периода (среднегодовое население). Подставляем сведения и получаем:

$$n = \frac{278}{4861,5} \times 1000 = 57,18\%$$

Отметим, что коэффициент рождаемости у старообрядцев анализируемого времени несколько варьировался по половому признаку – доминирование в числе новорожденных мальчиков: более 63% против немногим менее 51% девочек. Эти показатели выше аналогичных данных по крестьянам Европейской России в целом (51%) [8]. В регионе же в то же время среднегодовой показатель рождаемости составлял 45‰ [9] и также был несколько выше для мальчиков.

Согласно характеристики репродуктивной ситуации (классификационная шкала рождаемости Б.Урланиса и В.Борисова) [10], такой коэффициент может быть отнесен к сверхвысоким (40‰ и выше). Учтем, что в расчеты не попали дети, умершие в младенческом и малом возрасте, т.е. реальный коэффициент был еще большим.

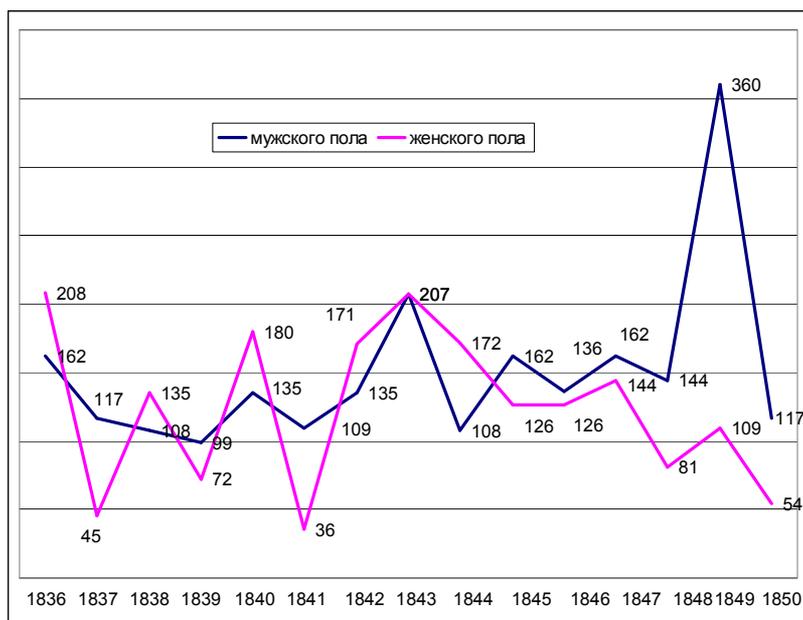

Рис. 2. Рождаемость в старообрядческих общинах Придунавья (у – кол-во рождений; х – погодичная хронология 1836–1850 гг.).

Подсчеты суммарного коэффициента рождаемости ведутся с учетом только репродуктивных женщин, а не всего населения. Поэтому он считается более корректным и вычисляется по формуле:

$$\sum f = \frac{5N}{F},$$

где $5N$ – число рождений за последние пять лет, а F – количество женщин в фертильном возрасте, возраст которых попадает в рамки среднего возраста $\pm 2,5$ года [11]. Таким образом, для старообрядческой группы региона он составлял:

$$\sum f = \frac{5 \times 1721}{1432} = 6,0.$$

Вычисленный показатель сравним со средними для Европейской России того времени: 5,2 – крестьяне, 5,5 – купцы и 6,2 – мещане [12]. Из этого видно, что старообрядческая группа на Дунае приближалась к мещанскому показателю. Учитывая специфику социального положения части старообрядцев региона, это выглядит вполне вероятным. Данный суммарный коэффициент по общей типологии также относится к высокому (выше 4,0) [13].

Важным признаком распределения рождаемости является выделение когорт женщин по началу и концу фактического фертильного возраста. Наиболее ранние факты относятся к 13 и 15 годам, а поздние – 50 и 51 год. Однако они единичные. Абсолютное большинство приходится на женщин в возрасте 17–35 лет (табл. 2; рис. 3).

Таблица 2

Процентное соотношение родившихся по возрасту матерей

Когорты	<15	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	>50
Процент	0,5	10,2	29,5	24,5	14,7	13,6	5,3	1,2	0,5

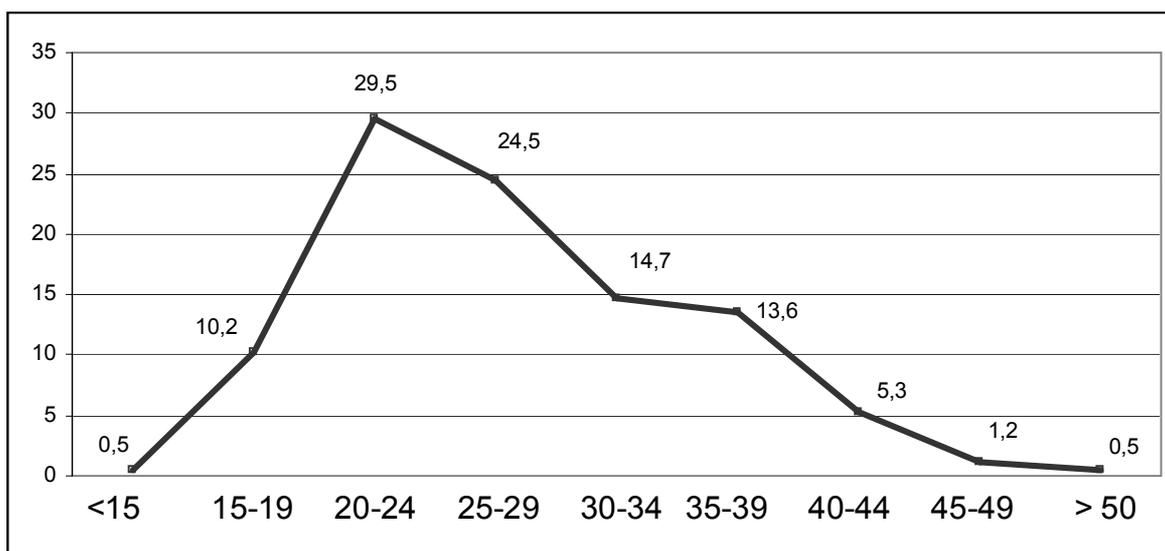

Рис. 3. Уровень рождаемости по возрасту матерей. Старообрядцы Придунавья. 1850 г.

Анализ документов свидетельствует, что 54% детей родились у женщин в возрасте 20–29 лет. Средний возраст первых родов составлял 23,9 лет. При этом более 62 % рожали до этого возраста, а еще 8% – в этом возрасте. Следует отметить, что в 5% случаев первые роды проходили позже 40 лет. Абсолютно аналогичная картина наблюдалась в XVIII в. среди старообрядческого населения Стародубщины и Черниговщины [14]. Совпадение выдает общность норм и стереотипов старообрядчества как определенной этноконфессиональной модели демографического воспроизводства.

Средний индекс детности (d), отражающий соотношение количества детей на одну семью, в группе составлял 2,3. Если внести корреляцию на молодые семьи, а также пожилые, дети которых проживали отдельно, то d=2,7.

Для группы в целом характерны многодетные семьи. Более 42% имели от трех и более детей (в них росло более 72% всех детей группы). Почти столько же семей имели по 1-2 ребенка (большинство из них еще не исчерпали своего потенциала). Лишь 17% семей относились к бездетным, но и этот статичный показатель отражал ситуацию не вполне адекватно (молодожены, взрослые семьи с отдельно живущими детьми и т.д.).

Распределение детей по семьям старообрядцев. 1850 г.

Кол-во детей	0	1	2	3	4	5	6	7
Процент семей	17,5	17,5	22,6	17,5	15,3	6,8	2,3	0,5
Доля детей	–	7,7	19,9	23,1	26,8	14,9	6,0	1,6

Смертность. Для вычисления данного показателя использовали следующую формулу (где М – количество умерших на протяжении определенного периода, Р – средняя численность населения, Т – продолжительность периода) [15]:

$$m = \frac{M}{P \times T} \times 1000 = \frac{1665}{4861,5 \times 15} \times 1000 = 22,83\%$$

Полученный коэффициент выше аналогичного в старообрядческих поселениях Полесья в XVIII в. [16]. В нашем регионе он в полтора раза ниже среднего показателя смертности у православного населения России: 49% в городе и 35% в деревнях [17]. Такой же результат получаем при сравнении с коэффициентом смертности на этот же год по Бессарабии – 37,98% [18]. Присоединимся к Ю.В.Волошину, который считал, что полученный результат стоит откорректировать с учетом отсутствующих данных по родившимся и умершим в период между ревизиями.

На протяжении 1835–1850 гг. пики смертности приходились на 1838 и 1845 гг., в которые умерли 306 чел. (немногом менее 25% от общего показателя за период). Возможно, что в этих случаях имеем дело с эпидемическими явлениями, но другими источниками это пока не подтверждается. В остальное время в среднем на год приходилась смерть 56 мужского и 48 женского пола лиц (6,5% и 5,6%, соответственно). Следует отметить, что в то же время средние показатели по Бессарабской области были намного выше – 32,7% (17,2% – для мужчин и 15,5% – для женщин) [19].

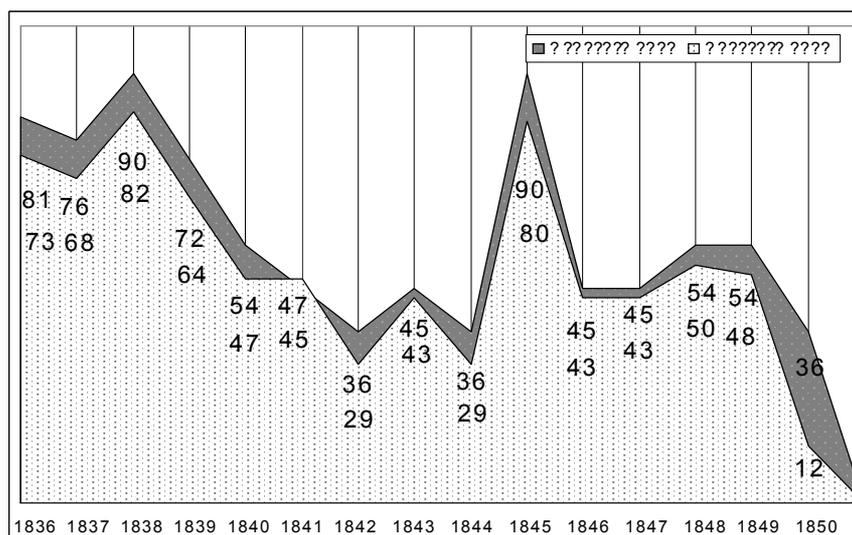

Рис. 4. Распределение умерших старообрядцев на Дунае по годам. 1836–1850 гг.

Факторы и причины смертности в старообрядческой группе следует отнести к доминированию экзогенных причин – влияние среды. Хотя документы содержат лишь несколько прямых указаний на причину смерти («*утонули в Дунае*», «*замерз*» и «*пропал без вести* (рыбалка)» и т.п.), однако анализ возраста умерших показывает, что средний показатель составлял 49,5 лет. Когортное распределение умерших было таким: 14% случаев относятся к детскому и подростковому возрасту, 52% – к репродуктивному и лишь 34% – к пожилому. К «роковым» годам следует отнести возраст 23, 44, 53 и 69 лет.

По возрасту дожития группа явно относится к рискованным. Почти половина умерла в молодом возрасте – до 49 лет. Наиболее поздняя смерть указана для вилковского жителя Семиона Федорова, который на 95-м году жизни в 1850 г. «замерз».

Эти общие тенденции ярче всего прослеживаются на уровне отдельного поселения. Для иллюстрации динамики смертности и доли детской смертности (до 10 лет), а также среднего возраста умерших приведем материалы по Вилково (табл. 4).

Таблица 4

Смертность старообрядческого населения Вилкова на протяжении 1836–1850 гг. [21]

Год	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850
Детская	3		1	1				1			1	1		1	
Средний возраст	37,4		40,1	58,7	53,0	57,3	35,5	41,7		43,4	45	42,8	56,3	43,8	77,7
Общая	7		7	6	6	3	2	4	2	7	4	4	4	5	3

Кроме всего прочего, из приведенной таблицы видно, что детская смертность практически не фиксировалась в Ревизских переписях. Анализ показывает, что по мере стабилизации общины проявляется тенденция к повышению среднего возраста умерших. Средний показатель в год составлял 14%, что соответствует групповому в целом. Как и общегрупповой, он не учитывал высокого уровня детской смертности. При этом средние показатели движения населения могут не совпадать на локальном уровне. Несмотря на общие оптимистические вычисления, в ряде общин в конце 1840-х гг. мог ощущаться демографический спад. Так, например, у старообрядцев Килии наблюдается в это же время отрицательный естественный прирост за счет доминирования количества смертей над числом рождений (табл. 5).

Таблица 5

Прирост старообрядческого населения Кили [21; 22; 23; 24; 25]

Год	Численность населения			Родилось			Умерло			Всего			Прирост населения	
	М	Ж	Общая	М	Ж	Общая	М	Ж	Общая	М	Ж	Общая	Абс.	%
1848	224	172	396	13	15	28	21	17	38	216	170	386	-10	-2,5
<i>В ‰</i>						71,6			97,1					25,6
1850	221	168	389	12	11	23	8	18	26	225	161	386	-3	-0,7
<i>В ‰</i>						59,4			67,1					7,7
1851	225	161	386	19	14	33	15	13	28	221	162	383	-3	-0,7
<i>В ‰</i>						85,8			72,8					7,7
1852	221	162	383	8	19	27	16	22	38	213	159	372	-9	-2,4
<i>В ‰</i>						71,5			100,6					23,8
1854	224	164	388	13	14	27	18	17	35	219	161	380	-8	-2,1
<i>В ‰</i>						70,3			91,1					20,8
<i>В ср.</i>						71,7			85,7				-6,6	-1,7
														17,1

Как видим, община в год убывала более чем на шесть человек или 17,1%. Стоит отметить, что рождаемость превышала среднюю по Российской империи в 1,5 раза, но и смертность – в 2,38 раза [26]. Для Бессарабской области в целом эти годы были всплеском смертности [27], что, возможно, связано с неблагоприятным эпидемиологическим положением.

Такой режим воспроизводства очень близок к городской модели того времени. Возможно, что в старообрядческих селах региона подобные показатели были несколько лучше. Вместе с тем эта ситуация отображает более тщательный сбор сведений – килийские чиновники включили материалы по детской смертности, которые практически отсутствуют в ревизских переписях. Учитывая уникальность таких сведений, приведем их в табл. 6.

Таблица 6

Смертность старообрядцев г. Кили на 1852 г. [28]

Возраст	Муж.	Жен.	Общая	Процент
До года	3	9	12	30,77
До 5 лет	8	5	13	33,33
До 10 лет	0	2	2	5,13
10-18 лет	3	1	4	10,26
19-50	0	4	4	10,26
Старше 50	3	1	4	10,26
Всего	16	22	38	100,00

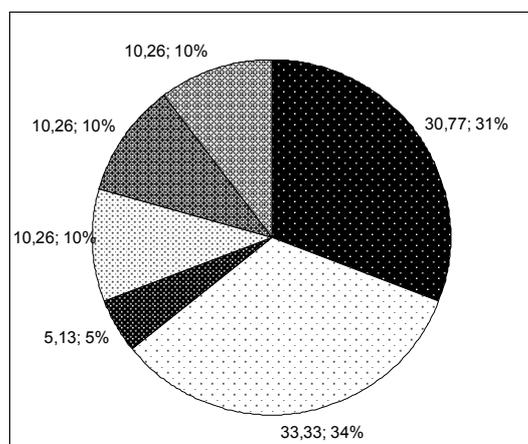

Рис. 5. Смертность старообрядцев г. Кили на 1852 г.

Из приведенных материалов становится очевидным, что детская смертность составляла крайне высокий процент – три случая из четырех могут быть к ней отнесены [29]. Почти треть смертей приходилась на младенцев и немногим более – на детей в возрасте до пяти лет. Обращает на себя факт преобладания смертей девочек над мальчиками в три раза. Опасность родов косвенно подчеркивается наличием умерших женщин в молодом возрасте – каждый 10 случаев.

Показательно эти данные ввести в общий индекс вероятности умереть у новорожденного ребенка. Для конца XIX в. у русских мальчиков этот «шанс» составлял 169,3, украинцев – 129,1 [30]. А на время нашего внимания «*пройти суровую школу русского детства*», – подсчитали специалисты, – *удавалось лишь 47% мальчиков и 50% девочек*» [31]. Мы можем высчитать лишь относительные индексы, но и они оказываются предельно убедительными. В регионе они составляли примерно 40% у мальчиков и 46% у девочек. А в других показателях – 140,0, т.е. средним между украинским и русским населением империи. В любом случае, группа попадала в общую «экстенсивную модель воспроизводства населения» [32].

Если эти выборочные подсчеты учесть для общей картины, то стоит предположить, что рост местных старообрядческих общин шел не столько за счет механического воспроизводства, сколько за счет внешних факторов. Возможно, что имела место и сознательная фальсификация. Вместо умерших членов общины записывались беглецы. О таком «криминале» не раз сообщали чиновники [33].

Роль внешних факторов в приросте населения косвенно подтверждается материалами все того же Вилкова (рис. 6).

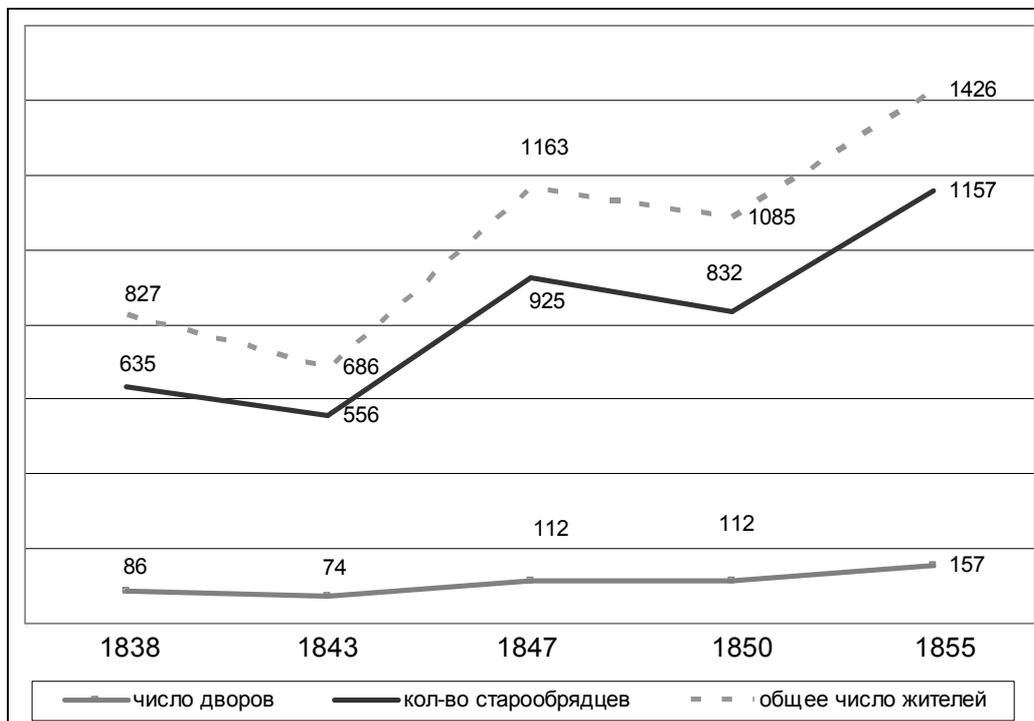

Рис. 6. Динамика старообрядческого населения Вилкова 1838–1855 гг. [34].

Очевидно, что за 17 лет население посада не могло вырасти почти в два раза (172%), а прирост старорверского составить 182%. Согласно подсчетам естественного прироста (14‰ в год), старообрядческое население в год должно было бы увеличиваться на 150 чел. в год. По самым оптимистичным подсчетам, все община могла составлять примерно 800 чел. В то же время реальный прирост показывает численность в 1157 чел. Кроме того, наглядно проявляются колебания численности, отображающие достаточно массовые переселения. Периоды убыли – конец 1830-х и 1840-х гг. – подтверждают выше выявленные.

Приведем также материалы по 1856 г. (табл. 7), которые нам удалось выявить и высчитать. Они позволяют подтвердить наши коэффициенты рождаемости и смертности у старообрядцев Бессарабии, а также продемонстрировать их вариативность по отдельным общинам.

Таблица 7

Движение старообрядческого населения Бессарабии на 1856 г. [35]

Населенный пункт	Численность населения			Родилось			Умерло			Всего			Прирост населения
	М	Ж	Общая	М	Ж	Общая	М	Ж	Общая	М	Ж	Общая	
Коса	76	54	130	2	1	3				78	55	133	3
<i>в ‰</i>				15,2	7,6	22,8							22,8
Таругино	5	5	10							5	5	10	0
Килия	224	166	390	23	20	43	11	12	23	236	174	410	20
<i>в ‰</i>				57,5	50,0	107,5	27,5	30,0	57,5				50,0
Вилково	413	368	781	28	29	57	27	15	42	414	382	796	15
<i>в ‰</i>				35,6	36,8	72,4	34,2	19,0	53,2				19,0
Селения Измайльского градончальничества	645	521	1166	9	5	14				654	526	1180	14
<i>в ‰</i>				7,7	4,3	12,0							12,0
Измаил	1466	1264	2 730	22	16	38	14	8	22	1474	1272	2746	16
<i>в ‰</i>				8,0	5,8	13,8	5,9	2,9	8,8				5,0
Аккерман	224	166	390	23	20	43	11	12	23	236	174	410	20
<i>в ‰</i>				57,5	50,0	107,5	27,5	30,0	57,5				50,0
Кишинев	1065	967	2032	120	94	214	67	44	111	1218	1017	2235	103
<i>в ‰</i>				56,2	44,1	100,3	31,4	20,6	53,0				47,7
Кагул	150	133	283	6	4	10	3	2	5	153	135	288	5
<i>в ‰</i>				21,0	14,0	35,0	10,5	7,0	17,5				17,5
Бендеры	407	344	751	16	6	22	0	0	0	423	350	773	22
<i>в ‰</i>				21,0	7,9	28,9							28,9
Средние			8663									8981	218
<i>в ‰</i>				31,1	24,5	55,6	15,2	12,2	27,4				28,2

Как видно из приведенной таблицы, средними показателями являлись: для рождаемости – 55,6‰; для смертности – 27,4‰. Более высокими они оказались в городах, что, скорее всего, отображает тщательность в сборе сведений, а не реальную пропорцию. Исходя из этих относительных данных, можно вычислить, что средний прирост старообрядческого населения составлял 28,4‰. Возможно, что небольшое понижение этого показателя (против 34,35‰ на протяжении 1835–1850 гг.) порождено российско-турецкой войной 1853–1856 гг. и нездоровой эпидемиологической ситуацией.

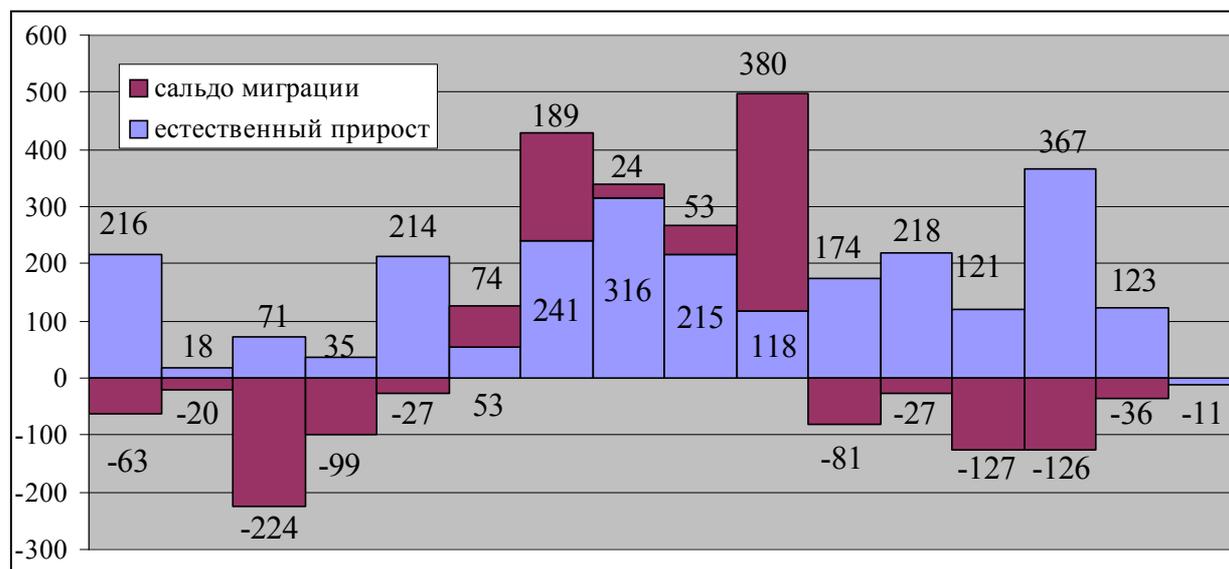
Общее движение старообрядческого населения региона. Показательным может стать комплексный анализ природного прироста населения (индексы рождаемости и смертности) и процессов миграции. Из приведенных расчетов следует, что число рождений явно доминирует над смертностью. Его же объем явно перекрывает и сальдо миграций. Эти показатели свидетельствуют о стабильном приросте населения в 27,78%. Это было несколько выше средних показателей аналогичного времени для Российской империи (16%) [36].

Из приведенных материалов следует, что миграция уже не влияла существенно на общее количество старообрядческого населения. Ситуация на середину XIX в. может быть охарактеризована как относительно стабильная, что свидетельствует о завершенности процессов формирования общности и переходе к эволюционному развитию.

Таким образом, анализ механизмов и факторов естественного и механического движения старообрядческого населения Буджака на протяжении первой половины XIX в. позволяет отметить следующее.

Несмотря на высокую мобильность, группа к середине столетия уже может считаться сформированной и стационарной. Она совершила переход от переселенческой общности к устойчивой региональной общности. При этом в различных формах миграции задействовано было более 20% общности, однако остальная часть населения уже являлась стабильной для региона. Когортная структура старообрядцев проявляет такие же

качества – 2-3 поколения сменилось после переселений в регион. Из всех старообрядцев Буджака середины XIX в. непосредственно в регионе родилось не менее двух третей всей общности.

1835 1836 1837 1838 1839 1840 1841 1842 1843 1844 1845 1846 1847 1848 1849 1850

Рис. 7. Прирост старообрядческого населения Подунавья. 1836–1850 гг.

В основных показателях демографической модели группа мало чем отличается от картины по региону и Российской империи. Коэффициенты рождаемости, смертности, темпы прироста позволяют характеризовать старообрядческую группу на Дунае как типичную экстенсивную модель воспроизводства – высокий темп обеспечивался за счет высокой рождаемости. Относительно низкий уровень смертности в группе обусловлен и традиционными неточностями в фиксации самих источников и одновременно невысоким средним возрастом группы как переселенческой.

В целом сбалансированное воспроизводство старообрядческого населения Буджака обеспечивалось суммарным действием факторов естественного прироста и внешними причинами (миграции). Масштабы последних к середине XIX в. еще были значительными, но их долевое соотношение уже уступало саморазвитию общин.

Незначительные особенности, подмеченные в естественном движении старообрядческого населения региона, могут быть охарактеризованы следующим образом: относительно высокий уровень прироста населения, высокий индекс детности, суммарный коэффициент рождаемости, низкая смертность при высокой детской и катастрофической. В этих показателях проявляется своеобразие этноконфессиональной демографической модели, которую следует проверить на других регионах проживания. Совокупность ее проявления имеет различные факторы-причины. Так, например, традиционная форма брака и деторождений, освященная сознательно церковными нормами и уважительным отношением к ним, увеличивает потенциал рождений для женщин, увеличивая диапазон фертильного возраста. Однако эти же нормы, по-видимому, приводят к некому регулированию рождаемости через развитую систему запретов на супружеские отношения. Будучи в основном экстенсивной моделью, демографическое поведение старообрядцев региона испытывало влияние переселенческих факторов, что несколько «омолодило» население и, соответственно, снизило до минимума уровень экзогенной смертности.

Литература и источники

1. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. – М., 1989. – С. 7–8; Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994. – С. 113–114; Медков В. М. Демография. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 6–7. Оставляем в стороне мнение некоторых демографов о том, что миграции населения не входят в предметную область дисциплины (Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М., 1976; Борисов В.А. Демография. – М., 1999; Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. – М., 1989; Моисеенко В.М. Миграция населения как объект комплексного исследования // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. – М., 1997. – С. 23–30) – для реконструкции исторического опыта такое разграничение не принципиально.

2. Волошин Ю.В. Розкольницькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII столітті. (історико-демографічний аспект). – Полтава, 2005; Волошин Ю.В. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. – М., 2005

3. Гипотеза не покажется новой, если обратится к попытке выделения «католического» и «протестантского» типов воспроизводства в Западной Европе (Прокопенко С.А. Современные подходы в изучении демографических моделей «малой Европы» раннего нового времени // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сб. науч. трудов. – М.; Сыктывкар, 2005. – Вып.3. – Ч. 1. – С. 14–16).
4. С таких позиций, например, анализируется экономическая стратегия старообрядческих «капиталистов»: Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. – М., 2004.
5. Пригарин А.А. Социально-демографические характеристики русских переселенцев на Дунай первой трети XIX века: эвристический потенциал формулярных источников // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сб. науч. трудов. – М.; Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 62–80.
6. Подсчитано по данным VIII и IX ревизий (1835 и 1850 гг.): Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 134. Оп. 2. Д. 25, 221; КП «Измаильский архив» (далее – ИА). Ф. 419. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–39.
7. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С.209; Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии. – М., 1997. – С. 15–50; Медков В. Демография. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. – С.190–192.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т.1. – С.179.
9. Подсчитано по: Зашук А. Бессарабская область // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 168.
10. Борисов В.А. Рождаемость // Население мира: Демографический справочник. – М., 1990. – С. 25; Медков В. Демография. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. – С. 191.
11. Иногда его обозначают как «специальный»: Демографический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 209; Медков В. Демография... – С. 200–201.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России... – Т. 1. – С. 179.
13. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 209; Медков В. Демография... – С. 200–201; Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994. – С. 199; Современная демография / Под ред. А.Я. Кваши и В. А.Ионцева. – М., 1995. – С. 265–266.
14. Волошин Ю.В. Розкольницькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII столітті. (історико-демографічний аспект). – Полтава, 2005. – С. 132–133; Волошин Ю.В. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. – М., 2005. – С. 136–137.
15. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 438–439; Медков В. Демография... – С.232–233.
16. Волошин Ю.В. Розкольницькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII столітті. (історико-демографічний аспект). – Полтава, 2005. – С. 136; Волошин Ю.В. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. – М., 2005. – С.140.
17. Миронов Б.Н. Социальная история России... – Т.1. – С.190; Носевич В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. – Минск: Тэналогія, 2004. – С.135–136.
18. Подсчитано по: Зашук А. Бессарабская область // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. – СПб., 1863. – Ч.1. – С.168.
19. Подсчитано по: Зашук А. Бессарабская область // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 168.
20. ИА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 58. 39 л.
21. ИА. Ф. 513. Оп. 1. Д. 282. Л. 4.
22. ИА. Ф. 513. Оп. 2. Д. 41. Л. 3-5.
23. ИА. Ф. 513. Оп. 2. Д. 48. Л. 90об.-91.
24. ИА. Ф. 513. Оп.1. Д. 190. Л. 72.
25. ИА. Ф. 513. Оп. 1. Д. 303. Л. 75-76.
26. Миронов Б.Н. Социальная история России... – Т. 1. – С. 159, табл. III.1. Для городского населения рождаемость и смертность составляла 55 и 49‰.
27. На протяжении 1848–1852 гг. число смертей по области выросло более чем на 1,5-2 раза (Зашук А. Бессарабская область // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 183).
28. ИА. Ф. 513. Оп. 2. Д. 54. Л. 64–66.
29. Это почти в 1,5 раза выше, чем средний показатель по Российской империи того времени: Миронов Б.Н. Социальная история России. – Т.1. – С. 158.
30. Миронов Б.Н. Социальная история России. – Т. 1. – С. 200; Птуха М. Смертность 11 народностей Европейской России. – К., 1928. – С. 24.
31. Снигерев В.С. О смертности детей на первом году жизни: опыт медико-статистического исследования в Ставропольской губернии с 1857 по 1862 год. – СПб., 1863. – С.27.
32. Миронов Б.Н. Социальная история России... – Т. 1. – С. 199.
33. Подр. см.: Абакумова-Забунова Н.В. Русское население городов Бессарабии XIX в. – Кишинев, 2006. – С.91.
34. Составлено по: Бахталовский Г. Посад Вилков: Историко-статистический и бытовой очерк: По документам Вилков. посад. управы, Вилков. Свято-Николаев. церкви и устным свидетельствам старожилов. – Аккерман, 1899. – С. 74; Абакумова-Забунова Н.В. Русское население городов Бессарабии XIX в. – Кишинев, 2006. – С. 87.
35. Составлено по: ИА. Ф. 56. Оп.1. Д. 610. Л. 9–34.
36. Миронов Б.Н. Социальная история России... – Т. 1. – С. 179; Носевич В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. – Мн., 2004. – С.154.

**Районы расселения, численность коми староверов;
половозрастной состав общин в XIX – начале XX века**

Изучение и реконструкция процессов и факторов формирования этнолокальных групп коми-зырян составляют одну из главных проблем этнической истории коми. В течение длительного времени влияние конфессионального фактора на формирование локальных групп коми-зырян не рассматривалось. В трудах Л.П. Лашука, Л.Н. Жеребцова, посвященных истории изучения этнографических групп коми-зырян, критериями выделения обозначены особенности материальной культуры (жилища, одежды, утвари, пищи и др.), различия диалектов, специфика семейного и общественного быта, народное искусство и духовная культура [1]. История православия и староверия стала объектом специального исследования Ю.В. Гагарина. В его работах определены этапы развития старообрядчества на Европейском Северо-Востоке, выделены основные центры, однако его влияние на этнические процессы не рассматривается [2]. Изучение староверия и его роли в этнической истории финно-угорских народов начинается в 1990-е гг. (О.М. Фишман, А.А. Чувьюров). А.А. Чувьюров рассматривает староверие как один из факторов формирования этнолокальных групп коми-зырян, проживающих в бассейне р. Печора и приходит к выводу, что в данном регионе под влиянием староверия сформировались три локальные группы [3]. Автором данной работы выделены две группы коми староверов, определяемые как этноконфессиональные: удорская и верхневычегодская [4].

Такие вопросы, как численность коми староверов; соотношение староверов / «приверженцев раскола» / официально православных в конкретных районах весьма актуальны. Количество приверженцев веры определяет степень ее влияния и место как в конкретной ситуации, так и в историческом процессе. В предлагаемой работе представлены статистические данные о численности коми старообрядцев (Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии), отдельные сведения, характеризующие брачное поведение, половозрастную структуру групп в XIX – начале XX в., что позволит в дальнейшем сопоставить их с современными полевыми этнографическими материалами.

В основе исследования лежат официальные источники XIX – начала XX в., так как именно они представлены в архивах. Светские и духовные власти, начиная с момента раскола Русской Православной церкви, выявляли места расселения староверов, строго контролировали их численность и миграции. Сохранившиеся документы (отчеты, статистические сводки), происходящие из разных источников (отчеты приходских священников, епархиальных миссионеров, начальников губерний, рапорты станowych приставов, материалы судебных дел), различаются как по полноте сообщаемой информации, так и по степени ее достоверности.

Обратимся к факторам, оказывавшим существенное влияние на сбор статистических (численность, рождаемость, смертность) сведений о коми староверах в XIX – начале XX в. Во-первых, на протяжении рассматриваемого периода у коми не было официально зарегистрировано ни одной старообрядческой общины, несмотря на многочисленные попытки сделать это. В июле 1886 г. крестьянами разных деревень Важгортской волости Яренского уезда было написано прошение «о разрешении исполнять духовные требы по раскольническому обряду, записывать браки и рождения детей, установленном законом 19 апреля 1874 г. в полицейские метрические книги и устроить отдельное кладбище для погребения умерших единоверцев» [5]. Из Департамента общих дел им пришел отказ, в котором объяснялось, что удовлетворить требования крестьян невозможно, так как они не являются «коренными раскольниками, а уклонились в раскол». Священник Важгортской церкви И. Попов утверждал, что староверы появились в приходе лишь в 1857 г., а не ранее, о чем писали крестьяне. После ответа из министерства важгортские крестьяне написали: «местные священники опасаются невыгодного мнения своего начальства о беспечности их к назиданию прихожан в правилах их церкви. Вследствие чего священники, на делаемые им иногда по делам вопросам гражданскому начальству, отзываются будто бы об отпадении беспоповцев от нынешней церкви, применительно к тому времени, когда в приходе находился уже уезжающий священник, допустивший будто бы такое отпадение. Совершенно скрывая тем действительное состояние в этом согласии с самого рождения, избегая при этом справедливого нареkania со стороны начальства» [6]. В этом же году поступило прошение «о дозволении исполнять требы по раскольничьему обряду» и от крестьян Керчомского прихода [7]. Они также получили отказ. Несколько прошений было подано в 1907–1912 гг. после издания Манифеста 1905 г., однако и они были оставлены без внимания [8]. И светские, и

*Власова Виктория Владимировна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.

духовные власти на протяжении всего изучаемого периода противодействовали официальному признанию старообрядческих общин коми.

Во-вторых, в разные годы представители духовенства и светских властей к числу учитываемых «раскольников» относили «записных»* (каковых у коми практически не было), «коренных» (записанных в метрические книги), «не бывших у исповеди и причастия» в течение длительного времени, «склонных к расколу». В соответствии с тем, какие группы включались в категорию «раскольники» при подсчете, численность могла сильно отличаться. В 1845 г. священник Троицкой Печорской церкви Г. Попов писал, что «по исповедальным и семейным спискам значится много раскольников, в чем я уже убедился на своем опыте, между тем в свадебных обысках и метрических книгах все прихожане числятся православными» [9]. Крестьяне Важгортской волости в своем прошении (о котором упоминалось выше) указывали: «многие даже не крещены по правилам нынешней церкви, но по церковным метрикам записывались как крещенные из опасения иначе ответственности при строгом преследовании старообрядческих обрядов прежним гражданским законом <...> по церковным росписям людей нашего согласия значится очень мало» [10]. Число староверов в большинстве случаев определялось по исповедальным спискам, а не по метрическим книгам, в связи с чем вставал вопрос о целесообразности существования последних. В 1890 г. в Усть-Сысольское полицейское управление были доставлены метрические книги старообрядцев Печорского, Савиноборского, Керчомского и Щугорского волостных правлений. Было представлено по шесть книг из каждого, кроме Савиноборского, где книги сгорели при пожаре. После ознакомления с ними было принято решение: «в поступающих ежегодно на ревизию из Полицейских Управлений метрических раскольнических книгах записей почти никогда не было, в книгах же за минувший 1890 год и совсем нет никаких записей. По доставленным в Вологодскую духовную консисторию сведениям <...> коренных раскольников, т.е. состоящих в расколе от рождения и не записанных в метрические книги православной церкви в здешней губернии не оказалось, кроме Печорского края <...> метрические книги на 1892 год не заготовлять» [11].

Исходя из выше сказанного, при обращении к статистическим сведениям, представленным местными священниками, епархиальным начальством, полицией необходимо учитывать, что эти сведения нуждаются в корректировке. Особую ценность представляют отчеты Православных Братств и епархиальных миссионеров, которые наиболее полно и точно характеризуют ситуацию в конкретных районах.

Исследователи выделяют три основных района, заселенных коми, где старообрядчество, представленное разными беспоповскими согласиями, имело наибольшее влияние: среднее течение р. Вашка (Удора – Важгортский и Чупровский приходы), верховья Вычегды (Керчомский и Вочевский приходы), средняя Печора (Печорский, Савиноборский, Подчерский, Покчинский, Щугорский приходы) [12]. Данные, представленные в табл. 1 подтверждают, что именно в приходах, находившихся в указанных районах, проживала большая часть староверов. Численность староверов Усть-Сысольского и Яренского уездов до середины XIX в. увеличивалась, затем происходит резкое сокращение их численности (1854–1873 гг.). Именно за этот период в архивах сохранилось несколько судебных дел по всем упомянутым выше приходам, по решениям властей, староверы, попавшие под суд, ссылались в Закавказье и Сибирь. Так что сокращение численности связано с ужесточением политики властей в отношении сторонников старой веры. С 1880-х гг. намечается рост численности староверов. Происходит это благодаря естественному приросту населения, переходу крестьян в старообрядчество, переселению староверов с сопредельных территорий. Например, матрос Карп Уляшев с женой перешел в староверие во время службы в Архангельской губернии, а в начале 1860-х гг. вернулся на родину, в дер. Вольдинскую (Помоздинский приход) [13]. В 1912 г. заявления об «отписке в раскол» подали 173 чел. в Савиноборском, 110 чел. в Подчерском приходах [14]. Число староверов Летского прихода значительно увеличивается со второй половины XIX в. вследствие переселения в Усть-Сысольский уезд староверов (русских) из Вятской губернии [15].

Соотношение численности староверов, сторонников официальной церкви представлено в табл. 3. Лишь в четырех приходах на Печоре (Покчинском, Савиноборском, Подчерском, Щугорском) староверы составляли большинство. В то же время число «склонных к расколу» и «уклоняющихся от исповеди» в верхневыхгодских и вашкинских приходах было в несколько раз больше, чем число заявленных староверов, о чем свидетельствуют данные табл. 3. Рассмотрим подробно ситуацию в Важгортском и Чупровском приходах, где, по сведениям миссионеров, с конца XIX в. староверы составляли большинство, однако данные, представленные в Вологодскую консисторию, свидетельствуют об обратном (табл. 1, 3). В отчете Православного Братства во имя Всемилостивого Спаса за 1897 г. в разделе «противораскольническая деятельность» указано: «наиболее заражены расколом приходы Удорского и Печорского края ... там раскол преобладает численностью своих последователей над православными» [16]. В Важгортском приходе «строго православных семейств только 86, а

*Эта категория создана законом 8 февраля 1716 г., который предписывал регистрацию старообрядцев, обложение их двойным налогом и за это давал им видимость полуофициального признания их веры (Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. – М., 2006. – С. 365).

273 семейства сомневающихся или уже охладевших к православной церкви, хотя еще и числящихся православными; в Чупровском же, по наблюдению, строго православных семейств почти нет» [17]. Однако, по вероисповедальным ведомостям за 1910 г., в Важгортском и Чупровском приходах зафиксировано 325 староверов/3859 официально православных, т.е. староверы составляли 8,4%, что никак не соответствует понятию «большая часть населения» (табл. 3). В 1912 г. приставом второго стана Яренского уезда представлен рапорт, в котором он указывает, что численность староверов в этих приходах 1700 чел., официально православных – до 3900, по сведениям пристава, староверы составляют 43,5% от общей численности населения, что в пять раз больше, чем по сведениям, предоставленным священником [18].

Таблица 1

Численность староверов в приходах Усть-Сысольского и Яренского уездов в XIX – начале XX в.

Уезд/приход	Год												
	1800	1810	1832	1847	1854–1859	1864	1873	1884	1885	1897	1905	1910	1916
Устьсысольский уезд	13	15	1080	1460	1004	757	528	957	896	1944	2434	2026	2204
Керчомский					340		103	69	8	70	95	85	74
Вочевский										46	34	47	37
Помоздинский										10	15	18	
Усть-Куломский					189								
Палаузский							2						
Летский					1		19	10	10	31	169		
Подчерский											513	539	640
Покчинский											528	487	535
Савиноборский							143	499	499	557	348	429	384
Щугорский							191	257	257	621	634	380	511
Усть-Ильчешский											54	29	
Печорский					474		72	122	122	609	44	41	23
Яренский уезд	2	1	23	24	12	28	59		131	201	207	317	332
Важгортский							46		89	146	145	230	256
Чупровский							13		42	53	59	85	73
Ертомский										2	3	2	

Таблица составлена основе документов: ГАВО. Ф. 18, оп. 1, д. 587 (1832 г.), 1435 (1847 г.); Ф. 496, д. 4816 (1800, 1810 гг.), д. 13267, л. 31 (1864 г.), д. 14819, л. 58 (1873 г.), д. 15613, л. 165, 177, 183 (1884), д. 15679, л. 60 (1885 г.), д. 16875 (1896 г.), д. 18990 (1910), д. 20108 (1916 г.); Вологодские епархиальные ведомости. – 1905. – № 20. Приложение. – С. 448.

Таблица 2

Численность старообрядцев в Усть-Сысольском и Яренском уездах в середине XIX–XX вв.

Уезд	1832 г.		1840 г.		1854 г.		1864 г.		1874 г.		1888 г.		1898 г.		1905 г.		1910 г.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Яренский	4	19	6	13	3	6	6	10	22	34	45	91	73	161	63	144	105	212
Усть-Сысольский	530	560	974	1202	515	583	215	438	109	355	381	597	916	1206	916	1300	872	1183

Таблица составлена на основе документов: ГАВО Ф. 18, оп. 1., д. 587 (1832 г.), 1388 (1840 г.), 1591 (1854 г.); Ф. 496, оп. 1, д. 1582 (1854 г.), 14424 (1869 г.), 14819 (1874 г.), 16111 (1888 г.), 15679 (1898 г.), 18990 (1910 г.). Отчет о деятельности Стефано-Прокопиевского Братства // Прибавления к ВЕВ. – 1905. – № 20. – 15 окт.

Данные о браках староверов, половозрастном составе общин фрагментарны. Косвенные сведения о заключении браков староверами в XIX – начале XX в. сохранились в различных документах (переписка староверов с начальством, между собой, сведения о численности староверов). В 1843 г. крестьяне дер. Чирки Л.М. Логинов, дочь его Ксения и Д. Худяков заявили о своем желании «присоединиться из раскола в православие», чтобы вступить в брак [19]. В 1905 г. священник Важгортской церкви венчал двух дочерей известного наставника М.П. Бозова, объяснив начальству, что сами девушки хотят венчаться в церкви, считая это более надежным [20]. Браки печорских староверов также заключались в церкви. В 1858 г. пижемский старец В. Чуркин писал А. Мартюшеву (д. Подчерье): «Ежели задумаешь сына женить дак невозможно ли как через деньги **избыть** венчания и без венцов, а венчают так по правилам весьма грешно и тебе тоже будет грех» [21].

Семейно-брачные отношения в зырянских деревнях на Печоре привлекали внимание миссионеров, путешественников на протяжении XIX – начала XX в. В середине XIX в. П. Волков писал: «На Печоре по причине раскола страшный разврат. Я нарочно собирал сведения и оказалось, что там три части незаконнорож-

денных и одна часть прижитых законно (детей – В.В.). В Печоре нет почти ни одной девки, которая бы вышла замуж не имевши ранее детей» [22]. П.А. Сорокин, путешествуя по Печоре, описывал свободу половых отношений в старообрядческих селах: «Сегодня он одну берет, завтра другую, так все делают и так уж исстари ведется», – объяснили крестьяне. Девушки начинают жить половой жизнью с 12, 13 лет, и с этого времени каждая девушка уже имеет любовника или вернее несколько любовников». Существование подобных отношений позволило П.А. Сорокину выдвинуть гипотезу о существовании группового брака у зырян, закрепленного распространившимся здесь старообрядчеством [23]. Историко-архивные материалы середины XIX в. также свидетельствуют о значительной свободе половых отношений. Например, в ходе следствия по делу одного из наставников д. Красный Бор Федора Куньгина, его дочь, принадлежавшая к филипповскому толку, показала: «С кем я прижила незаконнорожденных своих детей именно показать не могу, так как я имела любовную связь с разными неизвестными мне людьми, проезжающими и проплывающими по реке Печоре мимо нашей деревни Красноборской» [24]. В начале XX в. священники отмечали и другое: «к незаконным сожителством они (печорцы – В.В.), да и кажется большинство раскольников, относится как к явлениям греховным, беззаконным» [25]. Современные полевые материалы свидетельствуют, что рождение ребенка вне брака порицалось общиной, но искусственное прерывание беременности считалось более тяжким грехом. Крестьяне с насмешкой относились к незаконнорожденному, называя его *чурка*, нецензурными русскими прозвищами. Естественно, что общественное мнение служило фактором, регулирующим поведение женщины; запреты, как правило, не относились к мужчинам.

Таблица 3

Численность верующих в Усть-Сысольском и Яренском уездах в конце XIX–XX вв.

Приход	1885 г.			1896 г.			1910 г.	
	РПЦ	Отклонились от исповеди	Староверы	Перешли в раскол	Склонны к расколу	Староверы	РПЦ	Староверы
Керчомский	2150	270	8	30	100	70	2692	85
Вочевский						46	1120	47
Помоздинская				3	13	10	3455	18
Летский	1449	130	10			33		
Подчерский							18	539
Покчинский							101	487
Савиноборский		256	499	58	615	557	172	429
Щугорский	25	313	257	23	644	621	164	380
Печорский		501	122	200	809	609	1224	31
Важгортский	1542		84	146	1/3 часть населения	148	2494	230
Чупровский	855		39	52		49	1365	85
Ертомсктй						2	1051	2

Таблица составлена на основе документов: ГАВО. Ф.496, оп. 1., д. 15679 (1885 г.), 15806 (1885 г. по Важгортскому и Чупровскому приходам), 16875 (1896 г.), 18990 (1910 г.)

Миссионеры в своих отчетах отмечали, что «крещены раскольники в церкви по принуждению, венчаны в церкви, но не ради таинства брака, а для прав гражданских» [26], рассматривают венчание как «временную и ложную предбрачную измену расколу» [27]. Таким образом, в XIX – начале XX в. большая часть браков коми старообрядцев заключалась в церкви, что гарантировало соблюдение гражданских прав детей и супругов. Возможно, именно желание или необходимость венчаться по обряду православной церкви привело к тому, что молодые люди редко заявляли о своей принадлежности к старообрядчеству. В то же время зафиксированы свидетельства о проведении венчания удорскими старообрядческими наставниками.

Сведения о половозрастной структуре староверческих общин коми в XIX – начале XX в. значимы для современных исследований, так как предоставляют сравнительный материал, позволяют проследить динамику ее развития. Рассматривая судебные дела, списки староверов, где указан их возраст, можно констатировать, что чаще всего открыто заявляли о своей конфессиональной принадлежности мужчины старше 60 лет и женщины старше 40 лет. В семейных списках староверов Яренского уезда за 1844 г. записаны Петр Афанасьев Бозов 66 лет, жена его Марья Егорова 56 лет (Важгорт), вдовы Ирина Панкратова Сурина 76, Дарья Андреева Сурова 76, Елена Андреева Лукина 68 (Кривой Наволок) и еще несколько человек в возрасте от 48 до 72 лет из дер. Чирки, Вильгорт, Пучкома. В семейных списках Керчомского сельского общества за этот же год отмечено, что в некоторых семьях представители старшего поколения вовсе «не признают священства», тогда как «младшие бывают у исповеди», в других – староверами были и родители, и дети (например, семья А.Ф. Ваддорова: и он

сам, и жена, и трое его сыновей 26, 24 и 16 лет, и дочь «не признавали священства») [28]. В 1860 г. под следствие попали крестьяне Важгортского прихода – 12 мужчин (от 33 до 86 лет, трое – от 80 до 86; большинство – в возрасте 50-60 лет) и 16 женщин (от 29 до 69 лет, шестеро – в возрасте от 60 лет, пятеро – до 47, четверо – от 50 лет). На мой взгляд, под суд попадали люди, которые открыто заявляли о своей конфессиональной принадлежности (вероятно, являлись *истыми**), духовные лидеры общин (наставники – М.П. Бозов, М.В. Бозов, Н. Мартюшев и др.). Эти данные подтверждают гипотезу, согласно которой активное приобщение к религиозной жизни северной старообрядческой общины начинается в пятьдесят лет, причем это характерно не только для современности, как указывают ее авторы [29], но и для XIX – начала XX в. Можно предположить, что данная жизненная установка, реализуемая по сей день, формируется именно в этот период под влиянием социально-политических условий (преследования со стороны властей, ущемление в правах).

П.С.Смирнов писал, что невозможность полноценного участия в общественной жизни привела к тому, что женщины реализовывали себя в духовной, став «великой силой в русском расколе» [30]. В связи с тем, что большинство мужчин в коми селах было занято на промыслах, основные работы по дому ложились на женщин. Это отмечали и миссионеры, посещавшие старообрядческие села в XIX в. «На Удоре, где мужчины полгода проводят в лесу, женщина является опорой семьи, воспитательницей детей и устроительницей порядка в доме» [31]. О значительном влиянии женщин на сохранение и распространении старой веры свидетельствуют и записи следственных дел. Например, «ему (Н. Мартюшеву) как грамотному, неопытные простодушные жители Печорского общества в особенности **женщины, а через них и мужчины** верят совершенно» [32]. Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что женщин в старообрядческих общинах коми было значительно больше (их численность иногда в 2-3 раза превышала численность мужчин, например, в 1864, 1874 гг.). Подобная диспропорция на данном этапе исследования трудно объяснима. Следует отметить, что в настоящее время именно женщины составляют костяк сельских религиозных общин (и не только старообрядческих), мужчины же мало интересуются вопросами веры, так что по-прежнему остаются в меньшинстве.

Данные о незарегистрированных наставниках, свидетельствуют о том, что в с. Керчомья и на Удоре «наставником» (попадьей) могла быть женщина. В 1855 г. в дер. Керчомья совершала таинства и требы Марфа Воробьева, в 1910 г. в числе удорских наставников были названы Елизавета Жданова, Евдокия Созонова (дер. Острово), Гликерия Васильевна Матева (по прозвищу Рахманова) (дер. Тойма). В одном из отчетов Н. Следников писал: «Хозяин дома по уходе моем заметил: «Ну и много же этот миссионер знает, такого ученого человека здесь не найдешь». Жена его на это сказала: «У Рахманова молодлица в Тойме всюже глубину знает» [33]. Вообще, в соответствии со старообрядческими канонами женское наставничество считалось недопустимым. Ю.В. Гагарин писал о печорских староверах: «мужчины играли главенствующую роль, именно из их среды выходили наставники, знатоки старой веры ... за соблюдением обычаев следили женщины, а в вопросах религиозной догматики приоритет был у мужчин» [34]. В старообрядческих общинах коми в XIX – начале XX в., особенно удорских, не только численность, но и роль женщин была весьма значительной. Складывавшиеся в указанный период религиозные практики в дальнейшем позволили староверческим группам адаптироваться в условиях новой волны репрессий со стороны государства (антирелигиозная деятельность). Со второй половины XX в. именно женщины возглавили старообрядческие общины верхневычегодских, печорских и удорских коми.

Статистические данные (несмотря на все неточности) свидетельствуют о росте числа коми старообрядческого населения на протяжении XIX – начала XX в. Он происходил за счет естественного прироста населения, перехода в староверие, миграций. На наш взгляд, именно в этот период происходит формирование ряда важных установок (возраст активного приобщения к религиозной жизни, особое положение и роль женщин), оказавших влияние на дальнейшее существование староверия у коми. В то же время, данное исследование свидетельствует о необходимости дальнейшего сбора архивного материала, с использованием источников разного происхождения для уточнения уже имеющихся данных по истории староверия у коми.

Литература и источники

1. Лашук Л.П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР // Известия Коми филиала ВГО. – Сыктывкар, 1960. – № 6. – С. 97-105; Лашук Л.П. Формирование народности коми. – М., 1972; Жеребцов Л.Н. Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник. Антропология. Археология. Этнография / Отв. ред. А.А. Зубов, Н.В. Шлыгина. – М., 1982. – С. 106-111; Жеребцов Л.Н. Локчимский этнографический микрорайон // Известия коми филиала ВГО. – Сыктывкар, 1967. – Вып. 11. – С. 146-149. В статье Л.П. Лашука «Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР» (С. 102-103) в графе «другие отличия» для верхневычегодской и верхнепечорской этнографических групп указан такой признак как старообрядчество.

*Старообрядческие общины коми состояли из двух категорий верующих – *истые* или *староверы* (люди, строго соблюдающие все религиозные запреты и предписания, сводящие к минимуму контакты с иноверцами), *мирские*, которые соблюдали запреты не столь строго.

2. Гагарин Ю.В. Старообрядцы. – Сыктывкар, 1973; Он же. История религии и атеизма народа коми. – М., 1978.
3. Чувьюров А.А. Локальные группы коми верхней и средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации: Автореф. дис... к.и.н. – СПб., 2003.
4. Власова В.В. Группы коми (зырян) староверов: конфессиональные особенности социально-обрядовой жизни (XIX–XX вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – СПб., 2002.
5. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496, оп 1, д. 15806, л. 3.
6. ГАВО. Ф. 496, оп 1, д. 15806, л. 29 (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала).
7. ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 15804, л. 1.
8. ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 19191 (по Печорскому краю), 18314 (по Важгортскому приходу).
9. ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 11110, л.1.
10. ГАВО. Ф.496, оп. 1, д. 15806, л. 29.
11. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 6, оп. 1, д. 1904, л. 1-5, 14.
12. Гагарин Ю.В. Старообрядцы. – Сыктывкар, 1973; Он же. История религии и атеизма народа коми. – М., 1978.
13. ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 13515, л.2.
14. ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 19191, л.1
15. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1902–1903 г. // Вологодские епархиальные ведомости. – 1904. – № 15, март. Приложение. – С.15.
16. Отчет о состоянии и деятельности Вологодского Православного Братства во имя Всемилоственного Спаса // Вологодские епархиальные ведомости. – 1897. – № 14. Приложение. – С. 261.
17. Одиннадцатое годичное собрание членов Вологодского православного Братства во имя Всемилоственного Спаса. Отчет о деятельности Братства. – Вологда, 1897. – С.20.
18. НАРК. Ф. 7, оп. 1, д. 304, л. 78.
19. ГАВО. Ф.496, оп. 1, д. 12116, л. 10,11.
20. ГАВО. Ф.496, оп. 1, д. 18314, л. 15об.
21. НАРК. Ф. 99, оп. 1, д. 911, л. 24 об.
22. Волков П. Раскол в Печорском крае Усть-Сысольского уезда // ВГВ. Часть неофициальная. – 1865. – № 40.
23. Сорокин П.А. Современные зыряне // Этнографические этюды. – Сыктывкар, 1999. – С. 60.
24. НАРК. Ф. 99, оп. 1, д. 911, л. 109.
25. В Печерском крае // ВЕВ. – 1904. – № 14. – С. 366.
26. Из дневника Вологодского епархиального миссионера за 1903 г. // Приложение к ВЕВ. – 1904. – № 21. – С. 19.
27. ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 16897, л.277об.
28. ГАВО. Ф. 18, оп.1, д. 1416, л.43-43об., 67-120.
29. Жеребцов И.Л., Несанелис Д.А. Ю.В. Гагарин: очерк жизни и научного творчества // Очерки по истории изучения этнографии коми. – Сыктывкар, 2007. – С. 133.
30. Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. – СПб., 1895. – С. 57.
31. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1902–1903 гг. // Приложение к ВЕВ. – 1904. – № 7–8. – С. 37.
32. НАРК. Ф. 99, оп. 1, д. 911, л. 63.
33. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1902–1903 гг. // Приложение к ВЕВ. – 1904. – № 7–8. – С.33.
34. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 159, л. 21.

Крестьянская семья в Коми крае в начале XX века: семейные разделы**

Крестьянская семья в России существовала в рамках сельской общины и была ее низшей хозяйственной единицей и первичной социальной ячейкой. Рождаемость, продолжительность жизни, смертность, благополучие семьи в полной мере зависели от жизнедеятельности общины, поскольку она решала практически все вопросы: земельные, налоговые, судебные, коммуникативные, культурные культовые и др. От общины зависело и разделение семей, где выросли дети, и жизнь требовала отделения от отца и матери для обеспечения благоприятных условий для создания своей семьи и продолжения рода. В исторической литературе данное обстоятельство получило название – семейные разделы.

Целью данного доклада является рассмотрение законодательных правительственных актов в отношении семейных разделов и конкретного фактического материала, раскрывающего картину семейных разделов в крестьянских семьях Коми края в начале XX в.

Одним из государственных следствий буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. стали повсеместные семейные разделы. Разрешение на разделение семей должны были давать сельские сходы согласно пункта 5 статьи 51 общего положения от 19 февраля 1861 г. Для этого требовалось согласие простого большинства участвовавших в сходе домохозяев. Самовольные разделы не разрешались. Однако вследствие развития капиталистических отношений в крестьянских семьях наметилась тенденция раздела без согласия сельского схода. Так, с 1861 по 1882 г. в России произошло 2 млн. 371 тыс. 248 разделов в 46 губерниях, из которых лишь 12,8% с разрешения сельских сходов. 87,2% разделов являлись самовольными [1]. Чиновник по крестьянским делам Усть-Сысольского уезда Ф.А.Арсеньев отмечал, что «коми крестьяне жить большими домами не любят и потому семейные разделы здесь совершаются беспрепятственно» [2]. Свое заключение Ф.А.Арсеньев подтвердил цифрами. С 1866 по 1883 г. в Усть-Сысольском уезде произошло 2330 семейных разделов. Сходами был разрешен лишь 91 раздел (примерно 4% учтенного числа разделов) [3]. Таким образом, самовольных разделов в Коми крае было даже больше, чем в целом по России.

Семейные разделы явились следствием действия закономерных законов капиталистического развития, и царское правительство не в силах задержать объективный процесс исторического развития решило ограничить их рост юридическим путем. Причина столь негативного отношения к семейным разделам у правительства происходила из сложившегося мнения в правительственных кругах, что участвовавшие семейные разделы ведут к упадку деревни, который выражается в периодических голодовках и постоянной налоговой недоимочности.

18 марта 1886 г. вышел закон о семейных разделах. Государственный Совет принял «Правила о порядке разрешения семейных разделов в тех сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирской землею» [4]. Этот закон усиливал контроль за семейными разделами со стороны поземельной общины и правительственной администрации. Если по Общему положению 1861 г. разделы разрешались сельским сходом простым большинством голосов, и это правило редко соблюдалось, то статья 7 нового закона обязывала общину давать разрешение ? голосов сельского схода.

После принятия закона последовали многочисленные циркуляры губернских и уездных правительственных администраций, требующие от сельских и волостных властей его разъяснения населению, усилению контроля за разделами в целях пресечения самовольных, а также предоставления чиновникам регулярной отчетности по этим вопросам. Сельские старосты были обязаны завести особую книгу для записи приговоров о семейных разделах со списком всех домохозяев. Приговоры сельских сходов о семейных разделах обязательно проверял и утверждал или отменял чиновник по крестьянским делам, а в XX в. – земский начальник. При этом он учитывал соблюдение законов, а иногда и жалобы членов семьи, не согласных с решениями сходов. Однако самовольные разделы продолжались и им правительственные чиновники уделяли особое внимание. «Мир» также порицал самовольные разделы.

К концу XIX в. число семейных разделов после издания закона 1886 г. в Вологодской губернии не уменьшалось, а росло [5]. Между тем на территории Коми края архивные материалы, собранные В.В.Шангиной, говорят о сокращении семейных разделов. В частности, если с 1866 по 1882 г. в Усть-Сысольском уезде на год приходилось в среднем по 136 разделов, то с 1888 по 1892 г. происходило в среднем по 39 разделов за год. Количество самовольных разделов тоже уменьшилось. Из 2320 разделов, состоявшихся с 1866 по 1882 г., 96%

*Чупров Владимир Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

**Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-01-41101 а/С.

были самовольными, а среди 196 разделов (за период с 1888 по 1892 г.) самовольные составляли только 20% [6]. В Яренском уезде за период с 1888 по 1892 г. из 204 разделов самовольными являлись 36 (17,6%) [7]. Эти показатели свидетельствуют, что закон 18 марта 1886 г. в Коми крае (сокращение числа разрешенных сходами и ликвидация самовольных разделов) выполнялся в целом неплохо.

В начале XX в. узаконения второй половины XIX в. продолжали действовать. Однако последовали указы правительства, которые вносили некоторые уточнения в прежнее законодательство. 5 октября 1906 г. вышел Высочайший указ, Отделом VIII которого были отменены особые постановления о порядке разрешения семейных разделов. Некоторые уточнения в этот вопрос внес Столыпинский указ 9 ноября 1906 г., который разрешал выход крестьян из общины. В частности, указ обратил внимание и на нашу проблему. В указе отмечалось, что семейные разделы в обществах с подворным владением производились без всякого участия сельского схода по добровольному соглашению делящихся сторон или в случае спора в судебном порядке. В связи с отменой особых о разделах правил по указу 5 октября и «с обращением подворных участков в общую собственность владеющих этими участками боковых родственников... допущение вмешательства схода, в какой бы то ни было форме в дела по семейным разделам их участков представлялось бы прямым нарушением принципа частной собственности упомянутых владельцев» [8].

Земский начальник 1-го участка Усть-Сысольского уезда разослал всем волостным правлениям циркуляр, в котором разъяснил, что «раздел имущества внеадельных всякого рода и ранее не входил к компетенции сельского схода, остается заключить, что разрешение разделов сельским сходом (п. 4 ст. 62 Общего положения) в соответствии с изданными за последнее время узаконениями (указы 5 октября и 9 ноября 1906 г.) относится только до тех случаев семейных разделов, надельного имущества при общинном пользовании, в которых предметом раздела, всецело и частью является полевая земля или вообще переделываемые угодья» [9].

28 февраля 1907 г. вышел еще один указ, который разъяснил, что сельскому сходу предоставлено право на производство семейных разделов, а не на производство самого раздела. [10]. В общем, «необходим сельский сход, – говорилось в указе, – который примет приговор о разделе, но он не вправе касаться самого распределения имущества между делящимися сторонами». Приговор о семейных разделах снова, как и до 1886 г., стал приниматься простым большинством голосов.

В начале XX в., согласно специальным исследованиям В.В.Соловьева, «господствующим типом семьи повсеместно в Коми крае стали малые семьи» [11]. Малые семьи подразделялись на полные (супруги с неженатыми детьми) и неполные (бездетные супруги, вдовы с неженатыми детьми, сироты и одинокие). Вторым видом семьи являлись неразделенные семьи: отцовские (супруги, женатые сыновья и внуки); братские (братья с холостыми и женатыми детьми). Таким образом, анализ материалов массового учета населения (посемейные списки и др.) показывает, что основными формами семьи становятся малые и неразделенные (производные от малых).

Во второй половине XIX – начале XX в. участвовавшие семейные разделы имели прямым следствием повсеместное исчезновение больших неразделенных семей. Наиболее жизнеспособными из них оказались семьи супругов, живущих с одним женатым сыном (обычно младшим). Такие семьи в большей мере были основаны на родительском авторитете и патриархальном укладе жизни.

Семейное имущество у коми крестьян находилось не во владении отдельных членов семьи, а являлось общей собственностью всего семейного коллектива. На это обстоятельство обратил внимание в начале XX в. чиновник Министерства Государственных имуществ М.А.Большаков «Зырянская семья, – писал он, – представляет собой кровный союз нескольких лиц, сообща ведущих хозяйство. Глава семьи не является неограниченным распорядителем всего семейного имущества; он связан в своих действиях контролем других членов семейства, имеющих в виду свои интересы. Он не имеет права, продать родовой участок; мало того, он не может распоряжаться им даже в пределах своей семьи, будучи обязан разделить его поровну между всеми его членами. В случае расточительности или самоуправства глава семьи мог быть отстранен членами семьи от заведования хозяйством» [12].

Численный состав семей в уездах Коми края дает первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Согласно переписи количество семей, состоящих из 2-4 чел. в Усть-Сысольском уезде составляло 4731 чел. (30,8%), в Яренском – 2711 чел. (33,5%), в Печорском – 1847 чел. (31,5%); из 5-10 чел. – соответственно – 10206 (66,5%), 5202 (64,2%), 3506 (59,7%); из 11 и более человек – 406 (2,7%), 183 (2,3%), 518 (8,8%) [13]. Данные переписи также свидетельствуют, что в Коми крае преобладала малая семья из 5-10 чел. В начале XX в. ситуация не изменилась и, как показали исследования В.В.Соловьева, средняя численность крестьянского двора в разных волостях колебалась от пяти до восьми человек. Например, в Княжпогостской волости средняя численность крестьянского двора в 1907 г. составила 5,3 чел., Благовещенской волости в 1912 г. – 5,6 чел., в Подъельской волости в 1908 г. – 6,2 чел., в Усть-Цилемском обществе в 1908 г. – 7,8 чел. [14].

Как мы уже упоминали, к малой семье относится супружеская пара с неженатыми детьми, бездетные супруги, вдовцы, вдовы с неженатыми детьми, сироты и одинокие. Приведем примеры, взятые из посемейных

списков Савиноборской волости за 1906 г., Княжпогостской волости за 1907 г. и Усть-Цилемской волости за 1908 г. В семью 35-летнего И.П.Мезенцева из селения Савиноборского входили жена, два сына и две дочери, всего шесть человек. В этом же Савиноборском обществе к малой семье следует отнести семью В.Ф.Шахтарова, состоящую из пяти человек: самого хозяина (49 лет), жены, двух сыновей и дочь. Малой являлась и семья 50-летнего В.Е.Кузнецова из деревни Овининской Савиноборской волости, в которую входили жена, сын и три дочери, т.е. шесть человек [15]. В селе Шешецком Княжпогостской волости примером малой семьи может служить семья В.Г.Пудова (50 лет), в которой числились жена, сын и четыре дочери, всего семь человек или семья Г.А.Трошева (61 год), жена, сын и дочь – четыре человека, а также семья Т.И.Лятиева (62 года), жена, один сын и три дочери – шесть человек и семья З.М.Пархачева (40 лет), жена, один сын и пять дочерей, всего восемь человек [16]. Характерная особенность Княжпогостской волости заключается в том, что при анализе всего посемейного списка этой волости наблюдается явное преобладание дочерей в малых (полных) семьях.

Несколько примеров малых семей Усть-Цилемского общества. У А.В.Дуркина (53 лет) семья в 1908 г. состояла из восьми человек – жены и шести сыновей. У А.Н.Чупрова (39 лет) в семье насчитывалось шесть человек: жена, сын и три дочери; у С.В.Носова (65 лет) семья состояла из девяти человек: жена, шесть сыновей и дочь [17]. Мы привели примеры малых (полных) семей.

Малые (неполные) семьи также фигурируют в указанных посемейных книгах. В Усть-Цилемском обществе в 1908 г. проживали А.И.Дуркин (53 года) и его жена (40 лет); М.Ф.Чупров (60 лет) и его жена (60 лет); А.С.Носов (51 год) и его жена (50 лет); П.С.Чупров (62 года) и его мать (82 года); П.Д.Носов – вдовец (45 лет) – два сына; В.Ф.Носов (30 лет) – одинок и многие другие [18]. В Шешецком сельском обществе примером неполной семьи являлась семья 30-летнего Ивана Федоровича Коновалова, в которую входили его брат, мать Ивана и его дети: сын и дочь, т.е. пять человек. В Княжпогостском сельском обществе к неполной семье отнесена семья И.А.Люосева (41 год) и его жена (два человека); семья Н.Ф.Манова (23 года), состоящая из матери и брата; А.Л.Габова (43 года), в которой проживало шесть человек: мать (73 года), сын, две дочери и невестка [19]. В Савиноборской волости в качестве примеров неполных семей можно привести семьи вдовы А.А.Мезенцовой (36 лет), которая проживала с дочерью, вдовца П.Ж.Мезенцева (80 лет), с которым под одной крышей жили три сына, две дочери и внучка внебрачная, всего семь человек; семья вдовца В.И.Денисова (55 лет), который жил с двумя сыновьями, дочкой и невесткой. Вдова А.М.Мезенцова (42 года) проживала с тремя дочерьми [20].

Под неразделенной семьей подразумевается более сложная организация двух видов: отцовская и братская. Отцовскую неразделенную семью представляли родители с женатыми сыновьями и внуками. К братской неразделенной семье отнесены, во-первых, семьи, где отец и мать вдовье и имелось несколько женатых сыновей с детьми или без них, во-вторых, семьи, в которых у отца с матерью имелся семейный сын (или несколько семейных братьев, дядей и племянников). Примером отцовской неразделенной семьи в Савиноборской волости являлась семья 56-летнего А.П.Кузнецова. В нее входили его жена, сын с женой и два внука. В семье Э.С.Денисова (59 лет) проживало вместе с ним восемь человек: его жена и сестра, три сына, невестка и внучка [21]. В Княжпогостской примером семьи подобного рода является семья В.И.Трошева, состоящая из десяти человек: жены, трех сыновей, внебрачного сына жены, двух дочерей, жены сына и их дочерей [22]. Примером отцовской семьи в Усть-Цилемском обществе может служить семья В.Ф.Дуркина, в которую входили 15 чел.: его жена, восемь сыновей, две дочери, жена одного из сыновей и два внука. Семья Я.П.Бабикина состояла из 12 чел.: жены, двух сыновей Алексея и Михаила и дочери. У сына Алексея было четыре сына и дочь. 26-летний Михаил и 17-летняя жена детей еще не имели [23].

К братской неразделенной семье (Усть-Цилемское сельское общество) относилась семья вдовца Д.И.Носова (82 года), состоящая из сына и родной дочери, внука и его матери, внучки и жены умершего сына Петра, всего семь человек [24]. Семья И.В.Максарова (69 лет) (Княжпогостская волость) состояла из одиннадцати человек: два сына, две невестки, один внук и пять внучек [25]. У вдовы А.М.Мезенцовой (42 года) (Савиноборская волость) семья состояла из четырех человек, вместе с ней проживали три дочери [26].

Таким образом, нами дана наглядная картина различных типов семей в разных районах Коми края: в ее центральном районе, верховьях р. Печора и ее низовьях.

Причины семейных разделов были самые разнообразные. Наглядное представление о подобных причинах раздела дает книга прошений о семейных разделах Вильгортской волости за 1913–1914 гг. Крестьянская вдова Х.Г.Худяева, проживающая в с. Вильгорт, обратилась в Сретенский сельский сход 5 мая 1913 г. с просьбой отделить земельный надел сыну М.И.Худяеву, а также шестиугольный дом для ведения самостоятельного хозяйства. Здесь причина понятна. Пожилая женщина сама без мужа не могла обрабатывать землю и земельный надел отдавала сыну. В мае 1913 г. обратился в Вильгортский сельский сход П.С.Жаков с заявлением о том, что «мой сын Андрей Прокопьев Жаков стал меня всяко обижать, так что мне стало с ним невозможно жить, прошу сельский сход моего сына отделить от меня на самостоятельное хозяйство» [27]. Крестьянин дер. Читовской В.Ф.Сивков обратился в январе 1913 г. в Сретенский сельский сход со следующим заявлением:

«Имею отдельное проживание с сестрой Натальей Федоровной Сивковой и с невесткой Натальей Михайловной Сивковой. Земельными наделами пользуемся отдельно, в настоящее время все количество земли числится на мне, отчего и часто временно между нами происходят ссоры. Прошу сельский сход сделать распоряжение нашего раздела. И земельный надел записать в следующем порядке: из $2\frac{2}{3}$ души, мне самому на 1 душу, сестре Наталье $\frac{2}{3}$ души и невестке на 1 душу» [28]. В.Ф.Сивков, чтобы избежать постоянных ссор, просит сход узаконить имеющиеся у них наделы.

Как показывают архивные документы, в частности архивные материалы по Вильгортской волости, разделы происходили «по ссоре», «по ссоре женщин», «в связи с многолюдностью семьи», «из-за недовольства большой семьей». Обычно отделялись женатые сыновья от отцов, братья от родных или двоюродных братьев, племянники от дядей. Как показывают архивные документы, далеко не всегда из-за каких-либо негативных ситуаций в семье. П.М.Тренин, крестьянин Вильгортской волости «по желанию своему и сына Николая Прокосьевича, я разделил его на самостоятельное ведение хозяйства, выдал ему имущества, 1 дом, 1 лошадь, земельный надел» [29]. Два брата – крестьяне с.Вильгорт Григорий и Егор Кузивановы – «между собой произвели по добровольному согласию семейный раздел на отдельные самостоятельные хозяйства» и просят сельский сход «семейный раздел оформить законным порядком» [30].

Начало XX в. ознаменовалось в Коми крае соблюдением закона 18 марта 1886 г. – о порядке разрешения семейных разделов. Несколько примеров. 3 сентября 1900 г. состоялся сельский сход Богоявленского общества (Зеленец), на котором рассматривался семейный раздел между четырьмя братьями: Андреем, Павлом, Ильей и Алексеем Камбаловыми. Сход разрешил семейный раздел «согласно Высочайшего повеления от 18-го марта 1886 г. между братьями. И сход постановил следующим образом распределить родительское наследие. «1). А.Камбалову – земли $\frac{7}{8}$ души, дом из 3-х комнат с придворными строениями, 1 погреб, 1 лошадь, 2 коровы, 2 овцы; 2) П.Камбалову – земли $\frac{7}{8}$ души, новый дом из 3-х комнат с двором, 1 погреб, 1 лошадь, 2 коровы, 3 овцы; 3) И.Камбалову – земли $\frac{7}{8}$ души, половину старого дома с двором западной стороны, 2 коровы и 2 овцы; 4) А.Камбалову – земли $\frac{7}{8}$ души, половину старого дома с северной стороны, 2 коровы и 2 овцы. А лошадью, погребом и амбаром последним двум Илье и Алексею пользоваться сообща, а овинами всем четверым, а новые расчистки как сенокосные, так и равно пахотные и необходимые земледельческие орудия всем четверым разделить по равной на 4 части» [31]. Вот это, действительно, раздел. По меркам северного крестьянского хозяйства родители братьев Камбаловых были достаточно зажиточными хозяевами, сумев обеспечить всех четырех братьев всем необходимым.

Сельские сходы Коми края в начале XX в. оформляли разделы, совершенные ранее самовольно, согласно закону 18 марта 1886 г. Так, в Керчомском сельском обществе Керчомской волости Усть-Сысольского уезда с 1886 по 1903 г. самовольно произошел 51 семейный раздел. Земский начальник 4-го участка Усть-Сысольского уезда предложил разделившимся семействам вновь соединиться или утвердить семейные разделы общественным приговором. Керчемские крестьяне посоветовавшись 13 ноября 1903 г. на сельском сходе решили: «Признать более удобным утвердить семейные разделы под общим приговором. Семейные разделы их произведены по согласии родителей или сторонних в семье членов. Поводом к нему заслуживали скопление наличного населения в семействах. Эти крестьяне к самостоятельному ведению хозяйства вполне способны. Усадебными участками для возведения необходимых построек снабжены в достаточном количестве. Земельный надел по числу едоков получили наравне с прочими домохозяевами. Движимое имущество, составляющее необходимость в хозяйстве, имеют достаточно каждый. А потому семейные разделы крестьян, разделившихся самовольно за время с 1886 по 1903 г. постановили утвердить, а именно: 1) О.С.Булышева, 2) П.С.Булышева, 3) М.В.Воробьева и др. (всего 51 человек)» [32].

Таким образом, семейные разделы практически во всех сельских обществах Коми края в начале XX в. оформляются решением сельского схода, т.е. крестьянский «мир» взял на себя функции решения семейных проблем в своем обществе, выполняя закон 18 марта 1886 г. Каких-либо обобщенных статистических данных о семейных разделах не сохранилось. Однако приговоры сельских сходов, на которых рассматривались вопросы, связанные с семейными разделами, дают возможность представить общую картину семейных разделов. Об этом говорят следующие примеры.

6 августа 1901 г. крестьяне Слободского общества Богоявленской волости на сельском сходе постановили: 1) «разрешить семейный раздел между братьями И.М., Д.М., Н.М. и С.М. Юркиными; 2) разрешить семейный раздел между Л.В.Коданевым и его сыном В.Л.Коданевым» [33].

29 декабря 1901 г. крестьяне Слободского общества снова вернулись к вопросу о семейных разделах и на сельском сходе в этот день постановили разрешить восемнадцати семьям разделить землю и имущество между членами семьи. Из восемнадцати разделившихся в 12 случаях раздел был произведен между братьями, в четырех случаях между отцом и сыновьями и в двух случаях между крестьянской вдовой и ее пасынком [34]. Таким образом, в Слободском обществе за 1901 г. было произведено 20 семейных разделов.

28 декабря 1905 г. крестьяне Богородского общества и волости собрались на сельский сход, чтобы обсудить просьбы крестьян о семейных разделах. Всего было заслушано 27 просьб о разделе. Сход обсудил все просьбы и принял во внимание: 1) «что старшие члены семейства изъявили на таковое свои согласия, 2) что к разделу семейств основательный повод действительно существует и заключается в постоянных ссорах и не согласиях между делящимися, ведущие к упадку хозяйства, 3) что из числа ищущих раздела никто заведомо не исправным обществом не признается, 4) что делящиеся члены самостоятельны и вести крестьянское хозяйство способны, 5) что для делящихся членов усадебные участки имеется возможность определить необходимого и должного размера, 6) что делящиеся семейства достаточно зажиточны и что по разделу семьи каждый член ее вполне может завести свое отдельное хозяйство и устроить отдельный дом и 7) что исправное поступление окладов, податей и прочих казенных взысканий будет обеспечено» признал «вышеозначенные ищущие раздела семьи вполне отвечающей условиям, изложенным в правилах о семейных разделах» и постановил «разрешить вышеозначенным семействам произвести между собой семейный и имущественный раздел» [35].

Решения о семейных разделах принимались сельскими обществами не обязательно в конце года. Как свидетельствуют архивные документы, вопрос о семейных разделах той или иной крестьянской семьи ставился в течение года. Как правило, сход, рассматривая различные хозяйственные вопросы, решал и две-три просьбы крестьян о семейных разделах. В году сельское общество собиралось шесть-восемь раз и практически на трех-четыре сходах стоял вопрос о семейном разделе. Это обстоятельство позволяет констатировать, что в Коми крае шел постоянный процесс разделения семей. В 1905 г. в Коми крае насчитывалось 55 волостей, в последующие годы их число постепенно росло. Исходя из имеющегося архивного материала, можно предположить, что в год в Коми крае происходило 250-300 семейных разделов.

Иногда случалось, что сельский сход не разрешал раздел. Так, 31 января 1910 г. крестьяне Богоявленского общества и волости слушали предложение о семейном разделе. Разобравшись в обстоятельствах дела, сход постановил: «Так как семейство Камбаловых состоит только из двух лиц семейный раздел не допустить, а чтобы жили вместе и хозяйством владел С. Камбалов на правах усыновленного сына всем имуществом покойного А. Камбалова и содержал приемную мать М. Камбалову» [36]. В данном случае сход поступил благодушно, не оставив без поддержки пожилую женщину.

Таким образом, семейные разделы явились важной стороной жизнедеятельности крестьянской семьи. Разделившиеся семьи, особенно, состоящие из молодых, имели большую возможность вести свое хозяйство, планировать рождаемость детей и следить за их воспитанием. Наряду с развитием капиталистических отношений, улучшением экономического положения на селе, семейные разделы, несомненно, сыграли свою роль в развитии демографического процесса в Коми крае в начале XX в. Об этом свидетельствуют и имеющиеся статистические данные. По первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Усть-Сысольском уезде без г. Усть-Сысольска проживали 89840 чел., в Яренском без г. Яренска – 45832 чел. [37]. Перед Первой мировой войной в этих уездах проживали: в Усть-Сысольском уезде 122833, в Яренском – 60159 чел. [38]. За сравнительно небольшой срок население Усть-Сысольского уезда увеличилось на 32993 чел. (около 36%), Яренского – на 14327 чел. (около 24%). Благоприятная экономическая обстановка и семейные разделы сказались на демографической ситуации и в Печорском уезде. В 1872 г. в Усть-Цилемской волости проживали 4225 чел. В 1908 г. в Усть-Цилемской волости уже числилось 8430 чел. [39]. Произошло увеличение населения почти в два раза.

Литература и источники

1. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. – Юбилейное издание. VI. – М., 1911. – С. 173.
2. Арсеньев Ф.А. Доклад чиновника Усть-Сысольского уезда по крестьянским делам // Вологодские губернские ведомости. – 1882. – № 88.
3. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. – С. 125.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр.3. Т.6. Ст.3578.
5. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 51, оп.1, д.54, л.1.
6. ГУРК «НАРК». Ф. 155, оп.1, д.19, л.7 об.-288; д.25, л.4 об.-195; д.35, л.206-292; д.45, л.209-294; д.55, л.6-90 об.
7. Там же. Ф. 155, оп.1, д.19, л.295-412; д.25, л.205-290; д.35, л.206-292; д.45, л.209-294; д.55, л.6-90 об.
8. Там же. Ф. 40, оп.1, д.624, л.1.
9. Там же. Л. 2.
10. Там же. Л. 3.
11. Соловьев В.В. Коми крестьянская семья XVIII – начала XX века: Дис. ... канд. истор. наук. – М., 1987; Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 5, оп.2, д. 386, л. 77.
12. Большаков М.А. Община у зырян // Живая старина. – 1906. – В.1. – С.26.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 1. – СПб., 1901. – С. 4-5; I. Архангельская губерния. Тетрадь 1. – СПб., 1899. – С. 4-5. (Подсчеты произведены В.В.Шаньгиной).

14. Соловьев В.В. Указ. соч. – Л. 77-81; Чупров В.И. Крестьянская семья Усть-Цилемской волости Печорского уезда в начале XX века // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сборник научных трудов. – М.–Сыктывкар, 2005. – Вып. 3, ч. 3. – С. 70. (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии, 28-30 сентября 2005 г.).

15. НАРК. Ф. 75, оп.1, д.8, л.9-10.

16. Там же. Ф. 55, оп.1, д.1, л.1-5.

17. Посемейная книга Усть-Цилемской волости за 1908 г. // Архивный отдел Администрации муниципального образования «Усть-Цилемский район». Л.4.

18. Там же.

19. НАРК. Ф. 55, оп.1, д.1, л.1-5.

20. Там же. Ф. 75, оп.1, д.8, л.9-12.

21. Там же. Л. 10-14.

22. Там же. Ф. 55, оп.1, д.1, л.2.

23. Посемейная книга Усть-Цилемской волости за 1908 . Л. 2.

24. Там же. Л. 2.

25. НАРК. Ф. 55, оп.1, д.1, л.4.

26. Там же. Ф. 75, оп.1, д.8, л.21.

27. Там же. Ф. 44, оп.1, д.198, л.4.

28. Там же. Л. 16.

29. Там же. Л. 10.

30. Там же. Л. 22.

31. Там же. Ф. 40, оп.1, д.448, л.32 об.

32. Там же. Ф. 29, оп.1, д.13., л.27-28.

33. Там же. Ф. 279, оп.1, д.472, л.3-4.

34. Там же. Л. 5-13.

35. Там же. Ф. 29, оп.1, д.13, л.11-13.

36. Там же. Ф. 40, оп.1, д.633, л.21 об.-22.

37. Первая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вологодская губерния, тетрадь I. – СПб., 1901. – С.1; Архангельская губерния, тетрадь 1. – СПб., 1899. – С.1.

38. ГУРК «НАРК». Ф. 230, оп.1, д.353; ф.231, оп.1, д.83.

39. Государственный архив Архангельской области. Ф. 6, оп.2, д.208, л.13-233; ГУРК «НАРК», ф.11, оп.1, д.4, л.6, 23-29, 108-113.

**Брачно-семейное поведение славянского населения Юга России
(по материалам романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»)**

Десятилетие русской истории (май 1912 – март 1922 гг.), запечатленное в эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон», годы, всколыхнувшие страну; период «вулканической социальной активности», делающей «жизнь обывателя... невыносимой» [1]; время, когда переходное, изменяющееся (транзитивное) состояние общества выливалось в обострение напряженности между традицией и модернизацией, принимало форму открытого конфликта поколений.

С каким багажом вступала страна в XX век? По данным первой отечественной переписи 1897 г., в Российской империи проживали 129 млн. чел. – примерно 8% населения Земли. Демографический потенциал собственно России (в ее современных административно-территориальных границах) по состоянию на 1900 г. – 71 млн. чел. (4,4% жителей планеты) [2]. В мировой демографической иерархии Российская империя занимала третье место, уступая только Китаю и Индии. Количество жителей, приблизительно сопоставимое с населением современных российских территорий, имели США (76 млн.) и Германия (56 млн.).

Быстрый темп роста населения Европейской России – 17% ежегодно (средний уровень периода 1897–1913 гг.) закладывал предпосылки для экономического развития, создавая ощущение процветания. Аналогичные показатели стран-соперниц (Германии, Англии и особенно Франции) уступали, составляя соответственно 14%, 9%, 2% [3]. Образовавшийся (в результате отмеченного значительного превышения рождаемости над смертностью) демографический запас мог оказаться чрезвычайно полезным в XX в., когда общемировой баланс населения начал быстро меняться не в пользу стран европейской культуры (в том числе – и России).

Во второй половине 1870-х гг. в России начинается снижение уровня смертности (прежде всего, младенческой и перинатальной), которое делало «ненужной» прежнюю высокую рождаемость. С 1890-х гг. происходит увеличение темпов ежегодного прироста населения за счет «тормозящего» снижения рождаемости. Асинхронность динамики снижения смертности и рождаемости создавала возможность накопить людские ресурсы. И возможностью этой воспользовались многие страны Европы, подобная асинхронность (за редким исключением – Франция, многие регионы Скандинавии) наблюдалась и там. России помешала череда демографических катастроф, съедавших образовывавшиеся людские ресурсы. Сам термин «демографическая катастрофа» имеет российское происхождение: он введен в научный оборот А. Чупровым в начале 20-х гг. XX в. для характеристики ситуации, сложившейся в стране во время Первой мировой войны [4].

Начало демографического перехода в центральных и северо-западных губерниях Российской империи, приходясь на последнюю треть XIX в., отставало от большинства европейских стран (значительнее всего от Франции: примерно, вековой разрыв). На рубеже второго – третьего десятилетия XX в. перемены затрагивали практически все стороны жизни социума. На юге России приблизительно в эти годы (со значительным, полувековым отставанием от центра и северо-запада страны) начинается процесс демографического перехода. Происходящие изменения – замещение расширенного воспроизводства (высокой смертности и высокой рождаемости) экономным (низкая смертность и низкая рождаемость) – носили фундаментальный характер. Требовала пересмотра вся система ценностей человека: жизнеохранительное поведение и отношение к смерти, любовь и выбор партнера, продолжение рода и воспитание детей... На смену слепому следованию традициям приходит обдуманый индивидуальный выбор.

Человек в исторической перспективе меняется медленно и неравномерно: десять лет, описанные в романе, это время, на которое приходится один из пиков перемен, определяемый спрессованностью событийной истории. В демографическом поведении, как в фокусе, сосредоточены практически все представления и ожидания человека, его мотивы и намерения. Часто информация об этих аспектах фрагментарна, по крупницам рассредоточена в массиве архивных документов. И здесь на помощь исследователю приходит художественная литература – шолоховская эпопея «Тихий Дон».

Идея использовать текст романа в качестве исторического источника не нова. Раньше, однако, предпочтение отдавалось эпизодам военных действий (А. В. Венков) [5], деятельности большевиков (А. Мацай) и т. д. [6]. О «необычайном историзме» книги писал литературный критик С. Н. Семанов. Он подчеркивал: текст станет «ценнейшим источником для всех грядущих историков» [7]. В опубликованной в 2002 г. в «Вопросах

***Макаренко Е. В.** (Краснодар) – кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета; **Макаренко М. Ю.** (Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета.

литературы» статье ее автор С.Семенова даже удивляется, «как это дерзновенное, упрямое в следовании исторической, бытовой, психологической правде... творение... сумело прорваться к читателю почти сразу же по своем рождении» [8].

Шолохов виртуозно с литературно-художественной точки зрения и исторически предельно достоверно запечатлел и смену эпох, и фундаментальные перемены, происходящие на микроуровне – в сознании человека. Довольно часто действие романа переносится с Дона на соседнюю Кубань. Учитывая тот факт, что Кубанская область имела в социально-бытовом укладе жизни и природно-географическом облике очень много общего с Верхним (и особенно Нижним) Доном, мы считаем возможным распространить сделанные выводы и на этот регион. И даже еще шире – практически на все территории Юга России, где преобладало славянское население. Подобное расширение оправдано тем, что уровень и темп развития демографической модернизации в этих регионах были примерно одинаковы.

Еще одна причина – катастрофический недостаток материалов статистики. Особенно это касается последних четырех лет рассматриваемого периода. ЦСУ с большой осторожностью подходило к отбору материала для таблиц по движению населения; опубликованы были далеко не все сведения, которыми располагал отдел демографии управления. Сущность критерия отбора материала сформулирована в примечании к одной из таблиц Сборника статистических сведений по Союзу ССР за 1918–1923 гг. ЦСУ сообщает, что приводит «сведения о естественном движении населения за 1920–1922 гг. в 20 губерниях и областях России по данным загсов, где регистрация рождений и смертей носит сколько-нибудь исчерпывающий характер... В остальных губерниях РСФСР регистрация актов гражданского состояния страдает такой неполнотой, что цифры загсов не имеют для учета естественного движения населения никакой цены» [9].

Территории, послужившие основой образованного в 1924 г. Северо-Кавказского края, оказались в числе «остальных»: сведения по ним не приводятся. Многие исследователи (например, А.Я.Боярский) [10], определяя показатели динамики численности населения в масштабах, приближающихся к общероссийским, оставляют Северный Кавказ вне географических рамок своих расчетов, подчеркивая, что в регионе качество статистического учета кардинально ниже, чем в центральных губерниях России. Подобного мнения придерживались и региональные статистики, заявляя: на Кубани (в частности) текущий учет населения до конца 1922 г. велся неудовлетворительно. Что касается оценки материалов переписи 1920 г., то здесь диапазон мнений широк: не охвачено учетом от 3,5% населения (местная оценка) до 30% (центр). Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. еще менее достоверны.

Не только статистика, но и художественная литература довольно долго обходила регион. По мнению М.Горького, русская литература досоветского периода «черпала материал свой главным образом в средней полосе России» и «оставила вне своего внимания целые области, не тронула донское, уральское, кубанское казачество...» [11]. «Картина, нарисованная Шолоховым, необозримо широка», – писал во введении к своему фундаментальному исследованию С.Н.Семанов [12]. По его подсчетам, в произведении действуют, присутствуют или мелькают восемьсот семьдесят персонажей [13] ... Таким образом, текст романа достаточно репрезентативен и в какой-то степени способен заменить модальный источник. Ориентированность на «человеческое» измерение делает роман поистине незаменимым источником для исследования, выполненного в рамках новой социальной истории. Михаил Шолохов *жил* повседневностью своих героев, с детства впитывая детали быта и нравов верхнедонских станиц, мастерски перенесенные им на страницы «Тихого Дона».

Действие эпопеи начинается в мае 1912 г. Повседневность хутора Татарского, живое полотно существования семей Мелеховых, Коршуновых, Астаховых... – всё крепится традицией, особым укладом жизни военно-земледельческого сословия, при котором социальный контроль даже сильнее, чем в крестьянском социуме. На этом фоне, сформированном уже уходящей патриархальной культурой, возникают отношения главных героев. Девиантность не в самом факте связи, а в том, что она открыта: «Если б Григорий ходил к жалмерке Аксинье, делая вид, что скрывается от людей, если б жалмерка Аксинья жила с Григорием, блюдя это в относительной тайне..., то в этом не было бы ничего необычного...» [14]. Пара, изначально поставив себя вне традиций («... явна... сумасшедшая их связь... иступленно горели они одним бесстыдным полымем, людей не совестясь и не таясь...») хуторского социума, выпадает из общего развития. Определяя их связь, Шолохов постоянно пользуется эпитетом «необычная», который, на наш взгляд, точно маркирует эти отношения.

Вспомним первые страницы. Непохожесть («одни утверждали, что красоты она доселе невиданной»; другие: «ни заду, ни пуза, одна страма... глазюки – черные, здоровющие, стригеть ими, как сатана», «ходит-то она... в Прокофьевых шароварах») на станичных баб, сформировав предрассудки, погубила бабу-турчанку Григория, дед которого «развалил... до пояса» рослого батарейца Люшню, руководившего расправой. Отец Аксиньи, посягнувший на нее (далее о случае не упоминается, но могла ли забыть о нем шестнадцатилетняя девушка?), зверски забитый сыном и женой, перед смертью «шарил по горнице глазами, отыскивая спря-

тавшуюся» дочь. Вот вопрос: могли ли главные герои романа рассчитывать на нормальную человеческую долю, если судьба изначально оставила на них налет прошлых трагедий?..

Жизнь общества управляется не только закрепленными на бумаге юридическими нормами; параллельно существуют обычаи, традиции, стереотипы поведения, имеющие не меньший, а часто и больший мобилизационный потенциал. Они устанавливают границы «нормального» или неадекватного поведения – поведения, одобряемого или осуждаемого социумом. Вводя термин «аномия» в оборот научных исследований, Э. Дюркгейм определяет его как состояние ослабления и даже разрушенности нормативной системы общества: старые нормы и ценности уже не соответствуют складывающимся отношениям. Ситуация подобного правового вакуума со всей очевидностью существовала (может быть, точнее – царствовала) в России в конце второго – начале третьего десятилетия XX в. В результате – рост различных форм девиантного поведения. Понятие детализировано Р. Мертоном, полагавшим, что «аномия» – результат несогласованности между культурно-предписанными целями и законными средствами их получения. Она возникает, когда люди не могут достичь навязанных обществом целей «нормальными», им же, обществом, установленными средствами. Социолог разграничивал аномиию в обществе в целом и аномиию как состояние индивида.

Маркирование определенного явления или стиля поведения как отклоняющегося развито в теории штампов Г. Беккера [15]. Леворукость Григория («С детства Григорий был левшой. Он и ложку брал левой рукой и крестился ею же. Жестоко бивал его за это Пантелей Прокофьевич...») служит маячком изначальной, врожденной девиантности героя. Плохой признак – и внешнее сходство Григория с отцом: «такой же, как у бати, вислый коршуначий нос... Так же сутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое». Сам же Пантелей Прокофьевич и брат Петр похожи на матерей. И если сделать скидку на сам характер, переходность эпохи, их жизненный путь оправдывают народную примету: родившись похожим на мать, сын будет счастлив в жизни.

Девиантность Григория сохраняется им на протяжении всей жизни. «Очень дик... Вообразите, увидит государь такую рожу, что тогда? У него одни глаза... Переродок!..» – так характеризуется внешне привлекательный Григорий еще на врачебной призывной комиссии. «Весь в батину породу выродился, истованный черкесюка», – кричит родному брату после ссоры Петр. «У них вся порода такая непутевая...» – оценка соседа-хуторянина в самом конце эпопеи. Да и сам герой, оценивая пройденный путь, соглашается со статусом девианта, считая свою жизнь «*диковинно* (курсив наш – Е.М., М.М.) и нехорошо сложившейся».

На перекрестке эпох возникает связь Григория с женой соседа Степана, и, по всей видимости, в мирное время отношения быстро бы иссякли, продлила их военная повседневность, позволившая Аксинье стать «походной» женой. Много «серошинельной крови» война унесет... Кто-то сумеет пройти сквозь «годину смуты»... Кто-то даже закалится в этом огне... Но неопределенность, неприкаянность (не чувствует он себя полностью «своим» ни у красных, ни у белых), выпавшие на долю Григория Мелехова, страшнее всего. Сам Григорий на первых порах отношения с соседской жалмеркой всерьез не воспринимает, безропотно подчиняясь решению («Женить сукиного сына!.. Женю!.. Завтра же поеду сватать!») и выбору («слушменная» невеста Наталья – девушка из строгой и домовитой семьи) отца. То, что Пантелей Прокофьевич не спрашивает мнения сына, объясняется желанием наказать его. И, видимо, не стоит оценивать эту суровость как норму при выборе невестки.

К чувствам Натальи семья прислушивается. Связывая судьбу с нелюбимой женщиной, Григорий даже не предполагает возможности распада брачных отношений. В социуме пока еще доминирует принцип *человек для семьи* (образное выражение А.Г.Вишневого), ведущий практически к полному вращению индивида в ткань внутрисемейных отношений, растворению личности в семье.

Входя в семью мужа, женщина должна была выстраивать отношения не только с ним, но и со всеми домочадцами. Работящая Наталья Мироновна пришлось по вкусу свекрам (учитывая личность невестки и характеры старших Мелеховых, это не удивительно, однако во многих семьях картина имела другой вид), в ней души не чают Дуняшка, постепенно проходит неприязнь старшей невестки Дарьи... «Бабы... во всем не похожие одна на другую, сошлись, жили ладно».

Опосредованность связи супругов внутри большой семьи приводила к неблагоприятным ситуациям. Сюжет о том, как «тянули колокол и до тех пор не могли поднять его, пока не были удалены снохачи», присутствует и у Б.Н.Миронова, и у А.Г.Вишневого. И пусть семью Мелеховых это явление касается только на уровне беспочвенных намеков в адрес младшей невестки («она с свекром, с Пантелеем хромым, спуталась») и невестребованного Дарьиного предложения, но рассредоточенные по всему тексту романа упоминания о снохачестве позволяют заключить: оно привычно и распространено.

Хозяйственно-бытовой уклад жизни не предполагал обособленности супругов, полной интимности их отношений. Искренне переживая за сына и любимую невестку, Пантелей Прокофьевич спрашивает жену: «вместе легли али нет?». Сама возможность подобного контроля кажется абсурдной в начале XXI в.; и не она ли уводит Григория из семьи, из дома, где все на виду?

Внутренний мир Григория Мелехова гораздо более индивидуален, дискретен, избирателен, чем у его соседей-станичников. В таком мире, по образному выражению А.И.Герцена, над «любовью к полу» доминирует «любовь к лицу»: «только личное, индивидуальное и нравится, оно-то и дает колорит, tonus, страстность всей нашей жизни» [16].

Но не только Григорий опережает свое время. Аксинья, выставляя перед людьми безраздельную любовь к Григорию, самозабвенную преданность ему, готовность идти хоть на край света*, еще менее понятна окружающим. И после смерти, когда соединятся навеки венчанные Григорий и Наталья, ей предстоит остаться неприкаемой. Тот факт, что девушки неохотно вступали в брак с вдовыми мужчинами, боясь, что на том свете муж встретится с первой женой, отмечен этнографическими материалами. Аналогичный мотив Шолохов вкладывает в уста Дарьи, обеспокоенной близким концом.

Предпереходное состояние воспроизводства характеризовалось очень высоким уровнем смертности, прежде всего младенческой – треть родившихся не доживала до года. Примерно половина не дотягивала до репродуктивного возраста. Региональная статистика подтверждает эти суждения, сделанные на основе материалов, собранных в центральных губерниях страны. На рубеже XIX–XX вв. в хуторах Первого Донского округа вопреки церковному канону (крестить только на восьмой день) 90% детей крестили в течение первых трех дней жизни, из них 10% – в день рождения; около половины – на второй [17]. Чем объяснялась такая поспешность родственников? Страхом, чтобы ребенок не умер «калмыком» (калмык, щ'еник, пёс, татарч'а – названия некрещеных детей в донских говорах [18]). Сложилось множество альтернативных кризисных сценариев ритуала крещения.

Шолоховские сюжеты также служат достоверной иллюстрацией: ребенок Аксиньи от Степана, «дитё» Дарьи, дочь Аксиньи и Григория умирают совсем маленькими; приблизительно в шестилетнем возрасте уходит Полюшка... На уровне массового сознания в этом, как правило, трагедии не видят. «Дитё у Дарьи померло» – так скупое и в общем-то равнодушно пишет тетка под диктовку деда о смерти племянника или племянницы (ни имя, ни пол ребенка в романе так и не названы). Ограничиваясь единственной фразой в отношении происшедшего горя, домашние довольно подробно пишут Григорию о хозяйственных делах; упомянута даже кличка жеребца «станишной конюшни», виновного в ожидаемом прибавлении. И пусть страдает Аксинья, видя, как угасает Танюшка (к этому моменту мать уже признала типично мелеховские черты и не сомневается: ребенок от любимого человека), но видит она в этом «наказание божье», против которого бороться при помощи земных средств (лекарств, фельдшером) бесполезно; может спасти только молитва. Фатализм Аксиньи объясняется и тем, что смерть младенцев была на Дону (как и по всей стране) частым гостем, однажды уже посещавшим ее семью. Крестьянской пассивности героини противопоставлена позиция старика Листницкого: «Скажи ему (врачу – Е. М., М. М.), что не уедет..., пока не вылечит мне девчонку!». За этим рационализмом, преодолевающим социальную и психологическую инерцию обреченности, невежества, будущее. Война, голод, эпидемии тормозили развитие процесса: «страшный торжественный акт смерти» терял свою исключительность, становясь привычным явлением. В результате происходил своеобразный откат по уже пройденному нелегкому пути, и многие достижения социально-демографической модернизации оказывались нивелированными.

Пронаталистская установка кажется безусловной основой аграрного типа воспроизводства. Взрослые дети (особенно сыновья) служили своеобразным гарантом от нищеты, приходящей в старости с утратой трудоспособности: «Корми сына до поры: придет пора – сын тебя прокормит». С позиций ортодоксального православия продолжение рода – единственное оправдание супружеских отношений, основной смысл создания семьи. Многодетность трактовалась как косвенный признак пристойности брачных отношений. Поэтому, казалось бы, в отношении появления детей должен действовать принцип: чем больше, тем лучше. Это нашло отражение в свадебной обрядности южных регионов: «вам жылаим дитей штук питнацьть!»; «Када едут с церкви мима саду, гаварять маладым: – Сачтитя сколько пинёшкаф – стольки будить сыношкаф, сколько кочичек – стольки дочичек...»; «на свадьби столька ручником узлов вязали, скока маладыя дитей хатели иметь. Жылали кучу дитей». Полностью соглашаясь с выводом этнографа Т.Ю.Власкиной, собравшего эти материалы, о том, что они – квинтэссенция идеальных представлений о семейном счастье и далеки от реальных желаний жениха и невесты [19], хочется подчеркнуть: несмотря на явную гипертрофированность, магистральная пронаталистская линия выражена в них четко. С другой стороны, безальтернативность психологической установки на многодетность опровергается пословицами, собранными еще в середине XIX в.: «Первые детки – соколятки, последние – воронятки»; и даже – «Хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем» [20].

Насколько частой и желанной была многодетность в культурах богатых и хлебных южных регионов страны? В романе практически нет упоминания о многодетных семьях: некоторые из приходящих на ум исключений – Ильинична, у нее два сына и дочь, мать Натальи Коршуновой Лукинична (сын и три дочери) и, конечно, мать Мишки Кошевого – все они женщины старшего поколения. Ни одну из главных героинь это

* Кстати, с греческого имя главной героини переводится как «странница».

явление не касается. Находим только в эпизодах: «пугливая хворая баба, плодовая, как крольчиха»; и о ней же «вон сколько нащенила»... Как видим, особой радости, характеризуя сложившуюся ситуацию, муж (а это – оценка мужа) не испытывает. И совсем уж категорично, напрямую называя свою беременность «бедой», оценивает предстоящее событие многодетная соседка Коршуновых. Таким образом, несмотря на сложившийся стереотип, многодетность, по всей видимости, не была ни распространенной, ни особенно желанной.

Совсем по-другому в большинстве случаев ждали первенца. Особенно это касается семьи Мелеховых, где рождение ребенка могло послужить основой окончательного примирения супругов. Кроме того, проводив обоих сыновей на фронт, старики обеспокоены тем, что «переведется мелеховская порода». Поэтому ожидаема и понятна радость главы семьи: «казака с девкой подарила сноха. Вот сноха – так сноха! Господи, бож-же мой! За такую-то милость чем я ей, душеньке, отхвитаю?»

В традиционных культурах Юга сложился комплекс магических действий, направленных на получение потомства определенного пола. «Нужны сынок – шапку адивай на sibя ф тот мамент»; «Пат падушку клали штаны, если хатели мальчика, платья, если хатели девачку» [21]. Многие исследователи (Т.А.Листова, Т.Ю.Власкина) солидарны во мнении: предпочтение отдавалось использованию средств, направленных на рождение сыновей [22]. И это заметно даже по акцентам в цитируемых наставлениях. В контексте сказанного по-хорошему удивляет то, что Наталья «ухитрилась угодить (курсив наш – Е.М., М.М.) свекрам» именно тем, что детишки разнополые. На этом фоне невольно вспоминается, что и Дуняшка Мелехова, и сама Наталья были любимцами у отцов. По всей видимости, в обоих случаях позиции определялись экономической состоятельностью (а, следовательно, траты, связанные с выдачей дочек замуж, не имели разорительного характера) крепких казацких семей и тем, что отцы воспитывали и сыновей.

Не все члены мелеховской семьи одинаково рады появлению Мишатки и Полюшки. Из уст обращающейся к Григорию Дарьи звучит: «Наталья твоя – как трусиха плодущая (и это – единожды рожавшей женщине – Е.М., М.М.). Она их тебе нашибает ишо штук десять». Таким образом, мы видим удивительное сочетание, когда на «верхнем», «парадном» уровне дети – ценность очень высокого ранга, то, ради чего стоит жить; при более приземленном подходе допустимой становится широта оценок и линий поведения в отношении детей [23].

В начале романа зафиксирован тот этап жизни крестьянско-казачьего социума, когда нити патриархальности пронизывают все стороны существования. «На сходе запорю!..» – с таким обещанием (дословно, конечно, не собираясь его выполнять) в порыве гнева Пантелей Прокофьевич может обратиться к своенравному Григорию. Тесть Мирон Григорьевич, игнорируя мнение зятя («мне нечего у него пытаться»), апеллирует исключительно к равному, к свату: «ты своему куреню голова, – с тобой я и разговор имею». Незыблемыми кажутся эти основы. Но, как показала история, только кажутся.

О кризисе патриархальной семьи пишут авторы (Е.М.Андреев, А.Г.Вишневский, С.В.Захаров, В.И.Сивевич, Т.Л.Харькова) фундаментального исследования, посвященного российской демографической модернизации: «стоило... необходимостям немного ослабеть, и жесткая предопределенность... лишилась своего оправдания, привычные семейные отношения перестали удовлетворять людей, члены семьи начали «бунтовать»» [24]. Эти строки характеризуют ситуацию в центральных губерниях в период несколько более ранний, чем время, описываемое Шолоховым. Однако отставание казачьего Юга России от Центра не изменило принципиально развития процесса. А война, ускоряя его ход, «все перепутала и лишила старика (Пантелея Прокофьевича – Е.М., М.М.) возможности жить и править своим домом так, как ему хотелось».

Пришел на Дон 1919 год, и многое изменилось в семье Мелеховых: «Совсем недавно Пантелей Прокофьевич чувствовал себя в доме полновластным хозяином, все домашние ему безоговорочно подчинялись... во всем быту сказывалась... долголетняя слаженность...»; теперь же «семья распалась на глазах...». Не случайно, что «первой откололась» Дуняшка, и пусть пока речь идет о замкнутости, отчужденности и безразличии к делам семейно-хозяйственным, открытое противостояние не заставит себя долго ждать. Выбор и настойчивость, с которой Дуняшка отстаивает этот выбор, заставив мать благословлять семейной иконой ее на брак с убийцей сына, окончательно сделали Ильиничну (к этому времени умер уже хозяин Пантелей Прокофьевич) «лишней в доме»: «с ней они (зять Мишка Кошевой и дочь – Е.М., М.М.) ни о чем не советовались и не спрашивали ее согласия».

Свадьба Дуни Мелеховой состоялась приблизительно в июне 1920 г.; невесте двадцать один год*. По нормам того времени, это уже очень много, тем более, что о ней, пятнадцатилетней, сказано «рано вызрела, как яблоко-скороспелка». Во второй половине XIX в. в южнорусских областях социальная норма для возраста вступления в брак – 16-18 лет [25]. Многочисленные примеры из текста «Тихого Дона» свидетельствуют, в верхнедонских станицах начала XX в. среднестатистический возраст вступления в первый брак приблизительно совпадает с этим показателем: Аксинья, например, выходит замуж в семнадцать, Наталья – на год позже и т.д.

*Четкие возрастные характеристики (за редкими исключениями) в самом тексте романа отсутствуют. Обозначая возраст героев, мы опираемся на исследование С.Н.Семанова «Тихий Дон» – литература и история. – М., 1977.

Казалось бы, переход верхней границы на три года не столь уж кардинален. На самом деле, средняя продолжительность жизни, составлявшая в начале века 29 лет для мужчин и 31 год для женщин, четко регламентировала практически каждый год половозрелой жизни.

Долгие годы войны, уведя мужчин из мест постоянного проживания, перенесли сроки заключения брака на более позднее время. Социально-экономическая напряженность отложила множество браков даже в тех случаях, когда оба – и жених, и невеста – находились на Родине. 1920 г. – время начала своеобразной компенсации, пик которой приходится на следующий – 1921 г., когда уровень брачности в регионах Юга России с преобладающим славянским населением (Дон, Кубань, Ставрополье) вырос чуть ли не в два раза по сравнению с довоенными показателями.

По всей видимости, не только любовью к Михаилу Кошевому объясняется Дуняшкино упрямство. В условиях послевоенного дефицита мужчин призывных возрастов, совпадающих с репродуктивными, упустив жениха, «взатеревшая в девках» Дуняшка рисковала остаться одной на всю жизнь. Брак (с убийцей одного брата и беспощадным оппонентом другого) и будущая судьба Дуняшки – ожидаемая аномалия, пример ее инверсии с нормой мирного времени. Михаил Кошевой женится около двадцати семи лет. Таким образом, превышен не только традиционный для мужчин возраст вступления в брак, нарушается и разница в годах между женихом и невестой. Идеальной, с позиций крестьянского менталитета, считалась разница не более двух-трех лет. Девушка считала позором выйти замуж за «старика» – мужчину, чей возраст превышал этот интервал [26]. Подобные факты вынужденного переноса браков на более поздние по сравнению с традиционными сроки следует считать началом постепенного перехода от восточноевропейской модели брачности к западноевропейской.

Изменяя гендерные, межпоколенные и социальные отношения, война сделала возможным то, что недавно казалось недопустимым – отец вынужден воевать под командованием сына, мать смирялась с выбором дочери, невольно приходилось подчиняться бывшему батраку, ставшему воплощением новой власти. Война разрушает и основу основ православного миропонимания – веру в Бога. В конце романа Григорий признается: «С пятнадцатого года, как нагляделся на войну, так и надумал, что Бога нету. Никакого! Ежели бы был – не имел бы права допускать людей до такого беспорядка».

Важнейшая особенность российской демографической модернизации – высокая скорость изменения модели воспроизводства. Быстрота протекания и завершение демографического перехода к 1960-м гг., т.е. спустя менее 100 лет после его начала*, во многом определялись изменениями всей мотивации семейной жизни, нарушениями слитности матримониального и репродуктивного поведений, вызванными военной действительностью. Именно «беспорядок» войны закладывал основы ускоренного изменения модели демографического поведения. В результате процесс второго демографического перехода начался в европейской части Российской Федерации практически синхронно** с западноевропейскими государствами.

Термином «второй демографический переход» обозначается совокупность демографических процессов [27], первопричина которых – замена социетального контроля над демографическим и внутрисемейным поведением самоконтролем. Резко ослабевают подчиненность группе и зависимость от нее. Жизнь человека становится полностью индивидуальным сценарием: время начала брачных отношений, их форма, желание иметь детей, сроки их рождения – все определяется только им самим. В итоге – непохожесть, неповторимость внутрисемейной повседневности.

Социум становится более терпимым ко всем проявлениям девиантного поведения, если оно напрямую не вредит группе (вспомним, именно интимно-эмоциональная доминанта отношений Прокофия Мелехова и его жены-иноземки удивляла и раздражала станичников).

В процессе демографической модернизации лидируют города, в которых социетальный контроль изначально был гораздо ниже, чем в сельской местности.

Менее восприимчивой к социокультурным изменениям оказалась деревня: «Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный ещё в пору язычества... Вдовец, вынужденный жениться во второй раз, стеснялся делать свадьбу. У женщин было отнюдь не в чести второе замужество. Общественное мнение, весьма снисходительное к физическому или другому недостатку, становилось совершенно беспощадным к недостатку нравственному... Всему было свое время и свой срок» [28].

Казалось бы, крестьянско-казачий социум Юга (где уровень регламентированности и замкнутости повседневной жизни был гораздо выше) покажет себя еще менее поддающимся наступающим переменам, чем крестьянство центральных губерний России. Еще большим будет разрыв с уровнем модернизации в При-

* Во Франции аналогичный процесс занял почти в два раза больший период.

** По мнению С. Захарова, временной лаг отставания составил 10–30 лет и начало, соответственно, приходится на последние десятилетия XX в.

балтике, поскольку Курляндская, Лифляндская, Эстляндская губернии Российской империи первыми вступили в процесс демографического перехода.

Подобного не случилось. Региональные особенности постепенно нивелировались. Социальные потрясения XX в. (две мировые и Гражданская войны, депортации, три голодных периода), ускорявшие процесс, в большей степени коснулись Юга. На рубеже XX–XXI вв. по степени развития модернизации не только урбанизированный Северо-Запад, но и аграрный Юг России во многом догнал государства Западной Европы, имея на современном этапе практически идентичную модель демографического поведения.

Литература и источники

1. Слепухин Ю. Не подводя итогов // Звезда. – 2001. – № 9. – С. 15.
2. Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М., 2006. – С. 16.
3. Там же. – С. 17.
4. Цит. по: Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск, 2000. – С. 9.
5. Венков А. Роман и история // Дон. – 1986. – № 6. – С. 121–126.
6. Мацай А. Историческая правда романа // Дон. – 1981. – № 2. – С. 127–133.
7. Семанов С. Н. «Тихий Дон» – литература и история. – М., 1977. – С. 6.
8. Семенова С. Философско-метафизические грани «Тихого Дона» // Вопросы литературы. – 2002. – № 1. – С. 71.
9. Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. // Население и методы его изучения. – М., 1975. – С. 229.
10. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 // Труды ЦСУ СССР. – М., 1924. – Т. 18. – С. 47.
11. Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. – М., 1953. – Т. 25. – С. 311.
12. Семанов С. Н. «Тихий Дон» – литература и история. – М., 1977. – С. 6.
13. Семанов С. Н. Православный «Тихий Дон». – М., 1999. – С. 66–113.
14. Цитаты из «Тихого Дона» – по изданию: Шолохов М. А. Собр. соч. в девяти томах. – М., 1965–1966. – Т. 2–5.
15. См. подробнее: Гишинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. – СПб., 1993. – С. 24, 25; Монсон П. Современная западная социология. – СПб., 1992. – С. 178–184.
16. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. – М., 1956. – Т. 10. – С. 204.
17. Власкина Т. Ю. Родильно-крестильный комплекс // Очерки традиционной культуры казачеств России. – М.; Краснодар, 2005. – С. 207.
18. Там же. – С. 206.
19. Там же. – С. 195.
20. Даль В. Пословицы русского народа. – М., 1984. – Т. 1. – С. 297–298.
21. Власкина Т.Ю. Родильно-крестильный комплекс // Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2005. – С. 196.
22. Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. – М., 1997; Власкина Т.Ю. Родильно-крестильный комплекс // Очерки традиционной культуры казачеств России. – М.; Краснодар, 2005. – С. 196.
23. Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Захаров С.В., Сикевич В.И., Харькова Т.Л. Семья в кризисе // Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М., 2006.
24. Там же. – С. 37.
25. Там же. – С. 51.
26. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 164.
27. См. подробнее: Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition. Washington, 1987, (41) 1; Вишневский А. Второй демографический переход // Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – С. 150–157; Захаров С. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М., 2005. – С. 113–125.
28. Белов В. Лад и ритм // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – С. 229–231.

Демографическая ситуация в Северном крае (1929–1936 гг.)**

Демографическую ситуацию Северного края нельзя рассматривать в отрыве от государственной политики. Для того, чтобы понять ее в 1930-е гг., необходимо помнить, что пространство российского Севера сформировано своеобразным сочетанием медленной многовековой стихийной колонизации и стремительной ГУЛАГовой колонизации XX в., означавшей насильственное перемещение, переброску значительных человеческих масс, как правило, для сырьевого и сугубо потребительского освоения Севера.

Еще в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) секретарь Архангельского губкома ВКП(б) (в последующем секретарь Севкрайкома) С.А. Бергавинов с пафосом говорил: «Мы задыхаемся от недостатка рабочей и гужевой силы на лесозаготовках и в промышленности ... Мы ставим вопрос переселения потому, что этого требует задача усиления экспорта» [1]. Призыв этот был «услышан» в период сплошной коллективизации, не случайно совпавшей с индустриализацией, которые наложили серьезный отпечаток на дальнейшее развитие Севера.

Прежде чем анализировать демографические проблемы, нужно иметь в виду, что 1930-е гг. для Европейского Севера, как и для всей страны, были нелегким временем. Страна являла собой потревоженный муравейник. В какой-то мере ситуацию помогает представить сводка перлюстрации переписки горожан и красноармейцев краевыми органами ОГПУ Северного края в начале 1930 г. Судя по содержанию, ее составлял добросовестный и неглупый чиновник, его комментарии и сегодня сохраняют интерес для исследователя. На сводке, в левом верхнем углу характерная вводная: «Тов. Бергавинов, это пока очень скудный материал. Подробная характеристика собирается». Но даже этот «скудный материал» раскрывает глаза на происходящую драму россиян.

«Первые сведения о предстоящем раскулачивании появились, – пишет составитель документа, – во второй половине января и почти все они носили предупреждающий характер, шли от городского населения и красноармейцев в деревню». Выдержки из писем как нельзя лучше отражают происходящие в деревне перемены на рубеже 1920–1930-х гг. [2].

Астродамовский РИК, Ульяновский округ, П. Н. Громилиной:

«Скоро будут жать кулаков и втягивать вас в колхоз, вы не пишется, смотрите. Нас здесь учат на колхоз, а мы не слушаем. Архангельск, 29 полк, В. Громилин».

Ульяновский округ, Иромженский район, дер. Ольховка, Ларионову:

«Вы как перешли в колхоз или нет, почему не пишете, ежели вы не перешли, то усильте все силы, в обязательном порядке продавайте лошадь, скоро будет отбор. Архангельск, 29 полк, Ларионов».

Куновское, Ново-Николаевский РИК, Кораблеву:

«Давайте мне срочно телеграмму на раздел, а если вы мне не вышлете, ты считай пропал. К нам каждый день привозят эшелоны кулаков, попов. Вот такие дела. Ты сам знаешь, как сейчас с кулаком расправляются. Архангельск, 29 полк, от сына».

Далее опять комментарий составителя: «С первых чисел февраля месяца замечается массовое поступление в армию документов (писем. – С.Ш.) со сведениями о раскулачивании односельчан и с вопросами как поступать».

Архангельск, 29 полк, Тимошкину:

«Очень трудно стало жить в деревне, кулаков чистят по чем зря, без пощады. Очень страшно идти в колхоз, надо сразу передать туда всю скотину и имущество, сразу разорят, но очень пугают. Деревня Калашиново, от родителей».

Архангельск, Холмогоры, 29 полк, 1 бат., Васильеву:

«У нас сейчас жизнь незавидная, народ странствует (подчеркнуто автором. – С.Ш.), дома житья нет, кулаков всех до нитки обобрали и даже из домов повыгоняли. Сталинградская губерния, Васильев Степан».

29 полк, Анучкину:

«У нас жизнь идет беспокойная, у зажиточных все отбирают, народ весь ревет, жизнь невеселая. Кадниковская волость, семья».

*Шубин Сергей Иванович (Архангельск) – доктор исторических наук, профессор Поморского госуниверситета.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 07-01-48102 а/С «Трансформация власти в процессе укрупнения регионов России в 1918–1930-е годы (на примере Европейского Севера)».

Архангельск, 29 полк, Кочалину:

«У нас в настоящий момент идет невозможный кармагал, в нашем сельсовете не менее 40 % выгнали из домов и забрали все лохмотья, а также и хлеб. Меня тоже выгнали из дома, забрали все. Пески, от зятя».

Архангельск, 29 полк, Кочегину:

«Наша жизнь хвалиться нечем, хорошего нет, у нас сейчас идет невыносимая грабировка, у кулаков ничего не оставляют, вывозят в чем есть и ни куска хлеба не дают. Мы себе того же ожидаем. Кто скотину распродавал, на них наложили налог деньгами. Сталинград-Орел, Кочегин».

Архангельск, 29 полк, Сорокину:

«Помолился обо мне ради бога, знаешь какое серьезное дело, тятиньку, наверное, выгонят из дома. Саратовская губерния, от жены».

Архангельск, 15 див. ОГПУ, Зензину:

«В настоящий момент все не в спокойе, ничего не интересует, только и жди, что вы кулаки, ну да ведь, что сделаешь, куда девашься, когда разорят, тогда совсем легче будет, уедем в чужие края. Архангельский посад, Архангельский район, сосед и другие. М. Р».

Архангельск, 29 полк, Чечулину:

«Мнем свою жизнь, хвалиться нельзя, жизнь очень беспокойная, числимся кулаком. На днях приехали, все описали: скотину, постройку и хлеб, будет обыск, может быть меня заберут. Московский округ, Катя».

«Как видно из выписок, – комментирует автор сводки, – большинство из них идет от кулаков. В отдельных случаях встречаются документы бедняцкого населения, которые отмечают факты раскулачивания, говорят о сплошной коллективизации и боятся ее».

Архангельск, 29 полк, Савельникову:

«Не придется нам с тобой уж свидетелься, больно время беспокойное, у нас и народ волнуется. Лишенцев из домов выгнали, всех приневоливают, чтобы шли в колхоз, все только выдумывают, как теснить народ. Ульяновский округ. К».

Архангельск, 29 полк, Попову:

«Жизнь такая неопределенная, кругом нас везде стали коллективы. У нас стали в деревне щупать кулаков, а нас потащат в колхоз, время такое, что жизнь неинтересная и заводит все и восстанавливать вновь свое хозяйство стало неинтересно, от всего отступишься. Вологодский округ, от К».

Красногвардейск, красноармейцу Храпову:

«У нас в связи с коллективизацией крестьян силой гонят, зажиточные скот свой режут на мясо и жрут, как репу (подчеркнуто автором. – С.Ш.), все равно, говорят, так уйдет мимо рук. Отец».

Архангельск, 29 полк, Белову:

«Лошадь покупать отдумали, так что время впереди очень шаткое, тебе, наверное, известно, что идет сплошная коллективизация, у нас теперь в деревне идет классовая борьба, теперь в деревне три класса: кулаки, середняки и бедняки. Кулаков обобрали, все решительно. Грязовец, от матери».

Архангельск, до востребования, Голоскову:

«Многих выгнали из домов, а к весне, пожалуй, выгонят всех собственников, а остальных сгонят в коллектив, я хочу приехать к вам туда, в коллективе работать не хочу. Пензенский округ, Бурыгин».

Архангельский округ, Сорокину:

«Наша жизнь нехорошая, прежде раскулачивали и судили кулаков, потом середняков, а потом доберутся до нас – бедняков. И так раскулачивают, что ничего не оставляют и одежду, и обувь забирают. Сталинградский округ, Сорокин».

Выкачивание денег из деревни началось еще раньше. В начале 1928 г. С.А. Бергавинов требовал от своих подчиненных: «...жмите вовсю на крестьянский заем и вообще больше денег берите с деревни» [3], что вполне соответствовало установкам Сталина не церемониться с крестьянством после известных поездок в Сибирь [4].

23 ноября 1929 г. президиум севкрайисполкома принимает специальное постановление «Об изъятии средств из деревни». В нем предлагалось: «1. В дополнение к постановлению от 1 ноября обязать все организации, поименованные в указанном постановлении, 10 и 25 числа каждого месяца представлять КРАЙФУ отчетность о своей работе по изъятию средств из деревни.

2. Поручить газетам «Правда Севера» и «Северная деревня» организовать широкую печатную кампанию по изъятию средств из деревни» [5].

10 декабря Севкрайком ВКП(б) потребовал ежемесячно «...к 1 числу информировать о выполнении директивы по вопросу мобилизации денежных средств деревни» [6].

Еще более тяжело складывалась судьба тех, кто попадал в число спецпереселенцев. Тот же Бергавинов в закрытом письме секретарям окружкомов, Коми обкома и сельских райкомов 24 мая 1930 г. писал: «Сейчас из высланных кулацких семей в крае находится не одна сотня тысяч душ. Это огромное количество наших врагов и врагов, ВКОНЕЦ ОЗЛОБЛЕННЫХ. ... Партийные организации должны твердо усвоить, что это мероприятие,

помимо политического значения для партии является ПРЯМОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫГОДОЙ (выделено С.Б. – С.Ш.) и для страны и для края, ибо этим самым мы разрешаем колонизационный вопрос, изживаем острый дефицит в рабочей силе и осваиваем новые районы на Севере» [7]. Об отчаянном положении спецпереселенцев тоже свидетельствует перлюстрация писем краевыми органами ОГПУ. Вот лишь некоторые выдержки из них:

«Живем в лесу, бараки наши на берегу реки, так что хотя можно водой питаться. Очень трудно, что и описать нельзя... Хлеба, когда дадут 200 г. в сутки, а то и совсем суток по семь не дают. Прошу вышли посылку (сухарей и т.д.) выручите из этого ада...».

«О жизнь... ее описать невозможно, здесь с нами обращаются хуже, как со скотом... Даже воды не дают, не говоря о продуктах. По ж.д. нас везли с почетным караулом, как Ленина. Но только все двери и окна были закрыты, так что ни свету, ни воздуха не было, чуть не задохнулись. Находимся голодные и холодные».

«Тут у нас очень строго, бьют чем попало, 21-го мая ночью мы думали, что нам всем смерть, били всех сонных наганями, одному голову пробил комендант револьвером. Так нас угощают в Архангельской губернии, защиты ни о кого нет, наверное, мы тут загинем».

«Холодные и голодные мы находимся в лесу, питаемся крапивой, и той нет. Работаем в день по 12 часов. Если вас будут выселять, то лучше постреляйтесь, но не ездите в такую гибель...».

«Прошу избавить от голодной смерти, от голода умирают сотнями душ, за что мы так страдаем и мучимся. Прощайте,... Хлеба нема, ...здесь сотни вымерзли от холода» [8].

Кулаки и зажиточные середняки не нужны были, главным образом, из опасения альтернативной формы хозяйствования. Кроме того, как совершенно правильно подчеркивает историк В. Роговин, сознательно тормозился и рост благосостояния колхозов. В июле 1934 г., выступая на совещании по вопросам коллективизации, Сталин говорил: «Откуда же вы рабочих получите в городах..., если у колхозников дела пойдут лучше... Если колхознику дать вполне достаточную обеспеченность, то он никуда на завод не пойдет, а вот на подземельные работы их на аркане не затащишь» [9].

Лесозаготовки в 1930-х гг. на Севере по интенсивности затрат немногим уступали подземельным работам, поэтому о «достаточной обеспеченности» северян даже говорить не приходится. Положение северного крестьянства в ходе коллективизации усугублялось тем, что оно в отличие от районов сплошной коллективизации приобретало черты слоя маргинального, полурабочего-полукрестьянина.

Основной задачей Северного края была заготовка, транспортировка и первичная обработка и экспорт древесины. В этих условиях колхозы становились главными поставщиками рабочей силы на лесозаготовки и сплав леса. Внимание к сельскому хозяйству носило второстепенный, опосредованный характер. Уровень жизни северян складывался с учетом удаленности от центра, распыленности лесозаготовок по небольшим участкам и деревням, соседства с переселенцами – «врагами народа».

О том, что Северный край в 1930-х гг. в отношении социальной политики был в стране на положении региона-изгоя, помимо статистических данных подтверждает так и нереализованное постановление СНК СССР за № 2774 от 26 декабря 1933 г. «Об установлении отчислений в краевой бюджет Северного края из доходов от экспорта древесины» [10]. Первая информация о нем поступила в Архангельск от представительства края в Москве:

«Сегодня в Наркомате финансов РСФСР состоялось совещание по вопросу об отчислении в местный бюджет от доходов от экспорта древесины. Представитель НКФина СССР выступил с совершенно неожиданным заявлением о том, что НКФин СССР толкует постановление СНК СССР не в смысле получения местным бюджетом каких-либо дополнительных средств, сверх утвержденных контрольных цифр по бюджету, а лишь как замену одних источников доходной части местного бюджета другими. Эта директива исходит от Левина (кстати, бывшего председателя оргкомитета ВЦИК по образованию Северного края – С.Ш.)... НКФин РСФСР не согласен с этой точкой зрения, однако вряд ли сможет добиться согласия Союза... По-видимому, севкрайисполкому придется вновь поднять этот вопрос. Однако имея в виду, что лимиты капвложений на 1934 год уже утверждены СТО и в увеличении этих лимитов комиссия Молотова всем отказывает, а следовательно, Севкрай будет лишен возможности в текущем году производить какие-либо крупные работы сверх утвержденных лимитов. В отношении размера ставки НКФин РСФСР считает возможным отчисление от экспорта лишь в размере 1 рубля от кубометра... НКФин не будет сильно возражать против уменьшения отчисления до 50 копеек с 1 кубометра, на каковую согласен НКФин СССР. Надежды на получение увеличения лимитов капвложения по мнению Смирнова (первого зам. Председателя ВЦИК) нет» [11].

После этого начинается вялотекущая бюрократическая волокита вокруг дополнительных отчислений между центром и краевым руководством. 8 марта 1934 г. из Архангельска уходит письмо в СНК РСФСР с просьбой ускорить решение вопроса об отпуске указанных средств на улучшение портового, коммунального, дорожного хозяйства и на социально-культурные нужды.

Не получив ответа, 17 апреля председатель крайисполкома Прядченко телеграфирует представительству края в Москве: «Вопрос отчисления экспорта заморозили. Чем дело». 20 апреля в связи с тем, что документы в столице затерялись, новая телеграмма в Москву: «Отчисления экспорта запутали, объекты затрат сообщены Наркомфин, Совнарком, Вам 8 марта. Прядченко».

И тем не менее Москва вновь требует затерянные где-то бумаги. Спустя два месяца, 13 мая, Севкрайисполком повторяет содержание письма от 8 марта в Наркомат финансов РСФСР. Некоторое время спустя, на плохой серой бумаге, без выходных данных – еще одно письмо в СНК РСФСР, в заключение которого написано: «Исходя из предполагаемого объема экспорта древесины через порты Северного края в количестве 3360 тысяч кубометров, размер сбора на дополнительные расходы по благоустройству портовых пунктов Архангельска, Онеги и Мезени подлежит определить в один рубль с кубометра экспорта».

И только 17 июня в Севкрайисполком поступает следующая телефонограмма: «19 июня С.г. в 2 часа состоится заседание под председательством зампреда СНК РСФСР Рыскулова по вопросу об установлении отчислений в краевой бюджет севкрая из доходов от экспорта древесины. Просьба командировать на заседание ответственного представителя (Кремль, здание правительства 2-й этаж, комн. 57). Фамилию представителя просьба сообщить 19. 06. до 11 часов по телефону 4-72. отв. секретарь Левкович».

Затем точно такого же содержания, правда, с изменением времени заседания, телефонограммы поступали 22, 27 июня, 3 июля [12]. И больше никаких результатов и никаких следов. Такая волокита вокруг проблем внутреннего развития края, в общем-то, объяснима. В задачу центра входило как можно больше получить и как можно меньше дать региону.

Наиболее отчетливо это сказывалось на проблемах демографии. Согласно справке, подготовленной крайпланом в начале 1931 г., показатели естественного прироста населения на территории Северного края складывались следующим образом (из расчета на 1000 чел.). Для того, чтобы читатель мог сравнить показатели в динамике региона, за 1940 год приведены цифры по Архангельской области [13].

Годы	Родилось	Умерло	Прирост
1897	76, 1	47, 6	28, 5
1926	115, 4	57, 8	67, 6
1927	106, 7	69, 4	37, 3
1928	112, 6	53, 5	59, 1
1929	101, 8	59, 4	42, 4
1930	107, 3	78, 2	29, 1
1940	40, 8	34, 4	6, 4

По переписи 1926 г., население территорий, вошедших в Северный край, составляло 2375,7 тыс. чел., что составляло 1,6% населения страны, плотность (6,9 чел. на кв. км) была в три раза меньше общесоюзной. Городское население составляло 10,1 при общесоюзном показателе – 17,9%. По национальному составу население Северного края распределялось следующим образом [14].

Название округа	Национальность, тыс. чел.			
	Русские	Коми-зыряне	Ненцы	Прочие
Архангельский	339, 9	0, 4	0, 2	3, 6
Вологодский	777, 3	–	–	3, 9
Няндомский	336, 3	–	–	0, 4
Северо-Двинский	676, 0	0, 5	–	4, 3
Ненецкий	4, 6	2, 7	4, 9	–
Коми область	27, 6	197, 5	0, 9	0, 3
Острова	3	–	0, 4	1, 0
Итого тыс./ %	2155,7/90,7	201,1/ 8,5	6,4 / 0,3	13,5/ 0,5

Русское население (90,7%) преобладало как по краю в целом, так и по отдельным округам, за исключением Коми области, где представители титульной национальности составляли 87,3%. В состав прочих входило около 45 национальностей. Среди них выделялись эсты и латыши, проживавшие в южной части края, в бассейнах рек Моломы и Вохмы (притока Вятки). Среди прочих национальностей городского населения преобладали евреи, татары, поляки.

Интересно, что в отношении грамотности Северный край имел уровень выше, чем в среднем по СССР. Общую картину состояния грамотности северян поможет представить следующая таблица.

Процент грамотного населения в Северном крае по данным переписей 1897, 1920 и 1926 гг. [15]

Годы	Городское			Сельское			Все население		
	М	Ж	Оба пола	М	Ж	Оба пола	М	Ж	Оба пола
1897	65, 5	42, 3	52, 8	31, 6	5, 8	17, 9	32, 5	7, 8	20
1920	71, 6	54, 8	62, 7	47, 1	22, 5	34, 1	49, 6	23, 8	36, 3
1926	74, 7	62	68, 3	58, 9	31, 8	44, 7	60, 8	34, 9	49, 3

Следует иметь в виду, что Северный край занимал в 1926 г. по уровню грамотности (49,3%) третье место в СССР, уступая лишь Крымской АССР (58,3%) и Ленинградской области (57,6%). По национальному признаку наиболее высокий процент грамотности наблюдался среди евреев, латышей, поляков, эстов (около 80%), самый низкий (около 3%) – у цыган и ненцев. Русские и коми занимали промежуточное положение (38-47%) [16].

По расчетам краевых демографов, «общий ежегодный прирост населения края с 1897 по 1920 г. составил – 0,7%, с 1920 по 1926 г. показатель вырос до 2%. Если предположить, что в последующие до 1931 года он был не выше 2%, то наибольшее количество населения в крае могло достигнуть:

к 1. 01. 1930 – 2565 тысяч человек;

к 1. 01. 1935 – 2823 тысяч человек;

к 1. 01. 1940 – 3105 тысяч человек» [17].

Действительно, к началу 1930 г. коренное население края составило 2569 тыс. чел. Согласно другой аналитической записке архангельских плановиков, известно: «Общее количество выселяемых (спецпереселенцев) в край составит 375 тысяч человек, или около 15% процентов всего населения края, а по абсолютному показателю превосходит населенность взятых порознь Архангельского округа, Няндомского округа и автономной области Коми (зырян)» [18].

Таким образом, население Северного края уже в 1931 г. должно бы вырасти почти до трех миллионов человек. Расчеты автора подтверждает таблица, приводимая в книге С.Селезнева «Очерки хозяйства Северного края», вышедшей в 1931 г.

Годы	Всего населения
1897	1771, 4
1920	2097, 3
1926	2375, 7
1928	2413, 7
1931	2748, 3

Из нее видно, что прирост, пусть меньше расчетного, но имел место. Однако к началу 1935 г. население Северного края составило 2583 тыс. чел. [19]. Получается, что за 1931–1934 гг. население не только не увеличилось, а сократилось на 165 тыс. чел.! (в то время как за 1920–1929 гг. население выросло более чем на 470 тыс.). Причем сокращение происходило в условиях насильственного перемещения в Северный край более 300 тыс. переселенцев [20].

Какой же уровень жизни населения надо было иметь, чтобы оно убывало? Впрочем, сегодня, в ходе реформ 1990-х гг., во многом похожих на 1930-е гг., мы уже это можем представить.

Интересно, что в 1935 г. демографическая ситуация несколько улучшалась, что отражало определенные позитивные сдвиги, правда непродолжительные, в жизни региона и страны. Как следствие, прирост населения за 1935 г. составил 37 тыс., или почти 1,5%, что в итоге дало 2620 тыс. чел. [21].

Однако потребительское отношение к Северному краю отрицательно сказывалось на его демографическом потенциале. По январской переписи 1937 г., население Северной области составило 2 млн. 262 тыс. чел., Коми АССР – 309 тыс. 314 чел., что в сумме составило 2 млн. 571,5 тыс. чел. Итак, динамика численности населения семилетнего развития края выглядит следующим образом (данные на начало года):

1926 год – 2375 тыс. чел.

1928 – 2414

1930 – 2569

1931 – 2748

1935 – 2583

1936 – 2620

1937 – 2571 [22].

Репрессии 1937–1939 гг. усугубили демографические показатели. Так, например, естественный прирост населения Архангельской области в 1940 г. снизился по сравнению с 1926 г. почти в десять раз, составив шесть человек на тысячу [23].

Краевую статистику подтверждают уездные результаты. В Мезенском уезде за 12 лет с 1914 по 1926 г. население выросло с 32806 до 40500 чел., или на 23%. И это несмотря на потери в годы первой мировой и гражданских войн [24]. Зато с 1926 по 1939 г., т.е. за тринадцать лет, население выросло лишь на 400 чел., или на один процент [25]. Судя по архиву Нисогорского сельсовета, в моей родной деревне Кельчемгоре с 1932 по 1962 г. не было построено ни одного крестьянского дома!

Все это ярко иллюстрирует социальную и региональную направленность политики коллективизации, индустриализации в Северном крае. Как тут не согласиться с мнением экс-президента Якутии М.Е. Николаева, в том, что «Север в основном воспринимался как колония с неисчерпаемой кладовой, где не живут, а зарабатывают, где не благоустраивают среду, а разрушают ее» [26].

Изучение кооперативного движения 1920-х гг. привело меня к мысли о том, что комплексное развитие Европейского Севера на основе разумной колонизации могло бы дать стране и тем более региону большую отдачу. Справедливости ради, следует иметь в виду, что и документы тех далеких тридцатых годов сохранили подобные оценки: «Они погнались за двумя зайцами – размышляет, судя по донесению органов ОГПУ один из спецпереселенцев, – организовать колхозы, рассчитаться с кулаком и заселить Северный край. ... На основе этой фантазии все и делалось, но ничего не вышло, и теперь они сами не знают, что им дальше делать. В Москве в ЦК по этому вопросу идет горячий спор...» [27].

В нынешних условиях демографическая проблема на Севере снова обрела актуальность. Вновь идет горячий спор между либералами-западниками и государственниками-евразийцами по поводу характера заселения северных территорий. Буквально несколько дней назад за «круглом» столом в администрации Архангельской области эксперты центра стратегических инициатив «Северо-Запад», открытым текстом заявили о том, что на Севере люди не нужны [28].

Литература и источники

1. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., 1928. – Т. 2. – С. 918.
2. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф.290. Оп. 1. Д. 378. Л. 58-62.
3. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф.1. Оп. 1. Д. 1683. Л. 17-18.
4. Сталин И.В. Соч. – Т. 11. – С. 10-19, 159.
5. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 621. Оп. 1. Д. 7. Л. 122-122 об.
6. Там же. Оп. 3. Д. 10. Л. 33.
7. Государственный архив Архангельской области. Отдел ДСПИ (Далее – ГААО. Отдел ДСПИ) Ф. 290. Оп. 1. Д. 379. Л.96,98.
8. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф.290. Оп. 1. Д. 380. Л. 20-26.
9. Наше отечество. Опыт политической истории. – М., 1991. – Т. 2. – С. 275-276.
10. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф.621. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
11. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф.621. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.
12. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 621. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-1 Об, 7, 4, 6, 14-15.
13. Там же. Д. 1275. Л. 289-294; 60 лет Архангельской области: краткий статистический справочник. – Архангельск, 1967. – С. 8-9.
14. Северный край. – Архангельск, 1929. – С. 14-15.
15. Селезнев С. Очерки хозяйства Северного края. – Архангельск, 1931. – С. 16.
16. ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1150. Л. 32.
17. ГААО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1275. Л. 292-293; 60 лет Архангельской области. Краткий статистический справочник. – Архангельск, 1967. – С. 9.
18. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 379. Л. 5.
19. ГААО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1016. Л. 66.
20. Корогаев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. – Архангельск, 2004. – С. 36.
21. Синельников С.М., Селезнев С.А., Евдокимов А.А. Северный край. – Архангельск, 1936. – С. 134.
22. Из архивов Госкомстата СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. – 1990. – № 7. – С. 65.
23. Архангельская область в цифрах: статистический сборник. – Архангельск, 1967. – С. 92.
24. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. – Архангельск, 1997. – С. 89.
25. Там же. – С. 160.
26. Николаев М. Дальше отступать некуда // Российская федерация сегодня. – 2002. – № 20. – С. 10.
27. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф.290. Оп. 1. Д. 379. Л. 59.
28. Правда Севера (Архангельск), 2007. 14 авг.; Правда Северо-Запада (Архангельск), 2007. – 22 авг.

Некоторые меры по оргпереселению чувашей на Европейский Север в 30-е годы XX века

В конце 1920-х гг. советское правительство взяло курс на форсированную индустриализацию страны. Масштабное освоение богатых природными ресурсами регионов требовало огромных капиталовложений и перемещения сюда колоссальной массы трудовых ресурсов. Следует отметить два момента, характерных для миграций населения в годы первых пятилеток. Во-первых, с начала 1930-х гг. стало набирать силу административное регулирование миграции. Основой этого были начавшиеся с 1932 г. паспортизация городского населения и расширение территориального перераспределения трудовых ресурсов в различных организованных формах. Во-вторых, в 1930-е гг. значительные масштабы приобрели принудительные методы переселения населения – этапирование заключенных, в том числе и политических на трудоемкие тяжелые работы в районе Севера.

Известно, что для работы в суровых природно-климатических условиях активно использовались принудительные миграции. Например, количество заключенных и спецпоселенцев, работавших в середине 1930-х гг., составляло четверть населения всей Карелии. Значительным он был и в Коми республике. То, что среди жителей Севера было много заключенных, повлияло на социокультурную обстановку в регионе, воздействовало на психологию, ментальность людей.

Одновременно с индустриализацией в стране осуществлялась коллективизация сельского хозяйства. Переселение большого количества сельского населения, с изменением у его значительной части рода деятельности с сельскохозяйственного на промышленное, практически стало важной составляющей процесса раскрестьянивания. Для осуществления «цивилизованного» переселения крестьян государство в эти годы не располагало достаточными финансовыми и материальными ресурсами, не имело специальных долговременных программ, поэтому в освоении Европейского Севера с суровыми климатическими условиями с неразвитыми коммуникациями, социальной и культурно-бытовой сферами в рассматриваемый период наряду с принудительным переселением использовались оргнаборы из центральных регионов страны.

В данной статье основное внимание уделим анализу сведений, извлеченных нами из архивов, статистических сборников, специальной и иной литературы, в той или иной форме проливающие свет на динамику характера, форм и методов, а также некоторые результаты переселенческой политики государства в предвоенные годы.

Советское руководство рассматривало Европейский Север России как форпост социализма в Северной Европе. В 1920 – первой половине 1930-х гг. предпринимались попытки организованного добровольного переселения. Например, в Карелии в первой половине 1930-х гг. руководители предприятий прилагали активные усилия для добровольной промышленной миграции в республику. Для организации этой работы было создано Переселенческое управление при СНК Карельской АССР, действовавшее в 1931–1935 гг. Вербовка переселенцев проводилась в Западной, Смоленской, Центрально-Черноземной областях, Татарской, Чувашской и Мордовской автономных республиках. Переселенцы преимущественно направлялись в лесную промышленность [1]. Руководителям предприятий были даны рекомендации обеспечить проезд переселенцев на новые места вселения, освободить их от подоходно-имущественного налога на три года, выдать пособие в размере месячного заработка, предоставить жилье, использовать материальные стимулы. Но эти рекомендации, как правило, не выполнялись, что являлось главной причиной возвращения части переселенцев на старые места [2].

Вопросы трудовой миграции пытались решать и центральные государственные органы. Так, Переселенческий отдел СНК ЧАССР в 1939–1941 гг. проводил активную работу по организации переселения сельских жителей в Карело-Финскую ССР. Инспекторы переселенческого отдела совершали специальные поездки по районам, в ходе которых вели агитационную работу. Желающим выезжать в новые места вселения разъясняли условия переселения. Для них же были отпечатаны специальные памятки. Например, в памятке по сельхозпереселению указывалось: «В первую очередь отправляются главы семей или трудоспособные члены семьи переселенцев для устройства и подготовки хозяйства на новом месте вселения. Разъяснять колхозникам о целях и задачах с/х переселения и о льготах, предоставляемых переселенцам в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 ноября 1937 года. При оформлении анкет и заявлений добиться вынесения решения общего собрания членов колхоза о возможности отпуска избыточной части колхозников на переселение» [3]. Инспекторам Переселенческого управления также предписывалось: «1. Проверить соответствие районов выхода по отношению к районам вселения: а) Природно-экономические условия, б) Приживаемость

переселенцев, в) Землячества. 2. Выявить экономическую эффективность переселения на примере 2-3 районов или нескольких колхозов (выборочно), обеспеченность средствами производства (земля, пашни, посевы, основные виды скота). 3. Проверить влияние переселения на улучшение организации труда в колхозах» [4].

Инспекторы переселенческого отдела составляли подробный отчет о сопровождении и обустройстве переселенцев в новые места вселения. Так, в рапорте о результатах сопровождения переселенческого эшелона № 50375 из Чувашской АССР в Карело-Финскую ССР инспектор докладывал: «Погрузка эшелона происходила на станциях Чебоксары, Цивильск, Урмары, Канаш Казанской ж/д. Погрузка переселенцев, их скота и имущества чрезвычайно затянулась. На станции Чебоксары погрузили 29 хозяйств (62 человека), лошадей, крупный рогатый скот, мелкий скот, птицу, продовольствие (135 центнеров), домашних вещей, сельхозинвентарь. В Цивильске погружены 14 хозяйств (34 человека), в Урмарах – 10 хозяйств (49 человек), в Канаше – 24 хозяйства (36 человек). Всего – 77 хозяйств. Расстояние до станции Элисенваара составляет 1600 км. Эшелон находился в пути с 11 по 18 мая 1941 года. Во время следования пути обеспечивали горячим питанием в шести буфетах, питание натурой было организовано шесть раз. Обеспечивалось медико-санитарное обслуживание» [5].

План сельхозпереселения имел обязательный характер. Руководители административных территорий, поставлявших мигрантов, держали его исполнение под особым контролем. Об этом, например, свидетельствует Постановление СНК и Бюро обкома ВКП(б) Чувашской АССР, в котором отмечалось, что «1 октября 1940 года план сельхоз переселения по республике выполнен лишь на 62,0%. Переселенческий отдел не принял решительных мер к усилению отбора и отправки переселенцев и в своей повседневной работе не контролировал и не добивался надлежащего устройства переселенцев на местах вселения, вследствие чего имеет место возвращение переселенцев обратно» [6]. Реальную ситуацию с переселением позволяет представить и другой документ. В справке о выполнении плана сельхозпереселения за 1940 г. указано: «По плану в Карело-Финскую ССР следовало направить – 1500 хозяйств, отобрано – 901 хозяйство. План выполнен на 65,6%» [7].

Переселенцы на новом месте сталкивались со значительными трудностями, преодоление которых далеко не всем было под силу. В 1930–1940-е гг. условий для обустройства жилья, необходимой социальной инфраструктуры для принятия переселенцев не было создано. Решение использовать труд переселенцев, было принято политическим руководством, исходя только лишь из экономических потребностей развития страны. Поэтому желающих выехать в дальние края было мало, а число возвращавшихся на Родину росло. Например, из отправленных в плановом порядке в 1940 г. в Карело-Финскую ССР по переселенческому билету обратно вернулось 39 хозяйств (178 чел.) [8]. За январь-май 1941 г. возвратились еще 29 хозяйств [9]. Все эти данные показывают, что процесс переселения проходил неоднозначно. Невыполнение планов свидетельствует о том, что охотников отправиться в дальние края было немного. Причины такого положения дел могли быть различными. Например, инспектор Переселенческого отдела в докладной записке о результатах поездки в Цивильский район по вопросам отбора переселенцев в Карело-Финскую ССР объяснял их следующим образом: «За время с 15 по 23 января 1941 г. отобрали согласных для переезда 30 хозяйств. Слабый результат работы объясняется: После проведения общих собраний не проводилось разъяснительной работы и беседы с колхозниками; Исполком райсовета не имеет точных данных о балансах рабочей силы; Исполком райсовета с агитаторами работает не повседневно, а лишь от случая к случаю» [10]. Конечно, этот документ раскрывает только организационную сторону переселенческого дела. Чиновники всех уровней смотрели на трудовую миграцию как на государственное задание, которое следовало выполнять, поэтому в их рассуждениях почти нет анализа каких-либо иных причин. Эту мысль подтверждает и докладная записка начальника эшелона М. Данилова от 27 февраля 1941 г., в которой, в частности, сообщается, что Калининский район Чувашской Республики «имеет все возможности к тому, чтобы без ущерба для сельского хозяйства района и совершенно не затрагивая при этом также колхозы, где нет избыточной части колхозников, полностью выполнить установленный для них план сельскохозяйственного переселения на 1941 год. По производственному подсчету по ряду колхозов, на основании данных годового отчета за 1940 год, установлено, что в колхозе имени Калинина – 60 хозяйств, «Красноармеец» – 36, «Коминтерн» – 55, «Производственник» – 45, «Комсомолец» – 25 хозяйств. Кроме того, в этом районе имеются 3 колхоза, состоящие из 10–20 хозяйств, 5 колхозов, состоящие из 21–30 хозяйств, которые, как не имеющие перспективы для дальнейшего расширения, более целесообразно переселить в многоземельные районы СССР, но работа в этом направлении в должной мере еще не развернута» [11]. Подобная информация содержится в материале заседания исполкома Чкаловского райсовета от 12 мая 1941 г., в котором отмечалось, что к 1 июня по сельхоз переселению отправлено 250 хозяйств из малообеспеченных землями колхозов. Исполком предлагал усилить разъяснительную работу среди колхозников, так как план переселения находился под угрозой срыва [12].

План переселения по Чувашской республике на 1941 г. составлялся с учетом невыполнения в предыдущем году и принимался в сторону существенного повышения показателей. В 1941 г. планировалось направить в Карело-Финскую ССР 500 хозяйств, в том числе из Ишлейского района – 200, Цивильского – 150,

Чебоксарского – 150. В целом же, план переселения на 1941 г. утвердили со следующими данными: в Карело-Финскую ССР направить в I квартале 1100 хозяйств, в IV квартале – 700; в Омскую область – 800 и 200 хозяйств, в Алтайский край – соответственно 1300 и 600 при строгом соблюдении принципов добровольности. Переселенцев набирать в тех районах, где более всего ощущалось малоземелье и избыток рабочих рук [13]. Документов, в которых бы анализировались психологические, социальные, этнокультурные, материально-бытовые и иные причины малой эффективности переселенческой политики, нам не удалось обнаружить. Реализации переселенческого плана помешала начавшаяся война.

Таким образом, в предвоенное десятилетие руководство страны увеличивало масштабы добровольных и принудительных миграций одновременно. Как и в других районах страны, в Чувашской АССР был создан переселенческий отдел СНК ЧАССР, проводивший активную работу по организации переселения сельских жителей на Европейский Север страны. Но масштабы переселения были весьма скромными. Причины такого положения были различными. С одной стороны, несовершенство организационных структур, с другой – нерешенность многих экономических и социальных вопросов в местах вселения, что приводило к невыполнению заданий оргнаборов и достаточно высокому проценту возвращения мигрантов на родину.

Однако опыт проведения оргнаборов в 30-е гг. XX в. был востребован в послевоенный период для реализации миграционных программ советского государства.

Литература и источники

1. История Карелии. – Петрозаводск, 2001. – С. 520.
2. Вавулинская Л.С. Активизация миграционных процессов Карелии в 1-й пол. 1930-х годов // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). – Сыктывкар, 1994.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 7. Л. 5
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 7. Л. 9
5. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-12
6. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 7. Л. 20-22
7. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 7. Л. 90-91.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 50. Л. 36, 39
9. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 50. Л. 50
10. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 18. Л. 30-31.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 18. Л. 88.
12. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 18. Л. 17.
13. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 7. Л. 43

Динамика численности и состав несовершеннолетних детских приемников-распределителей НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России в 1940-е годы

Организационное оформление к середине 1930-х гг. в структуре Наркомата внутренних дел Советского Союза детских закрытых учреждений (приемников-распределителей и трудовых колоний) на длительное время определило направление воздействия на беспризорных, безнадзорных и осужденных за преступления несовершеннолетних. Следует учитывать, что понимание механизма функционирования детских закрытых учреждений невозможно без анализа изменения численности и состава несовершеннолетних в них. Данные учреждения пенитенциарной направленности находились в постоянном взаимодействии с различными структурами страны и, в первую очередь, с образовательными, медицинскими и социальными организациями. Из этого следует, что численность и состав несовершеннолетних в приемниках-распределителях и трудовых колониях, с одной стороны, позволяют определить характер взаимодействия различных государственных учреждений между собой со структурами пенитенциарной системы страны, основной задачей которой являлась ликвидация беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. С другой стороны, изучение динамики контингента в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних позволяет понять необходимость создания данных структур.

Несмотря на то, что изучение детских закрытых учреждений находится в начальной стадии разработки, отдельные аспекты проблемы нашли свое отражение в ряде публикаций [1]. Изменение численности и состав несовершеннолетних в данных учреждениях и, прежде всего в приемниках-распределителях, освещены в них в наименьшей степени, поэтому авторы сочли необходимым выделить их в качестве самостоятельного предмета исследования. Более того, как специфика таких учреждений, так и источниковая база позволяют реализовать данную задачу [2].

В детские приемники-распределители попадали подростки, задержанные на улице органами милиции за бродяжничество, нищенство или воровство. Кроме того, к 1940 г. сложилась практика, когда органы просвещения направляли несовершеннолетних учащихся за плохое поведение в школе и на улице, в семье. Так, в детприемники Архангельской области в четвертом квартале 1940 г. за систематическое нарушение дисциплины в общеобразовательном учреждении были направлены три человека, в то же время из семьи с такой же мотивировкой – четыре подростка. Однако стоит отметить, что воспитанники данной категории являлись исключением. В этот период подавляющее большинство из них попадало в архангельские распределительные учреждения из «семей, временно впавших в нужду по болезни, смерти, судимости родителей» (50 чел.) или в связи с «материальной необеспеченностью родителей опекунов, родных» (46 чел.) [3].

К марту 1940 г. через детские приемники-распределители НКВД СССР прошло 952 тыс. 834 подростка [4]. С учетом того, что, по сведениям источников, за период с 1935 по 1939 г. данный показатель составлял 864 тыс. 150 чел. [5], число подростков, которые занимались бродяжничеством и потеряли связь с семьей к началу 1940 г., возрастает на 88 тыс. 684 чел. Возможно, рост отчетных показателей по детской беспризорности и безнадзорности следует связывать с присоединением к СССР новых территорий и расширением сети закрытых учреждений для несовершеннолетних в них. Так, приказ НКВД № 018 от 14 января 1940 г. предусматривал организацию приемников-распределителей на территории новых областей Белорусской ССР [6].

Специфика приемников-распределителей заключалась в краткосрочном пребывании в них несовершеннолетних, максимум до месяца, с последующей их отправкой к родителям, лицам их заменяющим или в государственные учреждения. В связи с этим интерес представляют не столько итоговые показатели изменения численности подростков в приемниках-распределителях, сколько анализ прибывшего и убывшего контингента в них за определенный период.

***Котов Петр Павлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории Сыктывкарского государственного университета; **Бубличенко Владимир Николаевич** (Ухта) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культуры Ухтинского государственного технического университета.

Движение несовершеннолетних по приемникам-распределителям Архангельской области за 1940 г.

Приемник-распределитель	I квартал		II квартал		III квартал		IV квартал	
	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло
Архангельский	128	115	123	139	120	113	91	90
Котласский	35	39	68	76	42	42	50	52
Итого:	163	154	181	215	162	155	141	142

Источник: Архив ИЦ УВД по АО. Ф. 41. Оп. 1.Д. 10. Л. 1.

Анализ данных движения несовершеннолетних по приемникам-распределителям Архангельской области за 1940 г. свидетельствует, что численность подростков в них при расчете их среднеквартального прибытия составляла 162 чел., достигая своей максимальной величины во втором квартале и постепенно снижаясь к концу года до минимального уровня (табл. 1). Объяснение данной закономерности, на наш взгляд, следует искать в природно-климатических условиях Архангельской области, когда подростки для своего перемещения в весенне-летний период использовали не только железнодорожный, но и водный транспорт. Наступление зимы сокращало число детей из отдаленных от железных дорог районов, что и приводило к их сокращению в детприемниках в четвертом квартале.

В 1943–1945 гг. изменяется численное соотношение между беспризорными и безнадзорными подростками, которые размещались в приемники-распределители, дислоцированные на территории Европейского Севера России. Так, в ходе проведения рейдов в местах скопления подростков в 1944 г. работники милиции Вологодской области задержали 7943 чел., из которых безнадзорными являлись 84,5% [7]. В первом квартале 1945 г. милиция Архангельской области провела задержание 1605 подростков. Из них только 197 были беспризорными, в то время как 1408 безнадзорными [8]. Следует отметить, что среди задержанных несовершеннолетних, изъятых с железной дороги транспортными органами милиции по Вологодской области, преобладали беспризорные (3372 чел. в 1944 г. и 2465 в следующем) над безнадзорными (2874 чел. в 1944 г. и 2465 в 1945 г.) [9].

Отсутствие возможности передачи попавших в приемники НКВД подростков к родителям или лицам, их заменяющим, ведет к преобладанию распределения их по государственным учреждениям. Так, во втором и третьем кварталах 1944 г. из детприемников Вологодской области было отправлено родителям или родственникам 30% несовершеннолетних. Подавляющее большинство (55%) распределили в детские дома, школы ФЗО, трудоустроили на промышленные предприятия, в сельское хозяйство, на железнодорожный транспорт [10]. В третьем квартале 1945 г. из Сыктывкарского детприемника к родным и лицам, их заменяющим, отправили только 19% подростков, в то время как 47% было распределено в детские дома [11].

Среди категорий несовершеннолетних, попадавших в первой половине 1940-х гг. в приемники-распределители, особое место занимали сироты в результате войны. Значительное увеличение подростков, ставших сиротами в результате войны, имелось в детских приемниках-распределителях Вологодской области. Так, в декабре 1942 г. в приемники-распределители Вологодской области попали 358 чел. Из вновь прибывших 74 чел. являлись сиротами, 82 – потеряли родителей в результате войны [12]. Ситуация изменяется на рубеже 1944–1945 гг., когда число осиротевших подростков в вологодских приемниках-распределителях начинает преобладать над сиротами в результате войны.

При характеристике возрастного состава несовершеннолетних, задержанных органами внутренних дел в годы войны и переданных в приемники, наибольшее количество составляли лица мужского пола средней возрастной группы. Так, например, в пяти детприемниках Вологодской области по состоянию на 1 января 1944 г. содержалось 167 детей (мальчиков – 109, девочек – 58), из них 124 чел. достигли возраста 11–16 лет. В январе следующего года до 190 чел. увеличивается контингент задержанных, но не изменяется соотношение по полу и возрасту [13]. Данная тенденция объясняется половозрастными особенностями несовершеннолетних. Юноши среднего возраста легче других могли покинуть семью, попадали под влияние улицы, попадали затем в приемники-распределители.

Степень образовательного уровня подростков, размещенных в детприемниках Архангельской и Вологодской областей в 1942–1943 гг., свидетельствует, что в подавляющем большинстве это были дети, прекратившие учебу в неполных средних школах, неграмотные среди них составляли меньшинство. Так, в декабре 1942 г. в вологодских приемниках-распределителях находилось 12,5% неграмотных подростков [14]. Во втором квартале 1943 г. в Архангельском приемнике-распределителе находилось 29 неграмотных подростков, что составляло 31% от общего числа размещенных в нем детей [15].

Таблица 2

Социальный состав несовершеннолетних в приемниках-распределителях Архангельской области
(по состоянию на январь 1943 г.)

Параметр	Приемник-распределитель						Итого
	Архангельский		Котласский		Няндомский		
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	
Социальное происхождение:							
– из рабочих	16	7	18	8	40	19	108
– служащих	5	2	7	4	2	2	22
– колхозников	1	1	3	1	16	6	28
– неизвестно	5	6	2	–	1	–	14

Источник: Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 об., 4 об., 8 об.

Свидетельством преобладания детей из рабочих семей, попадавших в январе 1943 г. в детские приемники-распределители Архангельской области, являются данные табл. 2. В то же время в Няндомском ДПР имелось 28 чел. из числа колхозников, что позволяет предположить, что в районе его расположения крестьянские семьи испытывали материальные трудности. Это вело к уходу подростков из семьи в надежде найти лучшие условия для проживания.

Беспризорные и безнадзорные подростки совершали многокилометровые перемещения по стране. Анализ количества размещенных по приемникам-распределителям Вологодской области в 1945 г. несовершеннолетних, бежавших из ремесленных училищ и детдомов, свидетельствует о преобладании среди них иногородних. Местные бегуны составили только около 22%, остальные прибыли из Московской (16 чел.), Свердловской (83 чел.), Томской (40 чел.), Тюменской (30 чел.) и других областей страны. Общее количество задержанных данной категории составило 1275 подростков [16].

К середине 1940-х гг. Наркомат внутренних дел проделал значительную работу по улучшению материально-технической базы своих учреждений распределения несовершеннолетних, обеспечил их квалифицированными кадрами. Все это повысило привлекательность приемников-распределителей, количество побегов из них снизилось, участились случаи самостоятельного прихода туда беспризорных детей, чего не наблюдалось в учреждениях Наркомпроса. Перспективной мерой по ликвидации сложившейся ситуации становилось улучшение межведомственного взаимодействия между двумя наркоматами [17].

В послевоенные годы численность несовершеннолетних в приемниках-распределителях не снижается. Материальные и бытовые трудности многих семей, голод в 1946–1947 гг. на большей части страны вели к увеличению числа подростков, терявших связь с родителями. По данным историка М. Зезиной, в январе 1946 г. в детских приемниках-распределителях Советского Союза находилось около 20% таких детей, в отдельных областях складывается критическая ситуация. Например, в Молотовской и Вологодской областях этот показатель соответствовал 70% [18]. Увеличение численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях Министерства внутренних дел продолжается до 1947 г. По состоянию на июль этого года в них содержалось 41130 чел., что почти на 70% превышало их лимитную емкость [19].

Движение несовершеннолетних в детских приемниках-распределителях Вологодской области в период с 1944 по 1948 г. представлен в табл. 3.

Таблица 3

Динамика движения несовершеннолетних по детским приемникам-распределителям НКВД-МВД
Вологодской области в 1944–1948 гг.

Параметр	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	Итого
Прибыло за год	3840	3236	3521	4804	2530	17931
Убыло за год	3746	3317	3389	4644	2786	17882
<i>В том числе:</i>						
Возвращено родителям	1215	1141	1225	2321	909	6 811
Передано в детские дома	917	759	744	884	825	4 129
Отправлено в ДТВК УНКВД	573	556	694	175	84	2 082
Устроено в ремесленные училища и школы ФЗО	153	180	88	542	306	1 269
Трудоустроено	819	562	139	196	129	1 845
Прочие	69	119	290	526	533	1537

Примечание: Убыль воспитанников за 1946 г. и параметр «прочие» подсчитаны авторами.

Источник: Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 180, 181. Д. 21. Л. 168. Д. 32. Л. 137.

Из данных табл. 3 видно, что снижение численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях Вологодской области в 1945 г. до 3236 чел. носило временный характер. На протяжении двух последующих лет наблюдается тенденция к ее увеличению, достигнув в 1947 г. своего максимального значения. В следующем году численность подростков в данных учреждениях области уменьшается на 53%. Изменяется практика военного периода, когда подростки, которые попадали в приемники-распределители и чаще всего не имеющие родных и близких, отправлялись в детдома и другие государственные учреждения. В соответствии с данными ведомственной статистики с 1947 г. руководство приемников-распределителей Вологодской области значительно увеличивало число устроенных в ремесленные училища и школы ФЗО, уменьшив на 25% по сравнению с 1946 г. отправку таких несовершеннолетних в трудовые воспитательные колонии УМВД.

Результатом анализа численности несовершеннолетних в приемниках распределителях НКВД-МВД, которые располагались на территории Европейского Севера России в 1940-е гг., выявляется закономерность увеличения поступления подростков в такие учреждения в связи с внутрисполитической ситуацией в стране. Разрушение семейных отношений в результате войны вело к росту безнадзорных и беспризорных подростков, при этом длительное время первые преобладают над вторыми. Экономические и социальные последствия боевых действий на протяжении двух послевоенных лет оказывали существенное влияние на число подростков, потерявших связь с родителями, что в свою очередь не уменьшает их в приемниках-распределителях до того момента, когда данные отрицательные факторы перестают быть доминирующими.

Литература и источники

1. См.: Калининченко К.В., Пилявец Ю.Г. Деятельность трудовых колоний МВД СССР для несовершеннолетних правонарушителей в 50-е годы // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сб. статей / Под общ. ред. С. Р. Ширшова. – Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2006. – С. 294–306; Кудимов А. Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 3. – С. 2-5; Кузьминых А. Л. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Вологодской области в военные и послевоенные годы // Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и применение иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних. Сб. материалов Международной конференции. – Вологда, 2006. – С. 179-186; Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. – М., 2003 и др.

2. В докладе использованы сведения источников архива информационного центра УВД по Архангельской области (архив ИЦ УВД АО). Ф. 41. Оп. 1; Архива УВД Вологодской области (архив УВД ВО); Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-9412. Оп. 1; ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК») «Архивохранилище № 1» Ф. Р-298. Оп. 1.

3. Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

4. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2000. – С. 731.

5. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 197.

6. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Сост. С.С. Виленский, А.И. Кокурин, Г.В. Атамашкин и др. – М: МФД, 2002. – С. 327.

7. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 166, 167.

8. Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 4-а. Л. 37.

9. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 175.

10. Подсчитано по: Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17. Л. 51.

11. ГУРК «НАРК». «Архивохранилище №1» Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 51. Л. 104 об.

12. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 77. Л. 87, 136.

13. Там же. Д. 77. Л. 136.; Д. 79. Л. 22.

14. Там же. Д. 77. Л. 87 об.

15. Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 4. Л. 99, 100.

16. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 175.

17. ГАРФ. Ф.Р-9412. Оп. 1. Д. 40. Л. 2.

18. Зезина М. Без семьи. Сироты послевоенной поры // Родина. – 2001. – № 9. – С. 82.

19. Там же. – С. 84.

Спецпоселенцы-осадники и беженцы на Среднем Урале в годы Второй мировой войны: численность, размещение, состав

XX век вряд ли превзойдет по своей трагичности любую эпоху российской истории. До сих пор ученые не могут оценить, во что же он обошелся человечеству. Вторая мировая война оказалась в нем новой точкой отчета, изменив ход истории многих стран и вобрав в себя миллионы человеческих жизней. Для Советского Союза ее начало тесно связано с участием в разделе Польши. Мотивация этой акции нашла свое отражение на страницах газеты «Правда»: «Советское правительство не может ... безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными» [1]. Фактически же реализация секретных статей подписанного 23 августа 1939 г. между Германией и СССР пакта привела к массовой депортации польского населения.

Современная историография по-разному оценивает число депортированных – от 320 до 380 тыс. чел. [2]. Переселение осуществлялось организованно, железнодорожными эшелонами. Согласно ведомственным документам, людям разрешали брать с собой одежду, обувь, постельные принадлежности, посуду, продовольствие из расчета месячного запаса на семью, а также мелкий хозяйственный инвентарь и деньги. При этом общий вес имущества не должен был превышать 50 кг на человека [3]. На деле, однако, многим не было предоставлено время на сборы, а семьи оказались разрознены.

Бывших польских граждан расселили на Европейском Севере СССР, Поволжье, Казахстане, Сибири, Урале. Так, на территории Уральского региона разместили около 40 тыс. чел., большинство из которых стало проживать в спецпоселках Свердловской и Молотовской областей [4]. В ведомственных документах новый контингент НКВД стал именоваться «осадниками» и «беженцами».

Согласно официальной версии, «осадники» являлись злейшими врагами трудового народа. К этой категории переселяемых относились бывшие военнослужащие польской армии, которые отличились в советско-польской войне 1920 г., за что получили земельные наделы в восточных районах страны. К спецпоселенцам-беженцам относили тех польских граждан, которые бежали на восток от войск Вермахта. При этом их рассматривали не как врагов советского государства, а как «интернированных эмигрантов».

Для расселения и хозяйственного обслуживания прибывшего в Свердловскую область контингента было организовано 56 спецпоселков в 20 районах, в которых и разместили 26,8 тыс. чел. (8,3 тыс. семей). Осадники и беженцы соответственно стали проживать в Березовском (1037 и 485 чел.), Пышминском (1100 и 592 чел.), Ревдинском (1704 и 2347 чел.), Серовском (1208 и 3 069 чел.), Таборинском (753 и 1074 чел.), Тавдинском (800 и 739 чел.) и других районах. Кроме того, осадников расселили также в Ирбитском (1270 чел.) и Режевском (944 чел.) районах [5].

Часть бывших польских граждан попала в колонии, тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря. К моменту амнистии в 1941 г. в колониях Свердловской области их содержалось 218, в тюрьмах – 142, лагерях – 2956 чел. (табл.1) [6]. Однако, несмотря на амнистию, согласно архивным данным, на начало 1943 г. в 49 лагерях Советского Союза содержалось 11,3 тыс. поляков, в том числе в лагерях Свердловской области: в Богословлаге – 135, Востураллаге – 289, Ивдельлаге – 258, Севураллаге – 121, Тавдинлаге – 46, Тагиллаге – 190 чел. [7].

Следует отметить, что учет спецпоселенцев из Польши не был организован должным образом. Личные дела на них фактически отсутствовали, а имевшиеся нередко представляли из себя небрежно заполненную анкету, часто даже без подписи заполнившего ее лица. Документы часто запаздывали или просто терялись. Например, из отправленных в Барановичскую, Вилейскую, Волынскую, Дрогобычскую, Львовскую, Станиславскую и Тернопольскую области 11,8 тыс. анкет через четыре месяца обратно вернулись только 5,1 тыс. [8]. Иногда в деле вместо анкеты имела какая-нибудь справка, которая никакого значения в деле документации основания к выселению и содержанию в спецпоселке не имела. Например, в личном деле прибывшего в Свердловскую область спецпоселенца К.Я. Бряжковского кроме анкеты ничего не было. В ней указывалось: «земли имел один гектар, одна корова, одна хата», а в примечании значилось «компрометирующих материалов нет» [9]. Случалось и так, что на Среднем Урале оказывались те, кто выселению не подлежали. Тем самым, можно сделать вывод о том, что термин «осадник» понимался органами НКВД весьма широко.

Несмотря на то, что национальный состав польских спецпоселенцев был довольно пестрым, большинство осадников составляли поляки, значительную часть беженцев – евреи. По данным В.Н.Земскова, на 1 апреля

*Пажит Юлия Юрьевна (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, преподаватель Уральского государственного горного университета.

1941 г. среди 17743 спецпоселенцев – польских осадников и беженцев, на которых имелись сведения о национальной принадлежности, были 96593 поляка, 59031 еврей, 9334 украинца, 9084 белоруса, 271 немец и 2730 чел. пришлось на долю представителей других национальностей [10]. В Свердловской области среди осадников поляков насчитывалось 11510, украинцев – 1527, белорусов – 260, немцев – 13 чел. Доля других национальностей была незначительна и составила 122 чел. Состав беженцев был следующим: поляки – 1527, евреи – 11629, украинцы – 118, белорусы – 6, немцы – 50, другие национальности – 87 чел. [11].

Таблица 1

Польские граждане на территории Свердловской области (по состоянию на август 1941 г.)

Город / Район	Место содержания				
	Тюрьмы	Колонии	Лагеря	Спецпоселки	Итого
Г.Свердловск	90	23	–	–	113
г.Алапаевск	–	–	–	364	364
Арамилский	–	13	–	–	13
Асбестовский	–	7	–	612	619
Ачитский	–	–	–	319	319
Березовский	–	–	–	1492	1492
В.Тавдинский	–	–	140	1687	1827
Верхотурский	–	28	–	203	231
Гаринский	–	–	–	544	544
Ивдельский	–	–	2260	527	2787
Ирбитский	10	–	344	1256	1610
Исовский	41	27	–	1150	1218
Камышловский	1	–	–	–	1
Карпинский	–	–	212	336	548
Красноуральский	–	–	–	1677	1677
Кушвинский	–	–	–	969	969
Н.-Лялинский	–	–	–	1055	1055
Н.-Салдинский	–	7	–	–	7
Н.-Тагильский	1	10	–	–	11
Невьянский	–	80	–	–	80
Первоуральский	–	13	–	–	13
Пышминский	–	–	–	1656	1656
Ревдинский	–	10	–	3994	4004
Режевской	–	–	–	945	945
Серовский	–	–	–	4312	4312
Сухоложский	–	–	–	803	803
Таборинский	–	–	–	1838	1838
Тугулымский	–	–	–	867	867
Всего	143	218	2956	26606	29923

Составлено по: АУФСБСО. Ф.1. Оп.1. Д.113. Л.20. 20(об).

Анализ половозрастной структуры польских спецпоселенцев позволил сделать вывод о преобладающей доле женщин и детей в составе данной категории спецконтингента НКВД. Например, в Серовском районе в спецпоселке Чары из размещенных в нем 679 чел. женщины и дети составляли 495 чел., а в спецпоселке Прорвинский на долю женщин и детей приходилось 224 чел. из 316 [12]. В Ревдинском районе на учете состояло 1704 чел. осадников (363 семьи), при этом мужчин старше 18 лет насчитывалось только 389 чел., что составляло 22% от их общей численности [13].

Что касается размещенных на Среднем Урале спецпоселенцев-беженцев, то среди районов, в которых диспропорция в составе населения по полу была выражена наиболее сильно, следует отметить Алапаевский, Березовский и Исовский. Доля мужчин в них составляла 34, 32 и 31% соответственно [14]. В среднем, по состоянию на начало 1941 г., на долю мужчин старше 18 лет среди осадников в Свердловской области приходилось около 26%. У спецпоселенцев-беженцев этот показатель был несколько выше – 36% [15].

Определяющее влияние на изменение численности и состава польских спецпоселенцев оказывали такие демографические процессы, как рождаемость и смертность. Так, за четвертый квартал 1940 г. в спецпоселках Среднего Урала родилось 142 чел., а в первом квартале 1941 г. этот показатель снизился до 98 чел. [16]. Основной же причиной влияния на динамику численности осадников и беженцев являлась смертность. За последние три месяца 1940 г. в спецпоселках Свердловской области умерли 240 чел., что составило более половины от общей убыли (429 чел.) [17]. При этом уровень смертности у осадников был выше по сравнению с таковым у беженцев – из 239 случаев летального исхода за первый квартал 1941 г. на долю осадников пришлось 175 [18].

Частично это объяснялось отношением к осадникам как к врагам советской власти, что на практике приводило к расселению их в значительно худших условиях.

Изучение материально-бытового аспекта проблемы размещения бывших польских граждан на территории Среднего Урала позволяет сделать вывод об определяющем его влиянии на уровень заболеваемости и смертности. Так, в Левинском спецпоселке Красноуральского района под жилье был приспособлен бывший скотный двор, где на каждого человека приходилось от 1,8 до 2 кв.м [19]. В подавляющем большинстве спецпоселков люди были размещены в непригодных для жизни помещениях и не были обеспечены необходимым бытовым инвентарем. Постоянные перебои в снабжении продуктами питания, одеждой и обувью вели к многочисленным заболеваниям и человеческим потерям.

Высокой смертности способствовал и уровень медицинского обслуживания, будучи весьма далеким от желаемого. Во многом это зависело от расположения спецпоселков. Так, например, жители спецпоселков Красноуральскмедьруда, Дегтярмедьрула, Верхнетавдинского лесокомбината, Асбестроя, Уралруда, Березовский золотокомбинат обслуживались наравне с кадровыми рабочими в общих больницах. Между тем, в отдаленных спецпоселках не всегда имелись фельдшерские пункты, а имевшиеся часто не были обеспечены медикаментами, инвентарем, мебелью, бельем. При этом квалификация медицинских кадров тоже оставляла желать лучшего. Например, летом в спецпоселках Ревдинского района заболеваемость брюшным тифом приобрела массовый характер во многом потому, что фельдшер Медведев у первых заболевших диагностировал грипп и не предпринял мер к изоляции [20].

Прямым следствием неустроенности быта являлись побеги польских спецпоселенцев, которые нередко носили стихийный, инстинктивный характер. Однако они не оказывали и не могли оказать существенного влияния на динамику численности этой категории спецконтингента. Во-первых, люди были выселены семьями, что вряд ли могло способствовать организации побега. Во-вторых, бежать было некуда. Наконец, достаточно разветвленная система охранительных мероприятий сводила на нет попытки покинуть места поселений. Так, в течение четвертого квартала 1940 г. из спецпоселков совершили побег 48 чел. (осадников – 3, беженцев – 45 чел.), при этом 30 чел. из них были задержаны [21]. За январь-март 1941 г. из мест поселений бежали только пять человек (осадников – один, беженцев – четыре человека), при этом двое из них были пойманы и возвращены обратно [22].

Таким образом, с одной стороны, динамика численности и состава польских спецпоселенцев в исследуемый период не претерпевала существенных сдвигов. С другой стороны, будучи одним из магистральных направлений репрессивной политики, депортации оказали огромное влияние на демографическое развитие многих регионов. На протяжении 1940-х гг. территория Среднего Урала оставалась местом высокой концентрации различных категорий спецконтингента – заключенных, спецпоселенцев, трудмобилизованных НКВД СССР, военнопленных и репатриантов. Тем не менее, вплоть до начала Второй мировой войны эта часть советского общества была представлена лишь теми, кто содержался в лагерях и колониях, и раскулаченными.

Раздел Польши дал новый толчок расширению спецссылки. Однако расселение, обеспечение прожиточного минимума, медицинское и культурное обслуживание поступившего контингента зачастую не учитывали его специфику. Большинство людей не было приспособлено к климатическим условиям и тяжелому физическому труду, что вело к человеческим потерям. После амнистии 1941 г. бывшие польские граждане были сняты с режима спецпоселения, однако, большая часть из них из-за невозможности вернуться обратно осталась на Урале.

Литература и источники

1. Правда, 1939. – 18 сент.
2. По данным А.Э. Гурьянова их было 320 тыс. См.: Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997. – С. 114-136. В.Н. Земсков утверждает, что их было 380 тыс. См.: Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х т. – М., 2001. – Т. 2: 1940–1959. – С. 167.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
4. Капустин А., Мотрович В. Спецпереселенцы // Уральский рабочий, 1991. – 9 июня.
5. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Л. 99.
6. Архив Управления ФСБ России по Свердловской области (далее – АУФСБСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 113. Л. 20.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1181. Л. 46.
8. Там же. Ф. 9479. Д. 79. Л. 29.
9. Там же. Д. 61. Л. 5.
10. Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х т. – М., 2001. – Т. 2: 1940–1959. – С. 167.
11. Данные приводятся на начало 1941 г. ГАРФ. Ф. 9479. Д. 61. Л. 125.
12. АУФСБСО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 100. Л. 6.
13. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Л. 99.
14. Там же.
15. Там же.

16. Там же. Л. 17, 35.
17. Там же. Л. 18.
18. Там же. Л. 35.
19. АУФСБСО. Ф. 1. Д.101. Л. 67.
20. Там же. Л. 69.
21. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Л. 18.
22. Там же. Л. 35.

**Численность спецпереселенцев в Коми республике в 1950-е годы
(по архивным данным) ****

Спецпереселенцы*** (граждане, высланные в принудительном порядке в рамках репрессивной политики государства с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны в 1930–1950-е гг.) заселялись в Коми республику не только в спецпоселки, но и в лагеря, и в течение 1940-х гг. эта тенденция расширялась. Так как лагеря и спецпоселки имели разное структурное подчинение, то определить численность спецпереселенцев в лагерях до 1950-х гг. достаточно проблематично. С точки зрения полноты источниковой базы 1950-е гг. выделяются как наиболее благоприятные, так как в 1949 г. прошла общая перепись всех спецпереселенцев, проживающих в спецпоселках и лагерных пунктах. После проведения переписи выяснилось, что в общей численности спецпереселенцев по регионам не учитывалось значительное количество лиц, размещенных в лагерях.

Процесс заселения спецпереселенцев в Коми республику условно можно разделить на три этапа по массовости заселения: 1930–1931 гг. – заселение 40325 «бывших кулаков» (раскулаченные в ходе коллективизации крестьяне); 1940–1941 гг. – заселение 19388 «польских осадников и беженцев» (выселенные из Западной Украины и Западной Белоруссии польские граждане), 8141 немцев, (раскулаченные в 1930-е гг. немцы Поволжья, повторно переселенные из западных областей), 1944–1947 гг. – заселение 5531 ОУНовца (члены семей участников «организаций украинских националистов»), 3655 граждан Молдавии и Литвы, 12942 немцев (граждане СССР немецкой национальности, переселенные в ходе репатриации), 9847 «власовцев» (граждане СССР, побывавшие в плену, и коллаборационисты).

По статистике МВД Республики Коми, общая численность спецпереселенцев в отчетных документах сильно разнится. По одним архивным данным, на 1 января 1950 г. в Коми АССР насчитывалось 27307 спецпереселенцев («власовцы», немцы, ОУНовцы, литовцы, бывшие кулаки), в том числе 11403 муж., 9138 жен., 6766 детей до 16 лет [1]. На 1 сентября 1950 г. общая численность спецпереселенцев и высленцев составила 28052 чел. (табл. 1).

Таблица 1

Спецпоселенцы и высленцы в Коми АССР на 9 сентября 1950 г.

Категория	Власовцы	Немцы	ОУНовцы	Литовцы	Бывшие кулаки	Всего
Мужчины	8165	2312	667	112	1270	12526
Женщины	–	4726	1754	327	2059	8866
Дети до 16 лет	–	3977	748	162	1773	6660
Всего	8165	11015	3169	601	5102	28052

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 167. Л. 113.

В другом источнике приводятся иные цифры. Общая численность спецпереселенцев в эти годы (1949–1950 гг.) составляет 35–36 тыс. чел., при этом указывается, что на спецпоселениях проживает около 21 тыс., в лагерях – около 14 тыс. чел. (табл. 2).

Таблица 2

Спецпоселенцы и высленцы в Коми АССР в 1949–1951 гг.

№	Контингент	1.04.1949	1.01.1950	1.12.1950	1.01.1951
1.	Немцы	12393	12424	12682	12711
2.	«ОУНовцы»	2583	2593	2658	2680
3.	Немецкие пособники	45	37	43	43
4.	Литовцы	424	426	453	461
5.	«Указники»	831	686	315	312
6.	«Власовцы»	16060	15821	15816	15765

*Игнатова Надежда Максимовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

**Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

*** В данной статье термин «спецпереселенцы» используется как обобщающий. Под спецпереселенцами понимаются все категории высланных с мест постоянного проживания, проживавшие в рассматриваемый период в режиме ограниченного поселения.

№	Контингент	1.04.1949	1.01. 1950	1.12.1950	1.01.1951
7.	«Бывшие кулаки»	3833	3758	3347	3350
8.	Чечено-ингуши	2	2	9	8
9.	Калмыки	1	1	3	3
10.	Выселенные из Крыма	20	20	26	26
11.	Фольксдойче	1	1	3	3
	Итого. (В том числе.)	36193	35769	35255	35362
	На спецпоселениях.	Не указано	Не указано	21402	21545
	В лагерях.	Не указано	Не указано	13853	13817

Подсчитано по: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 156. Л. 2-12, 39.

Следует предположить, что данные, указанные в табл. 2, являются более полными, что подтверждают отчеты по численности спецпереселенцев за последующий период. В частности, на 1 апреля 1951 г. в Коми АССР было учтено 22666 спецпоселенцев и 12681 выселенцев, а также 1314 ссыльных и 11 административно высланных. Всего в режиме ограниченного поселения на территории Коми республики, с учетом ссыльных и административно высланных, проживало на 1 апреля 1951 г. 36672 чел. (табл. 3).

Таблица 3

Выселенцы и спецпоселенцы в Коми АССР на 1 апреля 1951 г. [2]

Выселенцы	Количество человек	Спецпоселенцы	Количество человек
Чечено-ингуши	8	Оуновцы	2692
Калмыки	3	Немецкие пособники	39
из Крыма	17	Из Литовской ССР	461
Немцы	12 650	«Указники»	314
Из Грузии	3	Власовцы	15786
		«Фольксдойче»	3
		Бывшие кулаки	3371
Всего	12 681	Всего	22666
Всего выселенцев и спецпоселенцев			35347

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 156. Л. 12.

На основе общих статистических отчетов МВД СССР, хранящихся в Государственном архиве РФ, можно сделать вывод, что в 1949–1952 гг. общая численность спецпереселенцев в Коми АССР не претерпела значительных изменений. Следует отметить, что в лагерях были размещены, в основном, немцы и «власовцы». Например, на 1 января 1951 г. в Ухтижемлаге было учтено 4293 «власовца» и 952 немца, в Воркутлаге – 4254 немца. Также «власовцы» и немцы были размещены в Усть-Вымлаге, Севпечлаге, Минлаге [3].

В 1952 г. было учтено всего 38242 спецпереселенцев и выселенцев, из них 22852 на спецпоселениях и 11317 чел. в лагерях. Спецпереселенцы, размещенные в лагерях на территории Коми, составляли 51% от общей численности спецпереселенцев, размещенных в лагерях в СССР; спецпереселенцы, размещенные в спецпоселках республики, составляли 3% от общей численности спецпереселенцев, размещенных в спецпоселках Советского Союза (табл. 4, 5).

Таблица 4

Количество спецпереселенцев, находившихся в лагерях Коми АССР в 1952 г.

Наименование республик, краев и областей	Наименование контингента	Находится в наличии			
		Кол-во семей	Кол-во человек	Из них	
				Взрослые	Дети до 16 лет
Всего в СССР в лагерях		5542	22207	16568	5639
Коми АССР		3528	11317	7827	3490
	1. Немцы	3426	8789	5460	3329
	Выселенные по решениям правительства	1501	5779	3600	2179
	Мобилизованные	1706	2070	1255	875
	Репатриированные	110	530	333	197
	Местные	109	410	272	138
	2. «Власовцы»	–	1951	1951	–
	3. «Оуновцы»	39	238	177	61
	4. «Бывшие кулаки»	58	232	140	92
	5. Выселенные из Крыма	3	26	21	5
	Татары	3	24	19	5
	Болгары	–	2	2	–

Наименование республик, краев и областей	Наименование контингента	Находится в наличии			
		Кол-во семей	Кол-во человек	Из них	
				Взрослые	Дети до 16 лет
Коми АССР	6. Выселенные из Прибалтики (литовцы)	–	12	11	1
	7. Выселенные с Северного Кавказа	2	11	10	1
	Чеченцы	1	4	3	1
	Ингуши	1	4	4	–
	Карачаевцы	–	3	3	–
	8. Немецкие пособники	–	8	8	–
	9. Калмыки	–	3	2	1
	10. Выселенные из Грузии	–	3	3	–
Из них по лагерям	Воркутлаг МВД	2797	7539	5086	2453
	Ухтижемлаг МВД	578	3016	2146	870
	Печорлаг МВД	86	478	379	99
	Минераллаг МВД	67	262	194	68
	Усть-Вымлаг МВД	–	22	22	–

Источники: ГАРФ. Ф. 5479. Оп. 1. Д. 641. Л. 13-17.

Таблица 5

Количество спецпереселенцев, находящихся на спецпоселениях Коми АССР в 1952 г.

Наименование республик, краев и областей	Наименование контингентов	Находится в наличии			
		Кол-во семей	Кол-во человек	Из них	
				Взрослые	Дети до 16 лет
Коми АССР	Всего	7181	22852	15990	6862
	1. Немцы	3733	11935	7845	4090
	Выселенные по решениям правительства	660	1747	1241	506
	мобилизованные	20	139	132	7
	Репатриированные	3037	9969	6403	3566
	Местные	16	80	69	11
	2. «Власовцы»	–	1520	1520	–
	3. «Оуновцы»	1516	3473	26667	806
	4. «Бывшие кулаки»	1437	4502	2858	1644
	5. Выселенные из Крыма	3	15	13	2
	Татары	2	11	10	1
	Греки	1	4	3	1
	5. Выселенные из Прибалтики (литовцы)	247	721	542	197
	6. Выселенные из Прибалтики в 1941 г.	245	672	550	122
	7. Выселенные с Сев. Кавказа (чеченцы)	–	2	2	–
	8. Калмыки	–	5	4	1
9. Поляки	–	7	7	–	
Всего в СССР		2694197	769484	1040656	884057

Источники: ГАРФ. Ф. 5479. Оп. 1. Д. 641. Л. 32.

Среди спецпереселенцев как в лагерях, так и в спецпоселках наибольшее количество составляли немцы и «власовцы». «Власовцы» из лагерей на спецпоселения прибывали постоянно с 1946 по 1951 г., пока в 1952 г. не начался процесс их освобождения. Немцы были единственными среди спецпереселенцев, не подлежащими в 1950-е гг. даже частичному освобождению. Численность спецпереселенцев-немцев в этот период остается стабильной (около 12 тыс. чел.). Из спецпереселенцев, размещенных в лагерях и спецпоселках республики, наименьшими по численности были представители депортированных народов – калмыки, чеченцы, татары и др., что является для Коми республики характерной тенденцией на протяжении 1930–1950-х гг. (табл. 6).

Таблица 6

Спецпереселенцы в спецпоселках и лагерях Коми АССР в 1952 г.

Контингент	В спецпоселках	В лагерях
1. Немцы (в том числе)	11935	8789
Выселенные по решениям правительства	1747	5779
мобилизованные	139	2070
Репатриированные	9969	530
Местные	80	410

Контингент	В спецпоселках	В лагерях
2. «Власовцы»	1520	1951
3. «Оуновцы»	3473	238
4. «Бывшие кулаки»	4502	232
5. Выселенные из Крыма	15	26
Татары	11	24
Болгары	4	2
6. Выселенные из Прибалтики (литовцы)	721	12
7. Выселенные из Прибалтики в 1941 г.	672	–
8. Выселенные с Северного Кавказа	2	11
Чеченцы	–	4
Ингуши	–	4
Карачаевцы	–	3
9. Немецкие пособники	–	8
10. Калмыки	2	3
11. Выселенные из Грузии	–	3
12. Поляки	7	–
Итого по Коми АССР	22852	11317

Составлено по: ГАРФ. Ф. 5479. Оп. 1. Д. 641. Л. 13-17, 32.

Кроме спецпереселенцев и выселенцев, спецконтингент, для которого в качестве принудительной меры было определено проживание в местах ограниченного поселения, составляли ссыльные и ссыльно-поселенцы. Среди общего количества определенных на спецпоселение в Коми республику в 1952 г. ссыльные составляли 2,7%, ссыльнопоселенцы – 8% (табл. 7).

Таблица 7

Спецконтингент в Коми АССР в 1952 г.

№	Категория спецконтингента	Кол-во человек	Из них	
			Взрослые	Дети до 16 лет
1.	Спецпоселенцы и выселенцы в спецпоселках	22852	15990	6862
2.	Спецпоселенцы и выселенцы в лагерях	11317	7827	3490
3.	Ссыльнопоселенцы	3031	2643	388
4.	Ссыльные	1042	788	254
	Итого спецконтингентов	38242	27248	10994

Составлено по: ГАРФ. Ф. 5479. Оп. 1. Д. 641. Л. 1-45.

Ссыльные в отличие от ссыльнопоселенцев были категорией немногочисленной. На 1 апреля 1951 г. в Коми АССР было учтено 1314 ссыльных*. Ссыльные были высланы по разным основаниям, как по статьям уголовного кодекса, так и по специальным указам. Самыми массовыми в 1951 г. были следующие категории: воры-рецидивисты (491 чел.); высланные за причастность к бандитским и грабительским шайкам (216 чел.); лица, осужденные за измену Родине (члены семей изменников родины) – 76 чел.; высланные за причастность к «хищническим организациям и группам» (хищение собственности) – 31 чел. [4].

К 1 января 1952 г. количество ссыльных в Коми АССР увеличилось до 2591 чел., в том числе 1425 чел., высланных без определения срока ссылки. Наиболее массовыми были высланные по решениям судебных органов за уголовные преступления – 1120 чел.; высланные в 1941–1945 гг. из Прибалтийских республик и западных областей Украины и Белоруссии по постановлениям НКГБ-НКВД – 516 чел.; направленные в ссылку по нарядам Отдела «А» МГБ СССР по освобождению из особых лагерей МВД в соответствии с приказом МГБ, МВД, Прокуратуры СССР № 06279 (00108) 72 сс от 16. 03. 1948 г. – 445 чел.; направленные в ссылку по решениям особого совещания участники бывших политических партий (троцкисты, меньшевики и др.) – 172 чел. [5].

К 1953 г. численность спецпереселенцев и выселенцев, учтенных по спецкомендатурам в Коми АССР, составила 24420 чел. Уменьшилось до 4512 чел. число «бывших кулаков», до 2540 – «власовцев». Количество немцев увеличилось до 12141, высланных из Прибалтики до 1463 чел. [6]. Всего по СССР на январь 1953 г. на спецпоселениях находилось 1820140 чел. [7]. Как видно из табл. 8, именно немцы преобладали на спецпоселениях в Коми АССР и составляли около 70% от общего числа спецпереселенцев.

*Подробнее о численности ссыльных и ссыльнопоселенцев в Коми республике в 1930–1950-е гг. см.: Игнатова Н.М. Ссыльные и ссыльнопоселенцы в Республике Коми в 1930 – середине 1950-х годов // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сборник научных трудов. – М.; Сыктывкар, 2005. – С. 94-100.

Спецпереселенцы в Коми АССР в 1955 г.

Контингент		1 января 1955 г.	1 ноября 1955 г.
В Ы С Е Л Е Н Ц Ы	Чечено-ингуши	16	16
	Карачаевцы	2	3
	Балкарцы	3	3
	Калмыки	2	2
	Из Крыма	44	61
	Немцы	12679	11327
	Из Грузии	2	1
	Из Молдавии	6	21
Сектанты	2	2	
С П Е Ц П О С Е Л Е Н Ц Ы	ОУновцы	2769	2705
	Немецкие пособники	–	–
	Литовцы 1941 г.	602	589
	Литовцы 1945 г.	529	560
	«Указники»	34	28
	Власовцы	788	571
	«Фольксдойче»	3	22
Бывшие кулаки	1194	75	
Всего выселенцев и спецпоселенцев		18675	15986

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1сч. Д. 179. Л. 479.

Дислокация по районам также показывает, что репатриированные немцы были самой многочисленной категорией в спецпоселках. Например, в Усть-Вымском районе на 1 января 1956 г. из 1406 спецпереселенцев 1015 (72 %) были немцами [8]. В Сторожевском районе спецконтингент на 1 января 1956 г. проживал в 12 населенных пунктах – селах и лесоучастках [9], всего 209 чел., в том числе 140 немцев, 35 ОУНовцев, 32 ссыльных, один калмык и один «высланный из Литовской ССР» (табл. 9).

Таблица 9

Спецконтингент, расселенный в Сторожевском районе Коми АССР в 1956 г.

№	Населенные пункты и лесоучастки	Спецпереселенцы и высланные				Ссылные	Итого
		Немцы	Оуновцы	Калмыки	Из Литовской ССР		
1.	Сторожевск	20	3	–	–	1	24
2.	Небдино	3	–	–	–	–	3
3.	Нившера	2	1	–	–	–	3
4.	Л/у Подеель	2	–	–	–	–	2
5.	Л/у Потью	15	–	–	–	–	15
6.	Богородск	1	–	–	–	–	1
7.	Вомын	1	–	–	2	–	3
8.	Подбельск	–	4	–	1	–	5
9.	Подтыбок	31	11	1	13	–	56
10.	Лабором и Гараж	30	3	–	1	–	34
11.	Л/у Лабором	34	13	–	110	–	58
12.	Л/у Небью	1	–	–	4	–	5
	Всего	140	35	1	32	1	209

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1сч. Д. 179. Л. 7.

Следует отметить, что при сокращении числа спецпоселенцев, выселенцев и ссыльных, в 1950-е гг. резко увеличивается число ссыльнопоселенцев, высланных на спецпоселение в основном за уголовные преступления (табл. 10).

Таблица 10

Спецконтингент в Коми АССР в 1955 г.

Категория спецконтингента	1 января 1955 г.	1 ноября 1955 г.
Выселенцев и спецпоселенцы	18675	15986
Ссылные	610	816
Ссыльнопоселенцы	9082	15652
Итого спецконтингентов	28367	32454

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1сч. Д. 179. Л. 479.

Ссыльнопоселенцев в середине 1950-х гг. больше всего было в городах Инта и Воркута. На 1 января 1956 г. был зарегистрирован 10551 ссыльнопоселенец и 851 ссыльный [10]. Больше всего ссыльнопоселенцев находилось в Воркуте (5985 чел.) и Интинском районе (3299 чел.). В течение 1956 г. их численность постоянно увеличивалась: например, в Интинском районе – более чем в два раза, с 3299 чел. на 1 января 1956 г. до 6009 чел. на 1 декабря 1956 г. [11]. В 1950-е гг. количество ссыльнопоселенцев постоянно менялось, так как они ссылались на короткие сроки и в большом количестве, поэтому как прибывали, так и убывали с территории Коми АССР.

Заселение в Коми АССР в 1930–1950-е гг. спецпереселенцев, а также ссыльных и наличие большого количества заключенных в лагерях привели к значительному изменению национального состава населения в сторону увеличения представителей некоренной национальности. В Ухтинском районе, например, в 1953 г. проживали 62,5 тыс. чел., из них коренного населения 3,7 тыс. чел. или 5,9%. Так же складывалась ситуация в Усть-Вымском и Железнодорожном районах. В Троицко-Печорском районе из 19,8 тыс. чел. только 6,8 тыс. (34%) составляли коми [12]. К 1 января 1957 г. из 734,1 тыс. чел. представителей коми национальности насчитывалось меньше половины, около 300 тыс. чел.

Итак, можно заключить, что общая тенденция первой половины 1950-х гг. сводится к тому, что количество спецпереселенцев и ссыльных уменьшается, а количество ссыльнопоселенцев резко увеличивается (табл. 11).

Таблица 11

Спецконтингент в Коми АССР в 1951–1955 гг.

№	Категория спецконтингента	1.04.51 г.	1.01.52 г.	1.01.55 г.	1.11.55 г.
1.	Спецпоселенцы и выселенцы	35347	34169	18675	15986
2.	Ссыльнопоселенцы	–	3031	9082	15652
3.	Ссыльные	1314	1042	610	816
4.	Административновысланные	11	–	–	–
	Итого спецконтингентов	36672	38242	28367	32454

Составлено по: ГАРФ. Ф. 5479. Оп. 1. Д. 641. Л. 1-45; Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 167. Л. 113; Д. 179. Л. 479.

После снятия ограничений по спецпоселению с некоторых категорий граждан и освобождения лиц, направленных в ссылку на поселение, под административным надзором МВД Коми АССР в 1957 г. осталось около 5 тыс. чел. [13]. Это говорит о том, что освобождение основной массы спецпереселенцев (спецпоселенцев и выселенцев) происходит в 1955–1956 гг. Что касается «ссыльных и спецпоселенцев-бродяг», то они продолжали поступать из ИТЛ и тюрем, расположенных как в республике, так и других регионах, для расселения в Коми АССР.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 г. лица, ранее направленные в ссылку на поселение, за исключением «латвийских, литовских и эстонских националистов, семьи которых находятся на спецпоселении», из ссылки были освобождены и могли избрать место жительства по своему усмотрению [14]. Помимо представителей Прибалтики позже всех от режима ограниченного поселения были освобождены немцы, которые только в 1970-е гг. получили право свободно выбирать место жительства.

Литература и источники

1. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 167. Л. 1-12.
2. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 156. Л. 12.
3. Подсчитано по: Архив МВД. Ф. 31. Оп. 1. Д. 156. Л. 2-39.
4. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 169. Л. 3, 4.
5. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 169. Л. 12.
6. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР, 1991. – № 5. – С. 157.
7. Бугай Н.Ф. 40-е–50-е годы: последствия депортации народов // История СССР, 1992. – № 2. – С. 142.
8. Архив МВД РК: Ф. 31. Оп. 1. Д. 179. Л. 32.
9. Архив МВД РК: Ф. 31. Оп. 1. Д. 179. Л. 7.
10. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 179. Л. 165, 228.
11. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 179. Л. 165
12. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 5. Д. 162, Л. 31.
13. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 5. Д. 518. Л. 3.
14. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 5. Д. 518. Л. 3.

Динамика этнической структуры населения и место в ней русского народа

Сколько-нибудь достоверные сведения о движении русского народа до первой послевоенной переписи населения 1959 г. отсутствуют. Одна из причин в том, что вплоть до окончания Великой Отечественной войны происходили неоднократные изменения численности населения страны, связанные как с потерей отдельных территорий, так и их обратным вхождением в состав Советского Союза. Сразу же после революции от российского государства были отторгнуты значительные части его территории в полосе от Черного до Балтийского морей.

К 1920 г., по сравнению с 1913 г., население страны сократилось на 14%. Сюда входят военные потери, гибель населения от голода и эпидемий, эмиграция, а также потеря населения в результате отторжения западных регионов и отделение Прибалтики. Если население России за указанные годы сократилось на 2%, то Украины – на 25%, Белоруси – на 40% и Молдавии – в девять раз. В составе населения потерянных территорий еще с дореволюционных времен были русские. Без Польши и Финляндии в остальных потерянных регионах по грубым оценкам к началу XX в. проживали примерно 2.3 млн. русских, т.е. лиц с православным вероисповеданием и считавших русский язык родным [9, с. 12].

Уже перед Великой отечественной войной и в ее завершающей стадии в состав СССР вошли отторгнутые ранее районы: три прибалтийские республики, западные области Украины и Белоруси, а также Бессарабия и Северная Буковина. Население вошедших в состав СССР регионов по официальным оценкам составляло 20.1 млн. чел., в числе которых были и русские. Это обстоятельство затрудняет сопоставимость национальной структуры страны в целом. Оно затруднительно также и для России, границы которой неоднократно менялись: выход из РСФСР Казахстана, бывшего до 1936 г. автономией (русских было примерно 2 млн.), преобразование Карелии из союзной республики в автономную в составе РСФСР, передача Крыма Украине (русских свыше 1 млн.), присоединение Тывы, возвращение Южного Сахалина и Курил. Однако уже с 1959 г. – года проведения первой послевоенной переписи населения вплоть до распада СССР – границы страны оставались неизменными.

В разное время советского периода на численность населения России и русских в том числе влияли тем не менее не только естественное движение, но и другие обстоятельства. Одно из них – изменение национальной принадлежности гражданами страны. Население со смешанной кровью обычно избирает ту национальность, у которой больше кажущихся и реальных преимуществ. С подобным страна в массовом порядке столкнулась в довоенные годы. В межпереписной период с 1926 по 1937 г. численность русских, проживавших в Советском Союзе, увеличилась на 16.1 млн. чел. или на 20.7% при росте численности всего населения на 11.6%. Очевидно, что из общей величины полученного прироста примерно 7-9 млн. никак не могут быть естественным приростом русских. Это, скорее всего, результат преимущественного выбора русской национальности в смешанных браках как во время проведения переписи 1937 г., так и проходившей несколько раньше паспортизации городского населения. Заметим, что в этот период численность белорусов возросла только на 4.3%, евреев – на 1.5%, а мордвы – сократилась на 7% и украинцев, переживших в начале 1930-х гг. страшный голод, даже на 15% [9, с. 13].

Другое обстоятельство – гибель населения страны в годы Великой Отечественной войны. Советский Союз в годы войны потерял 27 млн. мирных граждан и военнослужащих, что составило примерно 14% довоенной численности. По сути, погиб каждый седьмой. В числе погибших на долю русских приходится 12.6 млн. чел., из которых мирных граждан – 6.9 млн. (в оккупации находилась лишь часть РСФСР, поэтому потери составили лишь 38% всех потерь мирного населения) и военнослужащих – 5.7 млн. или 65.5% всех военных потерь. Дело в том, что и в начале войны и в ее первые годы доля русских среди всех находящихся в действующей армии составляла 2/3. В это время территории Украины, Беларуси и ряда других республик находились в оккупации. Лишь позже, по мере наступления Красной Армии, доля русских стала снижаться из-за возросшего призыва военнообязанных на освобожденных территориях. Таким образом, основную военную ношу вынесли русские, на долю которых пришлось наибольшие потери военнослужащих, состоящие из молодых трудоспособных мужчин [7, с. 116–120].

Русские несли и наибольшие потери по сравнению с другими национальностями во время репрессий 1930-х гг. В частности, если интенсивность всех репрессированных (отношение численности репрессированных к численности населения) принять за 1, то интенсивность репрессированных русских составит 1.1 (лишь у белорусов она была выше), тогда как, например, у народов Кавказа – 0.65, евреев – 0.81 и т.д. [7, с. 43]. Стало

*Рыбаковский Леонид Леонидович (Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной демографии ИСПИ РАН.

быть, наивно обвинять русских в репрессиях, скорее они могли бы бросить упрек тем, кто меньше всего им подвергался.

Третье обстоятельство – это сокращение численности русских, проживающих на территории России. Промышленный подъем национальных окраин в довоенные годы вызвал массовые, не всегда добровольные переселения квалифицированных кадров в районы Средней Азии и Закавказья. К примеру, хлопчатобумажное производство в Узбекистане базировалось, как и всюду, на использовании женского труда, но не местного населения, а привозного из областей центральной России, в частности, из Ивановской области.

Особенно заметное сокращение численности русских в России произошло в середине 1950-х гг. На освоение целинных земель, в основном в Северном Казахстане, были направлены сотни тысяч людей из районов Центральной России, разоренных и обезлюженных в годы войны. Только Смоленская область в 1951–1960 гг. от миграции в другие районы, преимущественно на целинные земли, потеряла 250 тыс. чел. или почти 22% населения, Тверская потеряла 260 тыс. или 14% и т.д.

В это же время в Казахстане численность русских росла. Если численность населения Казахстана с 1937 по 1959 г. увеличилась на 82%, то население страны в целом – только на 29%, причем численность русских в первом случае возросла в 2.1 раза, тогда как во втором – лишь на 21.5%. Расчеты показывают, что с 1937 г. по начало 1959 г. в Казахстан вселилось, преимущественно из России, не менее 1.6 млн. русских. Русские оседали не только в районах целинных земель, но и увеличивали население городов Казахстана. Так, численность русских в 1960 г. превысила уровень 1950 г. в городской местности Северо-Казахстанской и Павлодарской областей более чем в два раза, Карагандинской и Кокчетавской – более чем в три раза, в Целиноградской и Джезказганской – более чем в четыре раза и в Кустанайской – почти в семь раз [9, с. 18].

В результате военных и миграционных потерь численность русских в России к переписи 1959 г., с одной стороны, сократилась примерно на 15 млн. чел., а с другой, увеличившись на 7-9 млн. за счет других национальностей, идентифицировавших себя в 1930-е гг. как русские. Динамика численности русских в период между первой и последней переписями населения СССР в послевоенные годы представлена в табл. 1.

Повсеместно до 1960-х гг. численность русских возрастала в союзных республиках, особенно заметно в Беларуси, Казахстане, Узбекистане, Литве и т.д. Только в Грузии наблюдался некоторый отток русских, приведший в 1970 г. к небольшому сокращению их численности. В 1970-е гг. усилилось сокращение русских в Грузии, к которой прибавились Азербайджан и Армения. В этот период численность русских в Закавказье сократилась на 55.7 тыс. чел. В Средней Азии кроме Киргизии во всех республиках численность русских также стала уменьшаться. Но она продолжала расти в Прибалтике и славянских республиках.

Таблица 1

Численность русского населения СССР на даты послевоенных переписей населения, тыс. чел.

Регион	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
СССР	114113.6	129015.1	137397.1	145155.5
РСФСР	97863.0	107747.6	113521.9	119865.9
Украина	7090.8	9126.3	10471.6	11355.6
Беларусь	660.2	938.2	1134.1	1342.1
Казахстан	3972.0	5521.9	5991.2	6227.5
Средняя Азия	2241.4	2986.6	3321.7	3292.5
Закавказье	965.7	972.9	917.2	785.1
Прибалтика	1027.6	1307.2	1533.8	1724.8

По сути дела, на стыке 1960–1970-х гг. начался набирающий силу исход русского населения из Закавказья и Средней Азии. Причин этому несколько. Прежде всего, в России в связи с ускорением освоения восточных районов (БАМ, нефтегазоносные районы Западной Сибири, крупные комплексы в Красноярском крае и др.) заметно возросла потребность в дополнительной рабочей силе. Идеологическая аура вокруг этих престижных строек: введение льгот для работающих (особенно на БАМе) и др. вызвало массовый приток на новостройки молодого населения не только из российских регионов, но южных союзных республик.

В это же время в ряде республик Средней Азии и Закавказья усилился национализм. Русских вытесняют с руководящих должностей, их социальные потребности удовлетворяются в меньшей мере, чем местного населения и др. Вот один из фактов бытового национализма, выявленный в результате социологического исследования в сравнительно спокойном в 1980-е гг. Казахстане. Так, среди мигрантов, переселившихся в города республики и проживавших в общежитиях менее года, было 11.6% казахов и 6.5% русских. Одновременно 13% казахов проживали в общежитиях более 10 лет, тогда как среди русских было 34%. И это при том, что среди русских семейных с детьми было больше, чем среди казахов в 2.4 раза [11, с. 35].

В 1980-е гг. из шести республик происходит исход русских. За период с 1979 по 1989 г. в республиках Закавказья и Средней Азии миграционная убыль превысила 166 тыс. чел. В другие республики продолжался

приток русских. В результате происходило разнонаправленное изменение доли русских в населении союзных республик: за 30 лет (с 1959 по 1989 г.) доля русских в населении Украины выросла с 16.9 до 22.1%, Беларуси – соответственно с 8.2 до 13.2%, Молдовы – с 10.2 до 13,0%, Литвы – с 8.5 до 9.4%, Латвии – с 26.6 до 34% и Эстонии – с 20.0 до 30.3%, тогда как в населении Казахстана доля сократилась с 42.7 до 37.8%, Узбекистана – с 13.4 до 8.3%, Киргизии – с 30.2 до 21.5%, Таджикистана – с 13.3 до 7.6%, Туркмении – с 17.3 до 9.5%, Грузии – с 10.1 до 6.3%, Азербайджана – с 13.5 до 5.6% и Армении – с 3.2 до 1.6%. По сути, произошел перелив русского населения из южных республик в западные.

Во внутрисоюзных миграциях участвовали не только русские и другие титульные народы России, но и титульные народы всех союзных республик. Причем большая часть из них направлялась в Россию. На дату последней Всесоюзной переписи 1989 г. в населении России было 4.4 млн. украинцев, 1.2 млн. белорусов, 245 тыс. узбеков, таджиков, киргизов и туркмен, 636 тыс. казахов, почти один млн. азербайджанцев, армян и грузин, 173 тыс. молдаван и 163 латышей, литовцев и эстонцев. Всех их в населении России было свыше 5.3%. Русских в населении остальных 14 союзных республик было 18.1%, т.е. доля была в 3.4 раза больше. Это сравнение не раскрывает суть происходивших процессов расселения народов СССР. Оно скорее их дезавуирует. Дело в том, что демографический потенциал русских превосходил подобный во всех остальных республиках вместе взятых. И притом миграционная подвижность (способность к миграциям) русских, как, впрочем, и украинцев, и белорусов, была намного больше, чем у населения среднеазиатских республик, согласно данным переписи 1970 г. – в 3-4 раза [2, с. 184]. Объективная картина может быть раскрыта с помощью показателей интенсивности расселения (табл. 2).

Таблица 2

Расселение русских среди других народов, а их среди русских

Национальность	Доля в населении России	Доля относительно численности лиц данной национальности, проживающих в своей республике	Доля русских в населении соответствующей республики	Доля русских относительно их численности в России
Украинцы	3.0	11.7	22.1	9.5
Беларусы	0.8	15.3	13.2	1.1
Молдаване	0.1	6.2	13.0	0.5
Казахи	0.4	9.7	37.8	5.2
Узбеки	0.09	0.1	8.3	1.4
Киргизы	0.03	1.9	21.5	0.8
Таджики	0.03	1.2	7.6	0.3
Туркмены	0.03	1.6	9.5	0.3
Армяне	0.4	17.3	1.6	0.04
Азербайджанцы	0.2	5.8	5.6	0.3
Грузины	0.09	3.5	6.3	0.3
Литовцы	0.05	2.4	9.4	0.3
Латыши	0.03	3.3	34.0	0.8
Эстонцы	0.03	4.8	30.3	0.4

В расчете на каждую тысячу украинцев, живущих в Украине, приходится 117 проживающих в России. В свою очередь, на каждую тысячу русских, живущих в России, приходится 95 проживающих в Украине. По Беларуси получается соответственно 153 белоруса и 110 русских, по Казахстану – 97 казахов и 52 русских, по Киргизии – 19 киргизов и восемь русских. Для этих республик характерен однопорядковый миграционный обмен с Россией: за большей численностью русских, проживающих в указанных республиках, относительно численности титульных для них национальностей, живущих в России, скрывается то, что из каждой тысячи лиц этих титульных народов в России живет их больше, чем русских, в этих республиках.

Еще более разительная картина по остальным республикам. Так, из каждой тысячи эстонцев, живущих в Эстонии в России, проживали в 1989 г. 48 чел., тогда как на каждую тысячу живущих в России русских в Эстонии оказывается всего четыре человека. Такая разнопорядковость присуща Латвии и Литве, Таджикистану и Туркмении, Азербайджану и Грузии. Более того, молдаван в России относительно их численности в собственной стране проживало 12.5 раза больше, чем русских в Молдове; армян в России относительно русских в Армении было в 430 раз больше.

Таким образом, в дореформенный период шло нормальное расселение русских среди народов других республик, и наоборот, расселение титульных народов союзных республик среди русских в России. Никакой

экспансии ни со стороны тех, ни других не было и быть не могло, поскольку это был нормальный процесс расселения народов по территории единой страны.

В 1989 г. в России было 119.9 млн. русских и за пределами России проживали 25.1 млн. или 17% всех русских, живших на пространстве, получившем название постсоветское. Социально-политические изменения происходившие, а в ряде случаев и происходящие до сих пор в странах нового зарубежья, не опирающиеся на ожидаемый быстрый подъем экономики и рост благосостояния, привели к всплеску национализма, притом не только в бытовой сфере, как это было раньше. Так, во властных структурах ряда стран произошли возведение до уровня государственной политики обид на Россию, ставшую преемницей еще недавно общего государства, создание питательной среды для нарушения прав не титульных народов, их выдавливание на историческую родину. В наихудшем положении оказались русские, идентифицируемые в странах нового зарубежья с советским народом.

В течение 1989–2004 гг. вернулись в Россию 5430 тыс. русских, из них свыше 2 млн. чел. выбыли обратно, так как на исторической родине они столкнулись не только с материальными трудностями, но и с не благожелательным отношением к ним со стороны государства. Россия в те годы проводила миграционную политику, противоречащую ее национальным интересам. Осуществляя миграционную политику, она не воспользовалась опытом развитых стран, переживших подобные ситуации.

У этих стран было иное отношение к своим соотечественникам в период возвращения государств в исходные границы. Так, Франция времен генерала де Голля, когда принимала решение уйти из Северной Африки, находилась в трудном экономическом положении. Тем не менее, она переселила на родину не менее 1.5 млн. французов (практически всех) и часть арабов, сотрудничавших с колониальной администрацией, хотя это легло тяжелым грузом на бюджет страны. Разгромленная Германия с разоренной экономикой вернула в исходные границы третьего рейха не менее 10 млн. этнических немцев. Это увеличило население страны примерно на 14-15%. Разоренная Япония после окончания Второй мировой войны из районов оккупации Китая, Кореи, Юго-Восточной Азии и Южного Сахалина вернула около 4.5 млн. чел., что увеличило население страны на 5-6%. Израиль – государство мигрантов, оно до сих пор собирает со всего света евреев. Только Россия отказалась в первые годы своего существования от своих соотечественников, многие из которых не по своей воле оказались за ее пределами [10, с. 40].

Вселение в Россию нескольких миллионов русских, других титульных для нее народов, а также титульных народов стран нового зарубежья, которых прибыло больше, чем выбыло из России примерно на 0.5 млн. чел., привело к существенным сдвигам в национальной структуре ее населения (табл. 3).

В национальной структуре населения России за межпереписной период, прежде всего, сократилась численность украинцев, белорусов, прибалтийских народов, немцев и особенно значительно евреев (более чем на 0.5 млн. или в 3.4 раза). В это же время заметно увеличилась численность таджиков (в три с лишним раза), тогда как у других народов Средней Азии она сократилась. Выросла также численность народов Закавказья почти на 1 млн. чел., в том числе численность армян возросла – в 2.1, Азербайджанцев – в 1.9 и грузин – в 1.5 раза. Ныне в России проживает, например, армян примерно 60% к их численности в Армении.

Таблица 3

Национальный состав населения России, тыс. чел.

Национальность	1989 г.	2002 г.	Увеличение, сокращение
Все население	147022	145167	
В том числе:			
Русские	119866	115889	-3977
Украинцы	4363	2943	-1420
Белорусы	1206	808	-398
Казахи	636	654	+16
Молдаване	173	172	-1
Узбеки, киргизы, таджики, туркмены	247	308	+61
Армяне, грузины азербайджанцы,	999	1951	+952
Литовцы, латыши, эстонцы	163	103	-60
Татары, башкиры, чуваш	8641	8865	+224
Немцы	762	597	-165
Евреи	792	230	-562

Наиболее важным для России сдвигом в национальной структуре является сокращение численности и доли русских в населении страны, где они являются государствообразующим этносом. В межпереписной период численность русских сократилась почти на 4 млн. чел., а их доля уменьшилась до 79.8% по сравнению

с 81.5% в 1989 г. В отличие от этого, даже при более глубокой депопуляции чем в России, в Украине численность государствообразующего этноса не только не сократилась, но даже возросла на 123 тыс. чел., причем доля украинцев в населении повысилась с 72.7% в 1989 г. до 77.8% в 2001 г. Подобное произошло и в Беларуси, где численность государствообразующего этноса с 1989 по 1999 г. (дата последней переписи) увеличилась на 254 тыс. чел., а доля белорусов в населении возросла с 77.9 до 81.2%. Беларусь это, пожалуй, единственная на постсоветском пространстве страна, где в 2002 г. принят закон о демографической безопасности государства, обосновывающий необходимость возвращения на родину этнических белорусов.

Сокращение численности русских в России в действительности значительно больше, чем это зафиксировано последней переписью населения. На сокращение численности украинцев в России повлияли три фактора: естественная убыль, миграционный отток и изменение национальной принадлежности. В межпереписной период (1989–2002 гг.) численность населения России, если исключить миграционный прирост, должна была сократиться на 5.2% (естественная убыль в 1989–2002 гг. в целом по населению России составила 7.7 млн. чел.; население на начало 1989 г. составляло 147 млн.; делением естественной убыли на численность населения и умножением на 100% получаем цифру 5.2%).

В основном естественная убыль происходила за счет русских, украинцев и белорусов, доля которых в населении весь период составляла не менее 85%. Вполне обоснованно можно допустить, что в результате депопуляции численность украинцев сократилась не менее чем на 5% или на 210–230 тыс. чел. По данным текущего учета, за эти же годы из России выбыло украинцев больше, чем сюда прибыло, на 18.8 тыс. чел., или округленно на 20 тыс. В обоих случаях численность украинцев в период с 1989 г. до осени 2002 г. сократилась не более чем на 250 тыс. чел. Но перепись населения, проведенная в России в октябре 2002 г., зафиксировала сокращение численности украинцев в этот период на 1420 тыс. Стало быть, примерно 1.2 млн. украинцев просто «исчезли» [8, с. 89].

Это произошло не только с украинцами, но и с представителями других народов. Например, численность белорусов в результате естественной убыли сократилась на 63 тыс. чел. Миграционный отток белорусов из России в 1989–2002 гг. составил 14.1 тыс. чел. Общая же численность белорусов в 2002 г. сократилась по сравнению с 1989 г. на 391 тыс. чел. Свыше 300 тыс. чел. за межпереписной период, подобно украинцам, также «исчезли». Для объяснения этого феномена нужно вспомнить о событиях, происходивших в 1930-е гг., когда лица многих национальностей (украинцы, мордва, евреи и др.) становились русскими.

Конечно, не только часть украинцев и белорусов изменила национальную идентификацию. Это же можно отнести и к ряду других народов, например, евреям, численность которых сократилась с 537 до 230 тыс. чел. Конечно, часть евреев эмигрировала за прошедшие между переписями годы. В начале 1990-х гг. ежегодно покидали Россию по 13–14 тыс. чел. (1993 г. – 14 тыс., 1994 г. – 13.6 тыс., 1995 г. – 12.8 тыс. и т.д.). К началу XXI в. масштабы эмиграции сократились более чем в 10 раз. Так, суммарно в 2002–2003 гг. эмигрировали всего 1.5 тыс. чел. Очевидно, что за истекшие с 1989 г. 15 лет Россию покинуло не более 100 тыс. чел., что вместе с естественной убылью привело к сокращению численности евреев на 130–150 тыс. чел. Это возможный максимум. Остальных (160–180 тыс.) нужно искать среди русских.

Стало быть, нынешняя численность русских возросла, прежде всего, на 3.4 млн. мигрантов, прибывших в Россию из нового зарубежья после распада СССР. Вместе с тем, она увеличилась не менее чем на 1.5 млн. чел. из представителей тех украинцев, белорусов и некоторых других народов, у которых имеется русская «кровь». Благодаря тому, что часть, прежде всего, лиц славянской национальности, смешанных с русскими, указали во время переписи эту национальную принадлежность, а также вселению в страну мигрантов русской национальности, их численность сократилась лишь на 4 млн. чел. В ином случае сокращение численности русских с 1989 по 2002 г. составило бы 8.5–9 млн. чел.

Эти цифры, возможно, преувеличены, так как в национальных российских республиках тоже с наступлением новых времен при наличии смешанной крови стало привлекательным менять русскую национальность на титульную для данной республики. Особенно это «выгодно» в северных районах, где коренное население пользуется определенными льготами. Так, в условиях общей по России депопуляции численность народности ханты с 1989 по 2002 г., т.е. за 14 лет выросла на 30%, тогда как за предшествующие 10 лет (1979–1988 гг.) – на 7.7%, соответственно манси – на 44.6 и 12.2%. Более того, на Камчатке численность ительменов, возросшая еще в 1989 г. по сравнению с 1979 г. на 85%, к 2002 г. увеличилась еще на одну четверть. Одновременно появилось 2 тыс. камчадалов. Это потомки от метисации русских землепроходцев с коренным населением. Раньше они, скорее всего, были русскими, но с различной долей примеси крови аборигенов. Вместе с камчадалами численность ительменов возросла в два с лишним раза.

Итак, в России на фоне многолетнего снижения рождаемости, перманентного роста смертности и в результате ежегодной естественной убыли населения в 0.5–0.7% от его численности, оказывается, что основные потери несут русские: их реальная, а не переписная численность сократилась на 7% (переписная – на 3.3%), тогда как всего населения страны – только на 1.3%. Таким образом, за последние 15 лет произошло резкое

сокращение государствообразующего этноса, что при сохранении подобных тенденций весьма опасно для российской государственности.

Литература

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 4: Национальный состав населения СССР. – М., 1973.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 7: Миграция населения, число и состав семей в СССР. М., 1974.
3. История статистики. – М., 1990. – Вып. 3–5 (ч. II).
4. Население СССР. 1973. Стат. сборник. – М., 1975.
5. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990.
6. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Офиц. издание. – М., 2004. – Т. 4.
7. Рыбаковский Л.Л. Прикладная демография. – М., 2003.
8. Рыбаковский Л.Л., Карпова Ю.Ю. Россия и Украина: миграционный обмен населением. – М., 2004.
9. Рыбаковский Л.Л. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. – М., 1996.
10. Современные проблемы миграции в России. – М.; Руза, 2003.
11. Социологические исследования. – 1990. – № 7.

Этнодемографические процессы в Коми в XX – начале XXI века**

На исходе XIX в., в 1897 г., население Коми края (в современных границах Республики Коми) составляло примерно 156-158 тыс. чел. (из них около 142 тыс. коми и 14-16 тыс. русских). В относившихся к Орловскому уезду коми селениях на р. Летка проживало примерно 4,5 тыс. коми, в группе деревень вокруг с. Пысса на Мезени (Мезенский уезд) – около тысячи человек. Основная часть коми по-прежнему проживала в пределах Усть-Сысольского, Яренского и Печорского (выделившегося из состава Мезенского в 1891 г.) уездов. Согласно данным переписи 1897 г., зырянский (коми) язык признавали родным 82936 жителей Усть-Сысольского уезда, 31592 жителя Яренского уезда и 21971 житель Печорского уезда, всего 136499 чел.

Исследователи обычно ставят знак равенства между родным языком и национальностью, что в большинстве случаев вполне оправдано. Однако необходимо обратить внимание на такой факт: в Печорском уезде 1918 чел. (935 муж., 983 жен.) из числа считавших родным языком зырянский в социальном отношении причислены к «инородцам» (в данном случае имелось в виду население, занимавшееся кочевым оленеводством, в отличие от оседлого крестьянства). Именно к социальной группе «инородцев» относились практически все ненцы (точнее, те, кто указал в качестве родного языка «самоедский», т.е. ненецкий). Можно предположить, что в число зырянских «инородцев» попали не только те коми, которые занимались исключительно оленеводством, но и часть ненцев, воспринявших под влиянием коми зырянский язык.

Уместно отметить, что в конце XIX в., по данным Л.Н.Жеребцова, получили распространение смешанные браки между коми-ижемцами и ненцами, причем с появлением в ненецкой семье жены-ижемки разговорным языком в семье становился именно зырянский; ненцы усваивали и различные культурно-бытовые традиции и навыки коми. Особо следует указать на сформировавшуюся в конце XIX – начале XX в. своеобразную этническую группу колвинских ненцев, родным языком которой является коми; как пишет Л.Н.Жеребцов, колвинские ненцы отделяют себя и от коми, и от остальных «тундровых» ненцев. Но коми языком пользовались не только колвинские ненцы. «Постоянные контакты в хозяйственной области и широкие брачные связи коми и ненцев, а также многочисленные заимствования в быту привели к весьма широкому распространению коми языка» среди большинства ненецкого населения в Малоземельской, Большеземельской и Канинской тундрах.

Всего по переписи 1897 г. в Российской империи насчитывалось 153618 чел., считавших коми-зырянский родным языком. Отметим, что сделанный в переписи общий подсчет владеющих коми-зырянским языком как родным вызывает вполне определенные сомнения и представляется автору заниженным. Дело в том, что, как справедливо отмечают С.И.Брук и В.М.Кабузан, этнолингвистика в период проведения переписи была недостаточно разработана, имела место путаница в выделении языков и наречий. Именно это произошло, на наш взгляд, с «зырянским» и «пермяцким» «наречиями». Если зырянским языком владело, согласно переписи, 153,6 тыс. чел., то пермяцким – 104,7 тыс. Видимо, в число говорящих на пермяцком языке вошло немалое число коми-зырян, отдельные группы которых в тот период (да и в начале XX в.) именовались «пермяками». В частности, именно так называли зырян, живших в Слудской (Прокопьевской) волости Орловского уезда Вятской губернии. Согласно переписи 1897 г., в Вятской губернии всего 334 чел. считали коми-зырянский родным языком, в то время как коми население Слудской (Прокопьевской) волости насчитывало, как уже отмечалось, около 4,5 тыс. чел.

В структуре населения края по полу можно отметить две характерные особенности. В постоянном населении доминируют женщины. Превышение женщин над мужчинами составляло примерно 114,8%. В основе более высокой диспропорции полов в молодых возрастах лежит миграционный отток населения, в структуре которого преобладали мужчины. В поддержку такого вывода говорит и то, что в структуре по полу временного населения, наоборот, доминируют мужчины. Говоря о возрастной структуре населения 1897 г., необходимо отметить, что оно переживало свою демографическую молодость – лица старше 60 лет составляли всего 7%.

Примерно 12 тыс. чел., считавших коми-язык родным, проживали за пределами Коми края. Н.Д.Конаков и О.В.Котов пишут, что за пределами Коми края проживали 17143 коми, но это не совсем верно. Дело в том,

*Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, заведующий кафедрой менеджмента СыктГУ.

**Работа подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

что в число этих более чем 17 тысяч они включили всех коми, которые жили за административными границами Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов, в том числе и тех, кто обитал в Пысской волости Мезенского уезда и Слудской волости Орловского уезда, являвшихся, вне всякого сомнения, составными частями Коми края. По данным переписи 1897 г., в пределах европейской части страны (вне границ Коми края) жили 7869 коми-зырян (в том числе 290 – в польских губерниях). В Сибири насчитывалось 9122 коми (из них в городах – 448) – большинство из живших за пределами Коми края коми-зырян. В частности, в Тобольской губернии находилось 7083 коми, в Тюменской губернии – 1860 коми, в Енисейской – 128 коми. 126 коми жили в Средней Азии, двое – на Кавказе.

В начале XX в. в демографических процессах в Коми крае произошли определенные перемены. Фактором, благотворно сказавшимся на демографической ситуации, стало развитие медицины. В начале XX в. местные медики стали изучать причины возникновения конкретных видов болезней, время года, в которое они чаще всего встречались, выбирали наиболее эффективные медикаменты и другие меры для лечения. Уменьшалась смертность жителей от болезней. Борьба с эпизоотиями способствовала ведению животноводческого хозяйства и тем самым также влияла на создание благоприятных условий для жизни населения. Среди благоприятных социально-экономических факторов необходимо упомянуть развитие лесозаготовок в Коми крае в первой четверти XX в. Спрос на рабочие руки содействовал некоторому уменьшению оттока незанятого трудоспособного населения за пределы края.

Важно подчеркнуть, что по мере социально-экономического развития региона уменьшалась зависимость демографического развития от естественных факторов. Улучшение агротехники, появление более совершенных орудий труда и т.п., дававшие возможность получения большего количества продуктов питания в тех же природно-климатических условиях, уменьшало влияние последних на демографическое развитие Коми края.

Активные миграции и в начале XX в. оставались одной из важнейших составных частей этнодемографического развития коми. Немалые перемены в расселении коми произошли в верховьях Лузы. К 1916 г. близ Ношвы и Худышино были основаны починки Голодаево и Шабаргун (в первом жили коми-зыряне, национальный состав обитателей второго не известен). Еще 15 починков появилось ближе к Верхолузью, в треугольнике Ула-Кузюк Зырянский-Тылай. В их числе были как коми поселения (например, Большой или Нижний Тылай), так и русские (Казаково, Вазюк). На юге и юго-западе этническая граница коми по сравнению с 1881 г. не изменялась: Тылай и Зырянский Кузюк оставались крайними населенными пунктами, в которых проживали коми. По соседству с ними, чуть южнее или юго-западнее, возникли починки с русским населением Харламов Мыс (близ Тылая), Елховка и Плясцы (в районе Зырянского Кузюка). В 1916–1918 гг. по соседству с Зырянским Кузюком и Плясками появился Русский Кузюк, а в верховьях Лузы были основаны пять починков, среди обитателей которых были как коми, так и русские (Нагибино, Володичи и др.). Расширилась территория, заселенная коми, на верхней Летке. В районе между Мутницей и истоками Летки в 1871–1929 гг. было основано свыше 120 небольших населенных пунктов.

Увеличилось число селений и заселенная территория на р. Кобра, где в списке 1881 г. было отмечено лишь одно с. Коберское. Сельскохозяйственная перепись 1916 г., помимо составлявших это село деревень Зиньково, Турубановской, Евсинской и Артюхинской, находившихся в непосредственной близости друг с другом, зафиксировала два селения (Починок и Верховья), появившиеся вблизи с. Кобра. В последующие годы возникли еще дер. Шутовская (невдалеке от села), починки Суран, Суран Второй, Мишунь-поле (Сарга), Потанбанядор и дер. Половиной на значительном отдалении от с. Кобры. На верхней Вычегде в конце XIX – начале XX в. особенно активно осваивались самые верховья – район Пожега и Помоздино, а также Нившера и ее притоки.

Заметным изменением в заселенной территории на Выми стало продвижение местного населения вверх по Выми и Елве. Остальной бассейн верхней Выми оставался незаселенным. Границы заселенной территории на Удоре практически не изменились. Оставались неосвоенными верховья Вашки (от Лоптюги) и верховья Мезени (выше Зерзяйба). Неизменной сохранилась и коми-русская этническая граница.

В бассейне Усы и Колвы уже к 1905 г. появилось три десятка поселений. Заселена была вся Уса до самых верховьев. Осваивались и притоки Усы – Косью, Роговая, Нерцета, Лемва. В 1905–1917 гг. шла колонизация р. Колва: к 1914 г. на берегах Колвы появились выселки Возойвисвом, Колвависвом, Конковор, Харьяга и Ыджыд-Харьяга. На нижней Печоре от Няшабожа – Брыкаланска до Усть-Усы к 1905 г. появилось 13 поселений, в 1905–1917 гг. к ним добавилось еще девять выселков. Большинство населенных пунктов возникло на берегах Печоры, лишь немногие появились на ее притоках (Лая, Большая Мутная и другие), причем, как правило, в самых низовьях. Таковы были изменения в расселении коми в зоне интенсивных коми-ненецких этнических контактов.

Ряд новых поселений был основан на верхней Печоре. С появлением населенных пунктов на Щугоре и его притоках и на Подчерье (Мича-Бечевник, Усть-Паток, Емельусти и др.) граница заселенной коми территории в этом районе существенно отодвинулась на восток. В Троицко-Печорской волости в 1881–1916 гг. появилось

11 селений, часть из них – на значительном отдалении от района прежнего заселения, в верховьях Илыча. В 1916 г. граница расселения коми на Илыче проходила в районе выселков Сарьюдин и Максимово. Граница этнической территории коми выше по Печоре не изменилась: по-прежнему последним коми селением на верхней Печоре оставалась дер. Порог, выше которой располагались уже русские деревни – Усть-Пожег (Мамыль) и другие.

В начале XX в. российское правительство разрабатывало план переселения в Коми край большого количества русских крестьян из центральных губерний и даже латышей. В 1901–1902 и 1907–1909 гг. несколько специальных экспедиций обследовали Печорский уезд, верхнюю Лузу, Летку, верхнюю Вычегду, бассейн Вишеры (в районе Вишеры предполагалось расселить безземельных крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировалось развивать на Ухте). В конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными, поскольку даже местные крестьяне не имели в своем владении достаточного количества удобной для ведения сельского хозяйства земли.

Продолжались переселения коми за пределы края. В конце XIX – начале XX в. много ижемских переселенцев прибыло на Кольский полуостров. С ростом численности коми там возникли новые коми селения, часть которых существует и в наше время. За Уралом, в Обдорске, по данным Л.Н. Жеребцова, Н.Д. Конакова и О.В. Котова, в 1900–1901 гг. появилось 22 коми семьи; продолжался приток ижемцев в с. Мужы – например, в 1901 г. здесь поселилось сразу восемь семей.

В течение двух десятилетий, прошедших после проведения переписи 1897 г., численность зырян, проживавших в Коми крае, увеличилась на треть. В 1917–1918 гг. здесь было примерно 214 тыс. жителей, из них около 21 тысячи русских, а почти все остальные – коми. В 1916 г. в единственном на территории современной Республики Коми городе Усть-Сысольске (с пригородами) жили 6268 чел.

На территории Коми края, входившей в Печорский уезд, насчитывалось 35266 жителей. В двух волостях, где преобладало русское население (Усть-Цилемская и Пижемская), было 9522 жителя. В остальных волостях абсолютное большинство населения составляли коми, там имелось 25744 жителя. В основном это крестьяне, сельских священнослужителей было немного, а городских поселений в уезде не имелось. В той части Коми края, которая входила в состав Яренского уезда (вычегодские волости от Жешарта до Палевиц, Вымь, Удора), в 1918 г. насчитывался 47901 житель. Более половины (25445 чел.) из них проживало на Вычегде, Вымь и Удора были населены слабее (соответственно 9661 и 12795 чел.).

В Усть-Сысольском уезде, по данным переписи 1916 г., проживали 112,4 тыс. чел. Наименее была заселена верхняя Печора (6172 чел. в 1916 г.), на верхней Вычегде насчитывалось 44772 жителя, на Лузе и Летке проживали 17668 чел. На Сысоле было 36930 жителей. Абсолютное большинство их составляли также коми крестьяне, но были и русские, концентрирующиеся в заводских поселках Нювчим, Кажим и Нючпас (1692 чел. в 1918 г.). В Усть-Сысольском районе (Усть-Сысольске с пригородами, Слободе и Зеленце) насчитывалось 6,9–7,5 тыс. чел.

В 26 селениях Слудской волости Орловского уезда Вятской губернии в 1912 г. проживали 5475 чел., в том числе 5086 «крещеных пермяков», т.е. коми. В русских верхнепечорских селениях Чердынского уезда Пермской губернии в 1909 г. насчитывалось 664 чел. Всего в Российской империи в 1914–1917 гг. насчитывалось 180,7 тыс. жителей, считавших коми своим родным языком.

К сожалению, в сохранившихся материалах переписей 1916 и 1918 гг. нет указаний на этнический состав населения, на соотношение жителей разных национальностей. Но такие данные имеются за 1920 г. Согласно переписи 1920 г., коми составляли, например, в Жешартской волости 83,5%, Гамской – 97, Айкинской – 99,4%, Коквицкой – 99,3, Палевицкой – 97,2, Прокопьевской – 99, Часовской – 100, Усть-Вымской и Ибской – 57,5, Сереговской и Сереговогорской – 35,8, Княжпогостской – 99,5, Шошецкой и Онежской – 99,8, Турьинской – 98,4, Селибской – 99,9, Ертомской – 99,2, Важгортской – 99,4, Косланской, Чупровской и Глотовской волостях – по 100%.

В 1920-е гг. наметился переход к новому этапу формирования населения региона. Коми край, менее пострадавший от войн и экономической разрухи, стал предпочтительным местом для вселения, как жителей соседних областей, так и бывших выходцев из края. Коми край из окраины царской России начинает превращаться в область с развивающейся промышленностью. В это время активно ведутся геолого-разведочные работы, разрабатываются проекты заготовки леса и его глубокой переработки. Однако малонаселенность территории и крайне неравномерное ее заселение создавали существенные трудности. К тому же основная часть населения проживала в сельской местности.

В 1926 г. в Коми области были только один город (Усть-Сысольск) и два поселка городского типа (Кажим и Нювчим). Средняя плотность населения составляла 0,5 чел. на кв. км. По территории области население размещалось неравномерно. В Сысольском уезде (8,4% территории области) проживало 5,3% населения (2,2 чел. на 1 кв. км), Ижмо-Печорском уезде (49,5% территории) было сосредоточено 14,5% населения (0,14 чел.

на 1 кв. км). По переписи 1926 г., в Коми автономной области насчитывалось 225,6 тыс. чел., 95,6% из них – сельские жители.

В конце 1920-х гг. национальный состав населения Коми края оставался довольно однородным. Доля лиц коренной национальности (коми) составляла 92,3%. Наиболее высокая концентрация коми имела место в Усть-Куломском районе, куда меньше всего проникало русское население. В то же время самая высокая доля русского населения наблюдалась в Сысольском уезде, где расположен г. Усть-Сысьольск. Несмотря на практически однородный состав населения, Коми край заселяли представители разных национальностей (украинцы, белорусы, латыши, поляки, немцы, евреи, татары, чехи, литовцы, молдаване, финны, карелы, эсты, цыгане, чукчи, армяне, осетины и др.), что послужило в будущем одним из факторов привлечения населения в Коми край.

На рубеже 1920–1930-х гг. в этнодемографическом развитии коми произошли резкие перемены. Прекратилось расширение этнической территории коми и переселение их в Сибирь и другие регионы; миграция населения была поставлена под жесткий контроль государства, объединенные в колхозы крестьяне лишились права свободных переселений.

Характерной особенностью формирования населения в 1930–1940-е гг. являлось то, что Коми край становится местом ссылки, спецпоселений и размещения лагерей для заключенных. По данным историков Г.Ф. Доброноженко, Н.А. Иваницкого, Л.С. Шабаловой, 2 июня 1930 г. в Коми АО начали прибывать спецпереселенцы, и в октябре того же года в области имелось 27 спецпоселков, где размещался 18971 раскулаченный – 19% населения Коми АО. В 1931 г., отмечают названные авторы, в область прибыло еще 21714 раскулаченных. Среди спецпоселенцев была высока смертность, часть из них пыталась бежать. На 1 января 1932 г. в Коми АО находилось 34 тыс. спецпереселенцев, в июне 1933 г. – около 25 тыс. в 37 спецпоселках.

В 1940 г. в Коми АССР были депортированы поляки. По данным Н.А. Морозова, на 1 января 1941 г. здесь находились 18772 польских осадника и беженца из центральной и западной Польши, занятой немцами, а в 1941 г. к ним добавилось вначале около 1000 чел. из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы, а затем еще более 1,5 тыс. литовских граждан. В 1945–1949 гг., как отмечает Н.А. Морозов, в Коми АССР были направлены ссыльные-«власовцы», «репатрианты-немцы» и лица, осужденные по Указу Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

Вторую, еще более многочисленную категорию мигрантов, оказавшихся в Коми крае не по своей воле, составляли заключенные нескольких лагерей. Еще в апреле 1921 г. руководство Коми АО предложило организовать на р. Ухта огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках. 20 апреля Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В.И. Ленина одобрило инициативу и решило организовать концентрационный лагерь на р. Ухта на 10–20 тыс. чел. В конце апреля 1921 г. Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». При ВЧК образовали комиссию по организации ухтинского концлагеря (с участием представителей руководства Коми автономии), но процесс его создания затянулся. Первый лагерь в Коми АО был образован в 1929 г. для строительства железной дороги Усть-Сысьольск – Пинюг. В 1930 г., по данным Н.А. Морозова, здесь работали более 14 тыс. чел. Вслед за ним возникли Ухто-Печорский (9566 заключенных в 1931 г., 89000 – в 1938 г.), Пезмогский (2450 заключенных в 1933 г.), Локчимский (18937 заключенных в 1937 г.), Усть-Вымский (11974 заключенных в 1939 г.) и другие лагеря.

По переписи 1939 г., в Коми АССР насчитывалось 320,3 тыс. жителей, 90,0% которых проживали в сельской местности. Коми составляли 72,5% населения, русские – 22, украинцы – 1,9, белорусы – 1,1, немцы – 0,8, татары – 0,2, прочие – 1,5%. Изменилась система поселений. Возникло большое количество спецпоселков и – в ходе развития лесной промышленности – поселков лесозаготовителей (11% населенных пунктов по переписи 1939 г.).

Между переписями 1939 и 1959 гг. произошли дальнейшие изменения численности населения и его размещения. Общая численность населения республики увеличилась до 815,0 тыс. чел. в 1959 г., т.е. почти в 2,6 раза. Наиболее заселенными к 1959 г. оказались северо-восточные районы нового промышленного освоения, в то время как до 1939 г. эта часть территории была наиболее слабо заселена. В некоторых сельскохозяйственных районах (Удорском, Летском, Сыктывдинском) население уменьшилось главным образом за счет перемещения в города.

Начиная со второй половины 1950-х гг., отмечает историк М.Б. Рогачев, количество лагерных поселений в республике значительно уменьшилось, спецпоселки были ликвидированы или преобразованы в вольные населенные пункты; примечательно, что «из девяти городов, возникших в 1940–1980-е гг., семь имеют лагерное прошлое». Многие бывшие заключенные остались в Коми АССР (большинству не разрешали выезжать).

В послевоенный период в Коми АССР прибыли сотни тысяч рабочих для лесной, угольной и нефтегазовой промышленности. Только в 1956–1958 гг. угольная и лесная промышленность приняли по оргнабору 106 тыс.

чел. За этот же период самими предприятиями было принято 72 тыс. рабочих. Состав переселявшихся был различен. В середине 1950-х гг. до 60% прибывавших по оргнабору составляло крестьянство разных регионов страны. Немало было демобилизованных из армии и флота. Заметно возросло к 1956 г. количество поселков лесозаготовителей.

Конечно, не все приехавшие закреплялись в республике: так, в 1954–1955 гг. для работы в лесной промышленности приехали 22379 чел., а уехали в те же годы 20405 чел. Но все же в первой половине пятидесятых годов, когда приток переселенцев был наибольшим, механический прирост вдвое превысил естественный. Это свидетельствует, что в послевоенные годы динамика численности населения определялась темпами развития производительных сил и менее всего естественным ходом демографических событий.

За 20 лет между переписями 1939 и 1959 гг. в Республике Коми были образованы пять городов и 30 рабочих поселков. Наряду с существовавшим ранее городом Сыктывкар (бывший Усть-Сысольск) к 1959 г. выросли новые города – Воркута, Инта, Печора, Сосногорск, Ухта, вокруг некоторых из них сгруппировались крупные рабочие поселки городского типа. В целом по республике городское население увеличилось за 1939–1959 гг. в 16,6 раза и составило 40,8%. Доля коми в населении уменьшилась до 30,1%. Русские в 1959 г. составляли 48,6%, украинцы – 10,9, белорусы – 2,8, немцы – 1,5, татары – 1%.

Общая численность населения Республики Коми за 1959–1970 гг. увеличилась на 18,3% и составила по переписи населения 1970 г. 964,8 тыс. чел. Особенно значительны темпы роста населения районов нового промышленного освоения. Так, население Сыктывкарского горсовета со строительством и вводом в эксплуатацию первой очереди Сыктывкарского лесопромышленного комплекса увеличилось за эти годы в 1,9 раза. Освоение Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции вызвало рост населения в Ухтинском районе в 1,6 раза, а с развитием лесозаготовок в верховьях Вычегды и Мезени численность населения в Усть-Куломском и Удорском районах возросла в 1,3–1,8 раза. Темпы роста городского населения в Республике Коми за эти годы были близки к темпам роста населения в среднем по России. На 15 января 1970 г. в семи городах и 34 поселках городского типа республики проживало свыше 62% всего населения. В этот период были образованы один город и шесть поселков городского типа.

В 1959–1970 гг. наблюдался дальнейший рост абсолютной численности и сельского населения Республики Коми, но доля сельских жителей в общей численности населения республики на 15 января 1970 г. составила 38%. Характерно, что удельный вес жителей села имел тенденцию к понижению, хотя в отдельных районах абсолютная численность сельского населения увеличилась. Коми в 1970 г. составляли 28,6% населения, русские – 53,1, украинцы – 8,6, белорусы – 2,6, немцы – 1,5, татары – 1,2%.

В следующий межпереписной период 1970–1979 гг. динамика численности населения также определялась темпами развития производительных сил. На экстенсивный рост населения Республики Коми оказали влияние открытие и эксплуатация богатейших залежей нефти и газа, их глубокая переработка. Городское население республики увеличилось на 196,0 тыс. чел., в то время как сельское население впервые за все годы стало уменьшаться. Его убыль за девять лет составила 42,3 тыс. чел. Наиболее быстрыми темпами увеличивалось население районов нефтегазодобычи, их переработки. Это привело к тому, что большая часть населения республики стала проживать в районах Дальнего и Среднего Севера. Всего в республике в 1979 г. насчитывалось 1 млн. 118,4 тыс. жителей. Коми составляли 25,3%, русские – 56,7, украинцы – 8,5, белорусы – 2,2, татары – 1,6, немцы – 1,2%.

В следующие десять лет (1979–1989 гг.) численность населения продолжала увеличиваться, чему способствовал естественный и миграционный прирост населения. Однако если городское население увеличилось на 158,9 тыс. чел., то численность сельского продолжала сокращаться. Его убыль составила 16,3 тыс. чел.. Всего в республике в 1989 г. насчитывался 1 млн. 260,7 тыс. жителей, из них коми – 23,3%, русские – 57,7, украинцы – 8,3, белорусы – 2,2, татары – 2,1, немцы – 1%.

В 1950–1980-е гг., как подчеркивает М.Б.Рогачев, сократилось количество традиционных типов сельских поселений коми – сел, деревень, починков, хуторов. Если в 1939 г. их было 1218, то в 1989 г. – 534. Этническая территория коми с 1930-х гг. перестала расширяться, а во второй половине XX в. произошло ее сокращение. Так, на р. Кобра к середине 1950-х гг. перестали существовать отдаленные починки и деревни (Суран, Половиной и др.), в 1966 г. были исключены из учетных данных ближайшие к с. Кобра деревни Шутово, Артюхино и др., а в 1976 г. – и само с. Кобра. Сократилась заселенная коми территория в верховьях Лузы. К 1956 г. на р. Ула и севернее крайним селением оставалась дер. Ула, на западе – дер. Кресты. Территория между Лузой и Кузюгом отошла к Кировской области. В 1956–1974 гг. прекратили существование Кресты и еще пять селений западнее и юго-западнее Верхолузья. К 1989 г. запустела дер. Ула, официально исключенная из учетных данных в 2000 г. К настоящему времени осталось лишь три селения из возникших в этом районе в конце XIX – начале XX в.: с. Верхолузье и небольшие деревни Тылай и Чернушка, население которых продолжает уменьшаться (в начале 2000 г. в деревнях было 15 жителей). На Летке к настоящему времени запустело абсолютное большинство из 130 поселений, основанных в 1871–1929 гг. Только в 1960–1968 гг., за восемь лет, на этнической

территории коми прекратили существование 119 деревень и починок (не считая слившихся с более крупными селениями): 26 – в Прилузье, 20 – в Сыктывдинском, 19 – в Сысольском, 12 – в Троицко-Печорском районах, и т.д. В 1971–1986 гг. были исключены из учетных данных 107 деревень и починок, находящихся на этнической территории коми: 31 – на Печоре и Ижме, 27 – на Лузе и Летке, 21 – на Сысоле, 20 – на Вычегде, и т.д. В их числе оказались многие из основанных в конце XIX – первой четверти XX в.: Кирда, Люблин, Сотчемув, Оська, Асывож, Емель-усти, Циль-Егор, Ось-Вань, Лягадин, Митька-керка и др.

Кризис, охвативший в 1990-е гг. все сферы жизни, губительно отразился на демографических процессах, динамике численности населения и структуре источников его формирования. За 1990–1999 гг. убыль населения составила 115,7 тыс. чел. В основе сокращения численности лежит естественная и миграционная убыль населения. За 1993–1998 гг. (когда началась естественная убыль населения) число умерших превысило число родившихся на 16,1 тыс. чел., а отрицательное сальдо миграции за 1990–1998 гг. составило 101,3 тыс. чел. Аналогичная ситуация наблюдалась и в последующие годы.

Так, по данным Госкомстата Республики Коми, в первом полугодии 1999 г. в целом по республике снизилась рождаемость и повысилась смертность населения. Родился 5241 чел. (на 4% меньше, чем в январе – июле 1998 г.). Количество умерших увеличилось на 4% по сравнению с первым полугодием 1998 г. Особенно понизилась в январе–июле 1999 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года рождаемость в Койгородском (на 17%) и Прилузском (на 16%) районах и г. Сосногорске (на 11%). Наибольший прирост смертности наблюдался также в Койгородском районе, ставшем самым неблагополучным в демографическом отношении (на 20%), а кроме того, в Сысольском районе (на 13%), городах Вуктыле (на 15%) и Усинске (на 14%). И хотя в ряде районов рождаемость возросла (на 22% – в Троицко-Печорском, на 10% – в Усть-Вымском, на 8% – в Сыктывдинском, на 1% – в Усть-Цилемском), численность населения республики только за первую половину 1999 г. уменьшилась на 6,7 тыс. чел.; естественная убыль составила полтора человека на 1000 жителей, причем городского населения – 0,5 чел. на 1000, а сельского – 4,4 чел. на 1000. Основную роль в сокращении численности населения сыграл миграционный отток: из республики выехало за полгода на 5,8 тыс. чел. больше, чем прибыло.

Согласно данным переписи 2002 г., население Республики Коми составляло 1018,7 тыс. чел. Городское население в 2002 г. составило только 81,2% к уровню 1989 г., а сельское – 82,3%, т.е. если прежде стабильно сокращалось только сельское население, то теперь процесс уменьшения численности затронул и городское население, сокращение которого происходило опережающими темпами. К другим качественным изменениям в структуре населения республики относятся заметные сдвиги в поло-возрастном составе. Перепись показала, что Республика Коми становится «женской» республикой, ибо доля женщин в населении заметно стала превосходить долю мужчин: 52,1% против 47,9%. Происходит и существенное старение населения республики, ибо доля возрастной группы старше трудоспособного возраста выросла с 9,9% в 1989 г. (5,9% – в 1959 г., 7,7% – в 1979 г.) до 14,1% в 2002 г., а средний возраст населения возрос за указанный период с 30,2 лет до 35,0 лет (на селе с 31,3 до 36,4 лет). При этом медианный возраст русских за указанный период возрос с 28,4 до 30,9 лет, коми соответственно с 33,7 до 38,5 лет, украинцев – с 32,1 до 41,7, белорусов – с 34,5 до 43,3 лет, т.е. произошло демографическое старение всего населения Республики Коми, хотя разные этнические группы этот процесс затронул по-разному.

Итоги переписи вполне согласуются с особенностями этнокультурных и этнодемографических процессов, которые фиксировались на протяжении последних полутора десятилетий в Республике Коми. Явления аккультурации и ассимиляции, характерные для этнического развития коми этноса во второй половине XX столетия, скорее всего, не удастся ослабить или тем более предотвратить различными мерами культурно-административного порядка. Очевидно, что демографический и культурный потенциал двух основных взаимодействующих этносов на территории республики (русских и коми) несопоставим, и это решающее обстоятельство будет и впредь определять ход этнодемографического и этнокультурного развития. Тесное взаимодействие между двумя основными этническими группами населения республики и стирание неких достаточно условных культурных границ неизбежны потому, что оба этноса принадлежат к одному типу культуры – восточноправославному. Между ними не только не существует каких-то заметных культурных барьеров, но на протяжении нескольких столетий поддерживались интенсивные контакты и многосторонние связи. Не случайно, что основная доля межнациональных браков в республике приходится на коми-русские браки.

В первой половине 1990-х гг. молодые люди из одноплеменных коми или из смешанных в этническом отношении семей стали чаще выбирать для себя национальность «коми» и реже, чем прежде, идентифицировать себя с доминантным большинством. В результате, согласно данным микропереписи населения 1994 г., доля коми возросла в республике с 23,3% в 1989 г. до 26,3%.

В 1990-е гг. начался массовый исход из республики населения северных городов и районов. Это было связано с кризисом в угольной отрасли, закрытием целого ряда шахт и сопутствующих производств в Печорском

угольном бассейне, резким падением объемов нефтедобычи, общим ухудшением положения северян. Север перестал быть привлекательным в экономическом отношении и это спровоцировало массовую миграцию жителей за пределы циркумполярной зоны. Ежегодные миграционные потери в 1990-е гг. были весьма значительными и превышение числа выбывших над вновь прибывшими в Республику Коми составляло от трех до двенадцати тысяч человек, при средних потерях около десяти тысяч. При этом за пределы республики выезжали представители нетитульного населения, а часть коми, проживавших за пределами республики, наоборот в эти годы предпочла вернуться в республику, и сальдо миграции применительно к коми было положительным на протяжении всего указанного периода.

Наиболее значительные потери понесли северные города республики, где доля коми в населении была невелика. Как следствие произошло заметное изменение в размещении населения Республики Коми. Так, население Воркуты сократилось с 218,5 тыс. в 1989 г. до 134,1 тыс. в 2002 г., Инты – соответственно с 71,2 тыс. до 46,5 тыс., Печоры – с 94,6 тыс. до 66,3 тыс., Усинска – с 69,8 тыс. до 52,9 тыс., Вуктыла – с 28,4 тыс. до 18,4 тыс., Сосногорска – с 62,6 тыс. до 52,6 тыс., Ухты – со 141,9 тыс. до 127,5 тыс. чел. При этом, если численность населения столицы республики Сыктывкара составила 104,6% к уровню 1989 г., то населения Воркуты – 61,4%, Инты – 65,3%. В результате усиленной миграции населения северных городов за пределы республики почти во всех этих городах, за исключением Воркуты, доля коми повысилась и теперь колеблется в пределах 10-15% (в Воркуте она снизилась с 2,2 до 1,9%). Только в Сыктывкаре, несмотря на то, что город находится в центре основной этнической территории коми, и сюда активно мигрируют переселенцы из коми сел, доля представителей титульного этноса снизилась заметно: с 33,6 до 30,6%.

Половина жителей Коми республики проживает в сельской местности, и они составляют там более 50% населения, а рождаемость на селе традиционно была более высокой, нежели в городах. Однако глубокий аграрный кризис привел к серьезному изменению демографической ситуации на селе, и уровень рождаемости в городах с 1996 г. стал превышать уровень рождаемости в сельской местности. Изменились также общественные настроения, и молодежь из числа представителей титульного этноса вновь стала предпочитать идентификацию с доминантным большинством отождествлению со своей этнической средой. Это явление было совершенно четко зафиксировано исследователями.

Результаты переписи показали, что доля коми в населении республики вновь уменьшилась и составила 25,2%. Впрочем, Республика Коми наряду с Ханты-Мансийским автономным округом оказалась в числе двух национально-государственных образований финно-угорских народов, в которых доля титульного населения возросла в сравнении с 1989 г. В Карелии, Удмуртии, Коми-Пермяцком автономном округе, Республике Марий Эл, Мордовии доля титульных этносов в населении сократилась, хотя и не слишком значительно.

В 1989 г. на территории России проживали 336 тыс. коми, а в 2002 г. их общая численность на территории страны составила 293,4 тыс. чел., т.е. численность этноса сократилась на 13%. За исключением хантов, манси и саамов все другие финно-угорские народы Российской Федерации также понесли существенные потери: численность марийцев уменьшилась на территории России на 40 тыс. чел. (снижение на 6,2%), коми-пермяков – на 22 тыс. (снижение на 15,0%), удмуртов – на 78 тыс. (снижение на 10,9%), карел – на 32 тыс. (снижение на 25,6%), мордвы – на 230 тыс. (снижение на 21,4%), вепсов – на 4,2 тыс. чел. (снижение на 34,5%). Таким образом, темпы снижения численности коми выше, чем у марийцев или удмуртов, но ниже, чем у других названных финно-угорских народов.

Из 293406 коми, которые проживают на территории Российской Федерации, 256464 живут непосредственно в Республике Коми, что составляет 87,4% всей численности этноса. Из этого следует, что, как и прежде, уровень диаспоризации коми этноса остается одним из самых низких среди других финно-угорских народов, а это объективно создает более благоприятные условия для его демографического воспроизводства.

География расселения коми в пределах Российской Федерации остается прежней: наиболее значительные диаспорные группы имеют место в Архангельской области (5745 чел.), где основная часть коми сосредоточена в административно подчиненном области Ненецком автономном округе (4510 чел.). В НАО коми являются третьей по численности этнической группой населения после русских и ненцев и составляют на сегодняшний день 11% населения.

Следующей группой является Тюменская группа коми, численность которой составляет ныне 10555 чел. В состав этой группы входит локальная группа обских коми, со второй половины XIX в. сформировавшаяся на территории нынешнего Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа и на севере ХМАО (села Березово, Саранпауль, Казым), а также дисперсно расселенные коми, которые исторически проживают в Салехарде, а также в новых городских поселениях Тюменского севера.

Третья значительная диаспорная группа коми продолжает сохраняться в Мурманской области, куда еще в середине XIX в. мигрировали коми-ижемцы со своими стадами оленей. Ныне численность группы составляет 2177 чел. Численный состав трех вышеназванных групп изменился незначительно (кроме группы в Архан-

гельской области), что свидетельствует о стабильном характере их этнокультурного и этнодемографического воспроизводства, который был отмечен исследователями и ранее.

Важным фактором, способствующим расширенному демографическому воспроизводству, является половозрастная структура этноса. Соотношение полов у коми в трудоспособном возрасте таково, что женщины заметно преобладают над мужчинами: численность коми мужчин в данном возрасте составляет 89299 чел., а женщин – 99298, в возрасте старше трудоспособного женщины почти втрое преобладают над мужчинами (15162 против 40674). Столь значительной половой диспропорции в активном брачном возрасте нет ни у одного другого финно-угорского народа России, за исключением хантов и манси. Следствием этого может стать лишь активный поиск брачных партнеров среди других этнических групп населения республики, что будет характерно прежде всего для женщин. Это только усилит процессы ассимиляции среди коми. При этом на демографические факторы будут накладываться социокультурные факторы и, прежде всего, характер этнокультурных ориентаций молодежи. Эти ориентации характеризуются усиливающимся стремлением молодежи к смене своей этнической принадлежности, на что указывалось уже выше. Так, во время проведения в Коми в 1997 г. исследования по программе «Этнополитические воззрения молодежи. Формирование и функционирование», выяснилось, что пятая часть городских подростков (возраст 16-17 лет), у которых оба родителя коми, называют себя русскими.

Смене этнического самосознания предшествуют, как правило, процессы аккультурации и языковой ассимиляции. Эти процессы приобрели весьма значительные масштабы практически среди всех финно-угорских народов. Результаты микропереписи населения 1994 г., к примеру, показали, что произошли коренные изменения в языковой практике представителей этих народов. Так, среди коми русским языком на работе пользуются 716 из каждой 1000 представителей титульного этноса, проживающих на территории Республики Коми, в учебном заведении таковых 735, но самое главное, что в семье пользуются русским языком 568 из каждой 1000 коми. Среди городских коми эти показатели еще более впечатляющи и свидетельствуют о практически полном переходе на русский язык молодого поколения, многие представители которого просто не владеют языком родителей. Русским языком, согласно данным микропереписи, пользуются в семье 957 вепсов из каждой 1000, 825 карел из каждой 1000 проживающих в Карелии, и соответственно 966 манси и 864 ханта, 382 мордвина, 363 марийца, 350 удмуртов и 381 коми-пермяк из каждой 1000, проживающих на территории своих национальных республик или округов.

Таким образом, русский язык становится сегодня основным (или одним из основных) средством общения для представителей финно-угорских народов в основных сферах общения.

Перепись населения 2002 г. только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится все более масштабной. Так, данные переписи показали, что 27,5% коми, проживающих в республике, называют своим родным языком русский язык, коми – 62,5%. Языковая ассимиляция стала заметным явлением в этнокультурных процессах со второй половины 1950-х гг., когда коми превратились в национальное меньшинство на территории республики и этнодемографическая ситуация коренным образом поменялась не в пользу титульного населения. При этом темпы ассимиляции нарастают: в 1959 г. 93,8% коми республики еще называли родным языком коми язык, в 1970 г. доля таковых составляла 86,7%, в 1979 г. – 80,0%, в 1989 г. – 74,3%.

Полезно отметить, что данные нашего массового опроса, проведенного в 2004 г. в рамках исследовательского проекта «Я и мой народ», очень близки к данным переписи–2002. По нашим данным, 66,2% коми назвали родным язык своей национальности. При этом на селе 86,5% респондентов, принадлежащих к титульному этносу (по самоопределению), назвали коми своим родным языком, а в городе только 44,3% (55,7% родным назвали русский).

Что касается общей этнической ситуации в республике, то на первый взгляд она принципиально не меняется уже на протяжении нескольких десятилетий, ибо численно доминирующими этническими группами являются одни и те же группы, а их доля в общем составе населения меняется не слишком существенным образом. Однако изменения не кардинальные, но весьма существенные все же имели место. Если прежде сокращение доли украинцев, белорусов, немцев происходило за счет их ассимиляции, то в последнее десятилетие решающим фактором стала внешняя миграция. Доля татар также менялась исключительно благодаря миграции, хотя к началу 1990-х гг. и среди татар в Коми стали усиливаться ассимиляционные тенденции.

Перепись 2002 г. показала, что прекратился численный рост практически всех этнических групп населения, которые прежде численно доминировали, но доля коми и русских выросла по сравнению с 1989 г., а доля всех остальных групп сократилась. Правда, доля коми с учетом внешней миграции должна была вырасти еще более значительно, однако, этого не произошло из-за усиливающихся ассимиляционных процессов.

Наиболее значительный рост численности среди других этнических групп населения был зафиксирован у азербайджанцев, численность которых в Коми выросла на 50%. Более того, можно говорить о некоторой «культурной гомогенизации» группы, которую в сводных статистических данных именуют «другие национальности». Если прежде ее состав был довольно мозаичным, то ныне это преимущественно представители народов, исповедующих ислам. В совокупности представители этих народов составили 3% населения Коми.

При этом выявилась очевидная тенденция к росту доли названной группы в общем составе населения республики. Следствием начавшегося процесса станет **этнокультурная диверсификация** региона.

Перепись 2002 г. уже зафиксировала снижение доли городских коми до 46,2%. Безусловно, это еще не очень заметное снижение доли, но показательно, что оно сопровождалось и весьма существенным снижением абсолютной численности коми горожан: со 136412 в 1989 г. до 118541 в 2002 г. Иными словами, численность городских коми в Республике Коми сократилась за межпереписной период на 13%, хотя из-за общего сокращения численности горожан доля коми в составе городского населения возросла с 14,4% до 15,5%. В отличие от остального городского населения республики, коми горожане не очень активно мигрируют за пределы Коми республики. Следовательно, основная часть потерь городского коми населения приходится на потери от ассимиляции. Если же рассмотреть коми население РФ в целом, то и здесь наблюдается вполне ощутимое сокращение как абсолютной численности коми горожан, так и сокращение их доли в общей численности этноса: с 48,7% в 1989 г. до 47,5% в 2002 г. Аналогичная картина наблюдается и в демографическом развитии других крупнейших финно-угорских народов России. Переписи 1970, 1979, 1989 гг. фиксировали неуклонное увеличение абсолютной численности горожан в составе этих народов, увеличение их доли в социальной структуре данных этносов и одновременно сокращение и абсолютной численности, и доли сельского населения в их составе.

У более урбанизированных этносов в составе городских общин доля сельских мигрантов меньше, а значит и выше потери от ассимиляции, ибо уже второе поколение горожан в значительной мере является деэтнизированным, как показывают результаты исследований. В Коми городская часть титульного этноса ныне в значительной мере формируется за счет самовоспроизводства, поскольку миграция из села в город хоть и сохраняется, но масштабы ее незначительные и существенно влиять на демографические процессы она не может. По этой причине темпы ассимиляции городских коми возрастают, ибо демографический потенциал городских коми существенно уступает демографическому потенциалу доминантного большинства, а культурные ориентации молодого поколения все отчетливее смещаются именно в сторону доминирующей культуры.

Сельская же часть титульного населения республики оставалась стабильной и составляла примерно половину всего сельского населения Республики Коми на протяжении нескольких последних десятилетий. В 1970 г. сельские коми составляли 50,3% от всех коми республики, в 1979 г. – 50,5%, в 1989 г. – 50,6%. Но, согласно данным переписи 2002 г., доля коми в общем составе сельского населения возросла весьма заметно и составила 54,7%. Таким образом, в составе сельского населения коми начинают все более ощутимо доминировать и тем самым условия для демографического воспроизводства сельских коми становятся более благоприятными. Дополнительным подтверждением этому служит и тот факт, что в шести из 11 сельских коми районов доля коми возросла по сравнению с предыдущей переписью населения и только в трех уменьшилась, при этом существенно уменьшилась лишь в одном районе, где сложилась особая социальная ситуация (имеется в виду Удорский район, откуда выехали болгарские лесозаготовители, на место которых прибыли мигранты из-за пределов республики).

Но условия для воспроизводства этноса не сводятся только к соотношению этнических групп и внутригрупповым демографическим пропорциям, они в значительной мере определяются общей социально-экономической ситуацией на селе. А эта ситуация уже свыше десяти лет определяется как крайне неблагоприятная. Более того, есть все основания говорить о глубоком аграрном кризисе, который переживает коми село. Этот кризис имеет место и в других регионах России, ибо не созданы условия для коренной структурной перестройки аграрной сферы, не стимулируются эффективные собственники. Но на севере, где экономические условия для аграрного бизнеса гораздо менее благоприятны, кризис проявляется еще масштабнее.

Особая актуальность разработки и скорейшей реализации эффективной программы развития аграрной подсистемы республиканского хозяйственного комплекса диктуется не только тем, что в условиях наметившегося процесса деурбанизации коми этноса, его сельская часть превращается в важнейший ресурс поддержания и сохранения этничности, «страховой фонд этноса», но и потому, что сельское население в настоящее время находится в состоянии социальной дезорганизации и социальной дезориентации. Об этом свидетельствуют крах прежних производственных систем, снижение уровня жизни и собственно демографические показатели. Так, уровень смертности на селе превышает среднереспубликанские показатели в 1,1-1,3 раза, при этом особенно высок он в сельских районах с преобладанием коми населения – Прилузском и Корткеросском, в Ижемском и Сысольском районах вообще наблюдается сверхсмертность трудоспособных мужчин, их доля среди умерших превышает 80%. Основной причиной высокой смертности являются болезни системы кровообращения (43-56% умерших). Очень высок на селе уровень смертности от неестественных причин, и среди умерших в трудоспособном возрасте такие причины занимают первое место. Более половины трудоспособных мужчин умирают от алкогольного отравления, убийств и самоубийств. В Корткеросском районе эти причины смерти среди женщин трудоспособного возраста даже превышают аналогичный показатель среди мужчин (55%). Более четверти всех смертей от неестественных причин на селе – самоубийства.

Этнодемографические ресурсы в Удмуртской республике в 1990-е годы

В 1990-е гг. увеличился интерес к этнодемографии в связи с возросшими национальными и демографическими проблемами современной России. Демографические процессы в этническом аспекте в эти годы были изучены Н.Н. Ежовой (1994), Ж.А. Зайончковской (1999), О.Д. Комаровой (1999), ЛЛ. Рыбаковским с соавт. (1990), Н.С. Стрелковым с соавт. (2001), А.В. Топилиным (1992), И.В. Чернышевой (2000, 2001) и др. Авторы исследований пришли к выводу о том, что влияние этнического фактора на состояние демографических процессов снижается.

На сокращение этнорегиональной дифференциации рождаемости с нивелированием различий на более низких показателях указывают Б.П. Бруй, В.И. Дмитриев (1998, 30). И.В. Чернышева (2001, 247) отметила, что тенденции развития демографических процессов среди национальных групп города и села Удмуртской Республики заметно различны.

В последний раз достоверные данные об этническом составе населения России, в том числе и Удмуртии, были получены в ходе Всесоюзной переписи населения 2002 г. В Удмуртской Республике проживает население разных национальностей. По данным Российской переписи 2002 г., здесь проживали 944108 русских (60,1%), 460584 удмуртов (29,3%), 109218 татар (7,0%) и 56090 (3,6%) прочих национальностей – украинцы, белорусы, башкиры, марийцы, чувашаи, немцы, евреи и др. По сравнению с данными Всесоюзной переписи 1989 г. число русских уменьшилось на 1108 чел. (-0,2%), удмуртов – на 35938 (-7,3%), татар – на 1272 чел. (-1,2%).

Распределение лиц различных национальностей по территориям республики характеризуется тем, что в составе сельского населения преобладают удмурты (в городах – 18,7%, в сельской местности – 54,2%), русские составляют соответственно 69,1 и 39,4%. Этот факт накладывает отпечаток на структуру смертности городского и сельского населения по причинам, а также на показатели рождаемости, так как женщины-удмуртки традиционно ориентированы на более многодетную семью.

Сведения о национальном составе населения городских и сельских поселений Удмуртии и тенденции их изменений очень важны для последующего анализа, так как этнические особенности демографических процессов в 1990-е гг. сохранялись.

По данным Н.Н. Ежовой (1969), за весь, почти столетний период наблюдения, рождаемость среди удмуртов была выше, чем среди русских. Так, в 1958–1959 гг. у удмуртов в целом по республике она была 37,2, у русских – 26,3 на 1000 населения, в городах – соответственно 25,0 и 22,6, в сельской местности – 40,6 и 32,8%.

В начале 1990-х гг. аналогичное соотношение сохранилось. Так, в 1990 г. среди удмуртов она была в целом по республике 18,9 (в городах – 19,9, в сельской местности – 18,6 на 1000 населения), у русских же уровень рождаемости соответственно составлял 13,2; 13,1; 14,2 на 1000 населения.

Разница в показателях не была связана с числом женщин детородного возраста (15–49 лет), что подтверждается стандартизацией. Если бы численность женщин детородного возраста (15–49 лет) среди русских и удмуртов была бы точно такой, как среди всего женского населения республики, показатели рождаемости (на 1000) были бы: среди удмуртов по республике в целом 25,1, в том числе в городах – 17,4, в сельских поселениях – 26,0; среди русских соответственно 16,6; 15,2; 18,4. Таким образом, их соотношения остались бы такими же, что и реальные уровни рождаемости, и, следовательно, величина последних зависит не от доли женщин детородного возраста в перечисленных группах, а от других факторов, в основном связанных с социально-экономическими и бытовыми условиями и сложившимися традициями всей предшествовавшей жизни народов.

Тенденция более высокого уровня рождаемости у удмуртов, хотя общий показатель снизился к 1994 г. и у них, и у русских, сохранилась. Так, по данным микропереписи 1994 г., 1000 женщин-русских в возрасте 18–44 лет в среднем родили 1323 ребенка, а 1000 женщин-удмурток – 1714 детей, в возрасте 18–49 лет – соответственно 1496 и 1938. Более высокая рождаемость отмечалась у женщин-удмурток, проживавших как в городах, так и в сельских поселениях. Среднее число рожденных детей на 1000 женщин-удмурток, проживавших в городах, было 1875, в сельских поселениях – 2834, а на 1000 женщин-русских приходилось соответственно 1722 и 2680 рождений. Женщины-удмуртки раньше вступали в процесс деторождения и позднее его заканчивали.

*Башкирова Галина Александровна (Ижевск) – доктор медицинских наук, руководитель республиканского медицинского библиотечно-информационного центра МЗ Удмуртской республики.

В целом по республике в возрастной группе 18–19 лет из каждой 1000 женщин 139 русских имели одного и восемь – двоих детей, удмуртки – соответственно 183 и 3. Пик рождений первенцев у русских приходился на возраст 25–29 лет, у удмурток – на возраст 20–24 года. 33,0% женщин-удмурток в целом по республике имели трех и более детей, русские же – только 19,1%. Если в городах доля женщин, родивших трех и более детей, была 14,6% (у русских 14,6% и 17,9% – у удмурток), то в сельских поселениях соответственно 42,2 и 44,9%.

Суммарный коэффициент рождаемости в 1989 г. в целом по республике у женщин-удмурток был 2,382 (в городах – 2,042, в сельских поселениях – 2,912), у женщин-русских он соответственно был равен 2,059; 1,915 и 2,638. Брутто-коэффициент воспроизводства населения у удмурток был 1,17, в том числе в городах – 1,00, в сельских поселениях – 1,43, у русских – соответственно 1,01; 0,94; 1,29.

Таким образом, анализ данных микропереписи 1994 г. позволил выявить отчетливую этническую дифференциацию по уровню рождаемости между русскими и удмуртскими женщинами вне зависимости от места проживания. В целом, удмуртские женщины в середине 1990-х гг. значительно полнее реализовывали свою репродуктивную функцию и среднее число детей, рожденных ими, было по сравнению с русскими как в городах, так и в сельской местности выше.

Для сравнительного анализа репродуктивного поведения и репродуктивных установок женщин Удмуртии в 1990-е гг., изучения мотивов, побуждающих одних женщин искусственно прерывать беременность, а других, несмотря на социально-экономические сложности, родить ребенка, для определения тенденций репродуктивного поведения и прогноза на этой основе, полного анализа возрастного-полового состава населения, процессов рождаемости в УР, в 1996 г. нами был проведен опрос по специально разработанным анкетам 288 женщин-родильниц в родильных домах и 112 женщин, получивших направление на аборт в женских консультациях. В 2001–2002 гг. исследование было продолжено: по этим же программам было опрошено 389 женщин-родильниц и 386 – пожелавших искусственно прервать беременность. Полученные данные позволили сделать вывод о том, что к концу 1990-х гг. репродуктивные установки русских женщин и удмурток сблизились, и этнические различия репродуктивного поведения стали стираться.

Среди женщин, опрошенных в 2001–2002 гг., 49,7% были русскими, 39,6% – удмуртками, 7,2% – татарками и 3,5% – имели прочую национальную принадлежность. В ходе исследования выявлены некоторые этнические особенности репродуктивного поведения в зависимости от семейного статуса (табл. 1).

Таблица 1

Число женщин разных национальностей, родивших ребенка или прервавших беременность, не состоящих в зарегистрированном браке в 2001–2002 гг. (на 100 опрошенных)

Национальность	Городские поселения		Сельские поселения	
	Родившие	Прервавшие беременность	Родившие	Прервавшие беременность
Русские	24,6±3,3	39,1±5,2	28,6±6,9	18,7±4,5
Удмуртки	19,0±5,2	31,8±5,1	14,3±3,7	25,9±4,7
Итого	23,2±2,8	35,5±3,6	17,1±3,3	22,5±3,3

Число женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, было выше среди прервавших беременность (29,2±2,5 против 24,8±2,3, в том числе среди 100 опрошенных городских женщин 35,5±3,6 против 23,2±2,8, $p < 0,02$, среди 100 сельских – 22,5±3,3 против 17,1±3,3). Эта закономерность прослеживалась как у женщин-русских, проживавших в городах, так и у городских и сельских женщин-удмурток. Исключение составляли женщины-русские, проживавшие в сельских поселениях – число не состоявших в зарегистрированном браке среди родивших было равно 28,6±6,9, а среди прервавших беременность – 18,7±4,5 на 100 опрошенных. Это свидетельствует о том, что фактор семейного положения в меньшей степени влиял на выбор родить или прервать беременность у женщин-русских, проживавших в сельских поселениях. Обращает на себя внимание тот факт, что и среди горожанок, и среди сельских жительниц русские женщины, родившие ребенка, значительно чаще не состояли в зарегистрированном браке по сравнению с женщинами-удмуртками (24,6±3,3 против 19,0±5,2 и 28,6±6,9 против 14,3±3,7 на 100 опрошенных соответственно).

Как явствует из табл. 2, большинство городских и сельских женщин-русских и удмурток имели одного ребенка, при этом число из 100 женщин, имевших одного ребенка, было без статистически достоверных различий у горожанок русских и удмурток (61,6±3,0 и 54,6±5,1) и селянок русских и удмурток (51,2±5,54 и 47,3±4,1 соответственно).

Число детей у городских и сельских женщин разной национальности в 2001–2002 гг.
в Удмуртской Республике (по данным выборочного исследования на 100 опрошенных)

Число детей	Городские поселения		Сельские поселения	
	Русские	Удмуртки	Русские	Удмуртки
0	9,4±1,8	19,6±4,0	6,1±3,2	4,0±1,6
1	61,6±3,0	54,6±5,1	51,2±5,5	47,3±4,1
2	26,3±2,8	18,6±3,9	39,0±5,4	40,7±4,0
3	2,4±0,9	6,2±2,5	3,7±2,1	6,7±2,0
4	0,4±0,3	–	–	–
5	–	–	–	–
6	–	1,0±0,9	–	1,3±0,9
Среднее число	1,23±0,02	1,16±0,02	1,40±0,03	1,57±0,02

Частота же женщин, имевших двух или трех детей, была выше в сельских поселениях по сравнению с городскими, а в селах выше у удмурток по сравнению с русскими. У городских же удмурток число женщин, имевших двух детей, было ниже, чем у русских (18,6±2,4 против 26,3±2,8 на 100 опрошенных, $p < 0,05$). Реальное число детей было больше всего у женщин-удмурток, проживавших в сельской местности, а самое низкое (1,16±0,02) – тоже у удмурток, но проживавших в городах. Русские женщины-горожанки имели меньшее число детей, нежели проживавшие в селах (соответственно 1,23±0,02 и 1,40±0,03).

Вследствие произошедших перемен «ранговый ряд» женщин различных национальностей города и села по среднему числу имеющих у них детей, выстроенный И.В. Чернышевой (2001) на основании анализа итогов микропереписи 1994 г., изменился, и городские удмуртки перешли на последнее место, уступив третье городским русским женщинам, первые же два места по среднему числу рожденных детей по-прежнему занимали сельские удмуртки и сельские русские женщины.

Произошедшие изменения подтверждают мнение Г.А. Бондарской (1999) о том, что по мере окончательного завершения перехода населения России к новому типу репродуктивного поведения и дальнейшего развития процесса модернизации, различия в рождаемости будут становиться все менее и менее значимыми и демографическая однородность общества будет возрастать. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что традиции большей детности в сельских семьях Удмуртии сохраняются, а этнические различия стираются.

В прошлом была значительна разница в уровнях общей смертности удмуртов и русских. Так, в 1939 г. этот показатель у удмуртов составлял 37,3, у русских – 23,5 на 1000 населения (в городах соответственно 36,0 и 25,7; в сельской местности – 37,4 и 22,2 на 1000 населения). К 1959 г. эта разница сгладилась и показатели заметно снизились: у удмуртов – до 9,6 (в городах – 6,6, в селе – 10,3) на 1000 населения, у русских – до 8,1 (в городах – 7,2, в сельской местности – 9,4) на 1000 населения. В 1989 г. показатели смертности у удмуртов и в городах, и в сельской местности стали несколько ниже, чем у русских, и только у городских мужчин сохранялась небольшая разница в показателях.

Стандартизация показателей не выявила каких-либо особенностей, отличных от характерных для населения в целом: в обеих национальных группах при условии равенства возрастного состава мужчин и женщин уровень смертности у последних был бы ниже по сравнению с первыми: у удмуртов – в 2,3 раза, у русских – в 1,9 раза, т.е. уровень реальных показателей смертности в разрезе пола во многом определялся особенностями возрастного состава этих двух групп.

Проведенное нами углубленное исследование позволило проанализировать тенденции смертности трудоспособного населения в 1994 и 1996 гг. в разрезе национальной принадлежности, уровня образования, социального и семейного положения умерших, места их работы и смерти в сочетании с возрастом, местом проживания и причинами смерти.

В результате было установлено, что статистически достоверной разницы в показателях смертности лиц трудоспособного возраста основных национальностей, проживавших в Удмуртской Республике – жителей городов, и мужчин – жителей сельской местности – нет. Достоверно выше ($p < 0,001$) были только показатели смертности русских женщин, проживавших в сельских поселениях Удмуртии, в том числе в возрасте 40–49 лет ($p < 0,02$), а также смертность городских мужчин-удмуртов в возрасте 30–34 лет ($p < 0,02$). Показатели повозрастной смертности мужчин русских, удмуртов и татар значительно превышали аналогичные показатели у женщин тех же национальностей во всех возрастах трудоспособного периода (рис. 1).

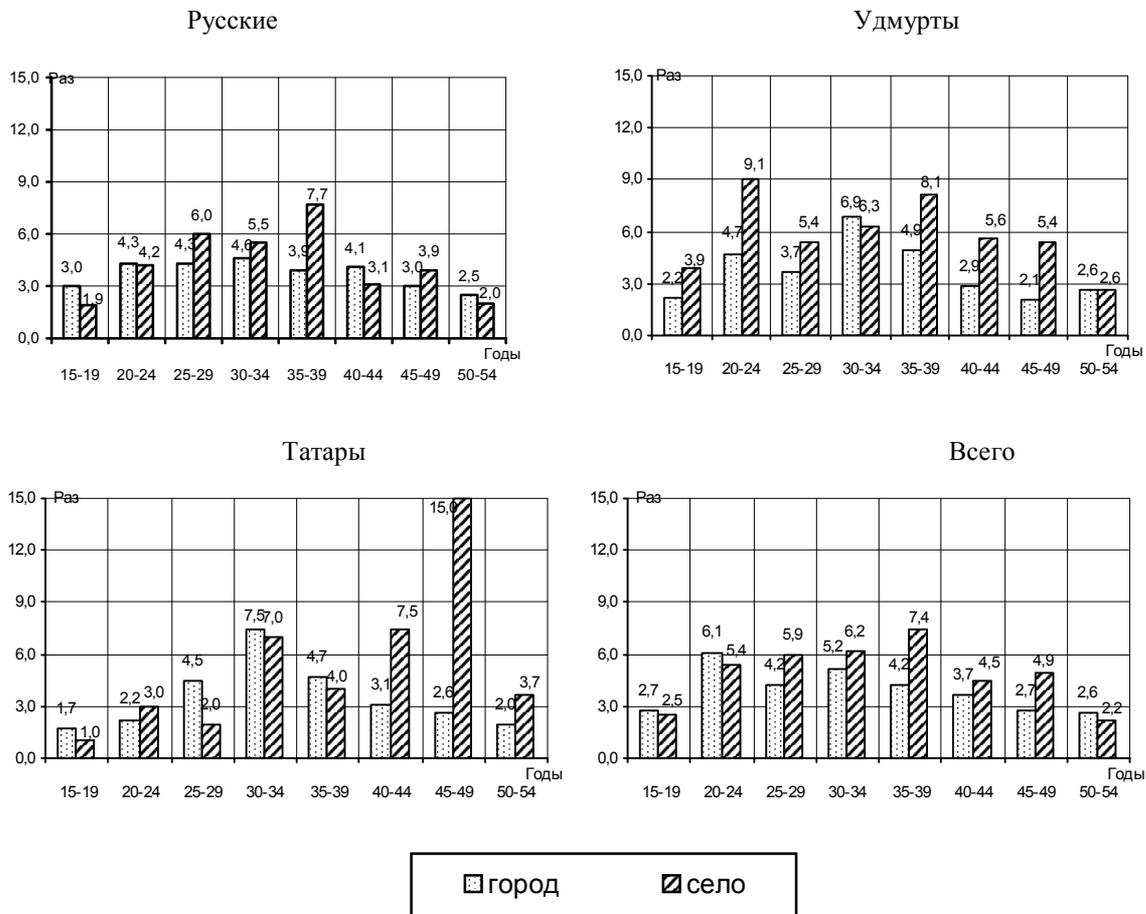

Рис. 1. Кратность превышения смертности мужчин по сравнению с женщинами различных национальностей в разные возрастные периоды (уровень смертности женщин принят за 1).

Но особенно оно было велико у мужчин-горожан в возрасте 30–39 лет и у русских, и у удмуртов. Обращает на себя внимание значительное превышение смертности мужчин-удмуртов в возрасте 20–24 лет, проживавших в сельской местности, по сравнению с женщинами (в 9,1 раза).

Нами были выявлены статистически достоверные различия в разрезе национальной принадлежности по двум классам причин смерти: болезням органов кровообращения (табл. 3), несчастным случаям, отравлениям и травмам (табл. 4).

Таблица 3

Частота смертности от болезней органов кровообращения населения основных национальностей трудоспособного возраста в 1996 г. (на 100 тыс.)

Территория	Женщины			Мужчины		
	Русские	Удмурты	p	Русские	Удмурты	p
Городское население	56,0	52,7	>0,05	287,6	240,9	<0,05
Сельское население	5,0	8,4	>0,05	11,1	17,9	<0,01
	62,1	42,2		313,3	217,8	
	12,6	7,7		25,7	16,6	

Мужчины-русские, проживавшие как в городских, так и в сельских поселениях, статистически достоверно ($p < 0,05$ и $p < 0,01$ соответственно) чаще умирали от сердечно-сосудистых заболеваний, чем мужчины-удмурты. Статистически достоверной разницы по этому классу болезней у женщин различных национальностей выявлено не было.

Таблица 4

Частота смертности от несчастных случаев, отравлений и травм населения основных национальностей трудоспособного возраста в 1996 г. (на 100 тыс.)

Территория	Мужчины			Женщины		
	Русские	Удмурты	р	Русские	Удмурты	р
Городское население	408,6	570,6	<0,001	90,3	108,1	>0,05
Сельское население	601,1	706,8	<0,05	137,2	91,4	<0,05

Частота смертности от несчастных случаев, отравлений и травм у мужчин трудоспособного возраста, проживавших в сельской местности, была приблизительно в 1,5 раза выше по сравнению с городскими, а смертность по этой причине мужчин-удмуртов статистически достоверно была выше как в городах ($p < 0,001$), так и в сельской местности ($p < 0,05$) по сравнению с мужчинами-русскими.

В то же время смертность по этой причине женщин-русских, проживавших в сельской местности, была статистически достоверно выше ($p < 0,05$) по сравнению с женщинами-удмуртками.

Анализ показателей смертности от наиболее частых причин по классу несчастных случаев, отравлений и травм у мужчин основных национальностей, проживавших в городской и сельской местности Удмуртской Республики (табл. 5), также выявил статистически достоверные различия.

Таблица 5

Частота смертности от внешних причин у мужчин основных национальностей в городских и сельских поселениях УР в 1996 г. (на 100 тыс. населения)

Причины смерти		Показатели смертности (на 100 тыс. населения)		р
		Русские	Удмурты	
Самоубийства	Город	136,0±7,6	222,1±17,3	<0,01
	Село	175,70±19,32 $p > 0,05$	244,5±17,6 $p > 0,05$	<0,01
Алкогольные отравления	Город	50,5±4,7	72,7±9,9	<0,05
	Село	91,0±13,7 $p < 0,01$	90,4±10,7 $p > 0,05$	>0,05
Транспортные несчастные случаи	Город	37,1±4,0	37,8±7,1	>0,05
	Село	61,8±11,4 $p < 0,05$	92,9±10,9 $p < 0,001$	<0,05
Убийства	Город	53,9±4,8	56,5±8,7	>0,05
	Село	59,3±11,2 $p > 0,05$	61,1±8,8 $p > 0,05$	>0,05

Как видно из табл. 5, статистически достоверно частота самоубийств у удмуртов, проживавших как в городской, так и в сельской местности была выше ($p < 0,01$), также как и частота алкогольных отравлений у удмуртов, проживавших в городских поселениях ($p < 0,05$), и транспортных травм, явившихся причинами смерти у удмуртов, проживавших в сельской местности ($p < 0,05$). Вместе с тем частота алкогольных отравлений и смертельных транспортных травм у мужчин русской национальности статистически достоверно была выше у селян ($p < 0,01$ и $< 0,05$), у мужчин удмуртской национальности транспортные травмы, ставшие причиной смерти, статистически чаще были в сельской местности ($p < 0,001$).

В структуре причин смерти от неестественных причин у женщин, проживавших в городской местности вне зависимости от национальной принадлежности, I ранговое место принадлежало убийствам (19,9%), II – самоубийствам (18,4%) и III – транспортным травмам и другим причинам (14,1%); проживавших в сельской местности: I – самоубийствам (34,1%), II – убийствам (19,0%) и III – всем другим причинам (12,7%).

Анализ показателей смертности от наиболее частых причин по классу несчастных случаев, отравлений и травм у женщин основных национальностей, проживавших в городской и сельской местности Удмуртии (табл. 6), не выявил статистически достоверных различий между группами ($p > 0,05$).

Частота смертности от внешних причин у женщин основных национальностей
в городских и сельских поселениях УР в 1996 г. (на 100 тыс.)

Причины смерти (на 100 тыс.)	Показатели смертности (на 100 тыс.)					
	Городские поселения			Сельские поселения		
	Русские	Удмурты	p	Русские	Удмурты	p
Самоубийства	16,7±2,6	19,9±5,1	>0,05	27,5±9,3	37,9±7,3	>0,05
Транспортные травмы	12,6±2,4	16,2±4,7	>0,05	5,2±3,7	8,4±3,5	>0,05
Убийства	18,1±2,8	18,9±5,1	>0,05	36,2±9,7	18,6±5,1	>0,05
Алкогольные отравления	8,6±1,9	12,2±4,1	>0,05	20,7±7,3	9,8±3,7	>0,05

Таким образом, в этнографических процессах в Удмуртской Республике в последнее десятилетие XX века произошли изменения: территориальные различия репродуктивного поведения женщин стали сближаться, однако к концу десятилетия еще сохранились, а этнические особенности стирались. Произошел значительный рост смертности трудоспособного населения УР, при этом во всех национальных группах показатели смертности мужчин значительно превысили смертность женщин. В ходе исследования было установлено, что мужчины-русские, как горожане, так и селяне, статистически достоверно чаще умирали от сердечно-сосудистых заболеваний и реже от внешних причин, чем мужчины-удмурты. Уровень смертности последних от самоубийств, в городах – от алкогольных отравлений и в сельских поселениях – от транспортных травм был статистически достоверно выше, чем у мужчин русских.

Выявленные закономерности позволили разработать предложения для коррекции медико-демографической ситуации в Удмуртии.

Литература и источники

1. Бондарская Г.А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. Социология. Этнология. – 1999. – Т. 8. – № 4. – С. 58–70.
2. Венедиктов Д.Д. Системный подход к преодолению кризиса в здравоохранении // Теоретические и прикладные проблемы современного здравоохранения и медицинских наук: Сб. науч. трудов / МПС Рос. Федерации, Департамент здравоохран. ВНИИ железнодорожной гигиены. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 21–44.
3. Ежова Н.Н. Об этнических особенностях младенческой смертности в Удмуртии / Н.Н. Ежова, В.Н. Савельев // Этнические проявления в характеристике здоровья детей и подростков в Удмуртии. – Ижевск, 1994. – С. 12–14.
4. Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. – 1999. – Т. 8. – № 4. – С. 22–34.
5. Комарова О.Д. Население России сквозь призму этнических процессов // Мир России. Социология. Этнология. – 1999. – Т. 8. – № 4. – С. 71–80.
6. Рыбаковский Л.Л. Миграционные процессы в СССР: новые явления / Л.Л. Рыбаковский, Н.В. Тарасова // Социс. – 1990. – № 7. – С. 32–42.
7. Стрелков Н.С. Исторические аспекты естественного движения коренного населения Удмуртии / Н.С. Стрелков, Н.Н. Ежова, Н.А. Кирьянов // Мониторинг здоровья населения и окружающей среды. Технология и информационные данные: Тез. докл. IX Междунар. симпозиума. – М., 2001. – С. 68–69.
8. Топилин А.В. Влияние миграции на этнонациональную структуру // Социс. – 1992. – № 7. – С. 31–42.
9. Чернышева И.В. Некоторые особенности демографического развития национальных групп населения Удмуртской Республики и задачи демографической политики // Этнический фактор и политика. История и современность: Тез. докл. Рос. науч.-практ. конф. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2000. – С. 92–95.
10. Чернышева И.В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике 1989–1999 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2001. – 246 с.

Государственная демографическая политика России начала XXI века

Исторический анализ показал, что до начала XXI в., т.е. в 90-е гг. XX в., никакой вообще демографической политики, отвечающей интересам населения и государства у российского правительства не было. Над этим вопросом в те годы в официальных кругах воцарилась плотная завеса молчания.

Причины этого крылись: во-первых, в том, что правительство РФ решало тогда совершенно иные стратегические задачи по созданию класса частных собственников и разгосударствлению экономики **любой ценой** и игнорировало неизбежные последствия; во-вторых, в том, что у правительства не было необходимых достоверных статистических данных, на основе которых при желании грамотная демографическая политика могла бы быть сформирована. Рекомендуемая ООН один раз в десять лет перепись населения в 1998, 1999 гг. не состоялась по причине отсутствия к этому вопросу элементарного внимания, а также кризисной финансовой ситуации – последствий так называемого дефолта. Критические же оценки оппозиции, освещавшей процесс нарастающей депопуляции, властями отвергались.

Правда, можно отнести к попыткам планирования в сфере размещения населения пресловутую программу переселения его части с территории «северов» в центр и на юг России, получившую в народе название «политики обезлюживания» северных регионов страны. На это переселение в течение 90-х гг. XX в. выделялись некоторые, впрочем, весьма незначительные средства. Апологетом этой политики являлся Егор Гайдар, бывший в первые годы становления буржуазной России (1991–1993) премьер-министром страны. Продолжение освоения богатых недр Севера, прежде всего, огромных запасов углеводородного топлива, при нем предполагалось осуществлять исключительно вахтовым методом.

Ныне очевидно, что эта политическая линия, направленная на ускоренную депопуляцию Русского Севера, на счастье не развилась далее зачаточного состояния и идеологически обанкротилась, так как противоречила всему ходу истории российского освоения Арктики и Сибири, а также современным стратегическим интересам Российской Федерации в приполярных, заполярных и арктических регионах. Однако и сейчас иногда создается впечатление, что эта порочная линия проводится некоторыми центральными и местными государственными органами «де факто». Происходит это оттого, что до сих пор государством не сформулирована новая четкая программа освоения приарктических и арктических просторов России.

Начало XX в. вместе со значительной персональной сменой правящей элиты принесло и кардинально иное отношение к трагическим демографическим процессам, поразившим Россию, к первым попыткам исправить сложившуюся критическую ситуацию.

Правда, первый официальный документ на эту тему, принятый в 2001 г. и называвшийся «Концепция демографического развития России на период до 2015 г.», хотя и провозглашал своей целью **стабилизацию численности населения и создание предпосылок его роста**, на самом деле являлся чисто умозрительным и пропагандистским документом. Никаких конкретных шагов (программ, планов, а главное, выделения финансов) на федеральном уровне в целях реализации этой концепции сделано не было. Та концепция и не могла получиться иной, так как не базировалась на необходимой научной статистике. Для ее получения предстояло провести перепись населения.

Такая перепись была с запозданием на четыре года подготовлена и проведена в октябре 2002 г. Именно этот период времени следует считать поворотом властных структур лицом к демографическим вызовам современности. И оценить этот поворот должно однозначно: лучше поздно, чем никогда. К методике, организации и итоговым цифрам Всероссийской переписи – 2002 была масса справедливых нареканий, но она, дала, наконец, более или менее точные и множественные срезы, охарактеризовавшие кризисную ситуацию в сфере российского народонаселения**.

К особенностям переписи отнесем то, что власти, ссылаясь на несовершенство компьютерных программ, обрабатывавших ее данные, не спешили представить населению результаты. На протяжении полутора – двух

* Репневский Андрей Викторович (Архангельск) – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Поморского государственного университета.

** Перепись осуществлялась на основе Федерального закона «О Всероссийской переписи населения» от 25 января 2002 г. Она была проведена в период с 9 по 16 октября 2002 г. Учет населения осуществлялся по состоянию на 0 часов 9 октября. Согласно Закону Всероссийская перепись населения – процесс сбора статистической информации, организованный по единой государственной статистической методологии на всей территории Российской Федерации в целях получения обобщенных демографических, экономических и социальных данных в отношении всех лиц, находящихся на определенную дату в стране.

лет итоги переписи представлялись публике небольшими дозами. И это тоже можно назвать определенной политической линией. Власти боялись возбудить волну недовольства населения, боялись дать сильную аргументацию в руки левой оппозиции, так как многие материалы переписи могли прозвучать обвинительным приговором государственной социальной политике 1990-х гг. и привести к провалу партии власти на последовавших вскоре после нее парламентских и президентских выборах. Итоги переписи свидетельствовали о том, что в результате приватизационных реформ 1990-х гг. так называемая «демографическая петля» все ту же затягивалась на шее России. Здесь будет кстати привести слова бывшего французского Президента В. Жискара Д'Эстена, произнесенные еще в 1978 г.: **«Общество, не способное обеспечить возобновление поколений, – преступно».**

На основе данных переписи в 2003–2004 гг. были составлены неутешительные, если не сказать больше – катастрофические, для России демографические прогнозы. По этим прогнозам между 2002 и 2050 гг. население России может сократиться почти на треть: со 143 до 100 млн. чел.. С таким населением, по мнению многих специалистов, было бы невозможно не только развивать экономику и осваивать территорию самого большого в мире государства, но даже удержать его от распада и захватов. Особенно сильно неблагоприятные изменения возрастного состава населения будут наблюдаться после 2012 г. Демографическая ситуация приобрела стратегическое геополитическое значение. Стало очевидно, что от направления ее развития во многом зависит судьба России XXI в.

С осмыслением результатов переписи во властные структуры стало, наконец, приходить понимание того, что ликвидировать последствия финансового дефолта и обеспечить экономический подъем, опираясь на долгосрочную сверхвыгодную энергетическую мировую конъюнктуру, можно куда легче и быстрее, чем исправить последствия игнорирования демографического планирования.

Следующий за завершением переписи период с начала 2003 по начало 2006 г. являл собой время раздумий и дискуссий общественности и власти на традиционную для России тему: «Что делать?».

Первоначально власти хотели найти такие волшебные меры, которые позволили бы, как по мановению волшебной палочки, исправить ситуацию и сделать это без серьезных дополнительных денежных затрат в сфере здравоохранения, образования, пропаганды и охраны семьи, охраны детства, материнства, старости, изменения миграционной политики. Власти страшились нового тура так необходимых обществу глубоких социальных реформ, да и пока не понимали, как их следует проводить. Прямо скажем, на все это им было жалко и денег, хотя финансовые средства у Кремля уже были. Как раз в это время так называемые «нефтедоллары» начинали вкладываться в специальные фонды (ценные бумаги США, а позже и ЕС) за рубежом, ими досрочно оплачивали долги России.

Дискуссии 2003 – начала 2006 гг. в сфере организации демографической политики показали, что надежды решить проблему без денег лежат в сфере ненаучной фантастики. В этом смысле был прав одиозный пессимист Анатолий Вишневский – директор Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Весной 2004 г. в интервью радиостанции «Эхо Москвы» он заявил, что «вряд ли можно ждать и в это, и в следующие десятилетия кардинального улучшения демографической ситуации в России, и, в частности, прекращения сокращения населения. Население будет продолжать сокращаться. И через 10 лет оно будет меньше, чем сейчас, и через 20 лет оно будет меньше, чем через 10 лет». Он справедливо исходил из того, что процесс исправления отрицательной демографической динамики даже при больших финансовых вложениях необычайно длителен и постепенен в силу специфики проблемы. Аналогичные мысли прозвучали лейтмотивом конференции «Семья, дети и демографическая ситуация в России», имевшей место в Москве 17 октября 2006 г. При этом участники конференции опирались на солидный международный опыт изучения таковых проблем. «Подавляющее большинство западных зарубежных специалистов в XX в. (П.Момберт, Л. Борткевич, М. Пульезе, Б. Берельсон, Х. Элдридж, В. Борри, Д. Гласс, Н. Кейфиц и др.) вообще крайне скептически оценивали возможности политики народонаселения повлиять на изменение демографической ситуации. Примеры позитивной оценки результатов реализованной политики встречаются в работах специалистов лишь небольшого числа стран: ЧССР (70-е гг.), СССР (80-е гг.), Франция, Китай. В ряде работ зарубежных экспертов отмечалось, что неэффективность политики народонаселения, возможно, объясняется **попытками добиться результатов при крайне низких затратах.** Чтобы влиять на демографическое поведение (на брачность и рождаемость) пособия, льготы и штрафы, фискальные (налоговые) и другие меры должны быть куда более масштабными, чем те, которые мы встречаем в практике ряда стран», говорилось на этой серьезной встрече демографов [1].

Вместо выделения средств на масштабные продуманные долгосрочные программы из налогов на «нефтедоллары» в правительстве обсуждались планы увеличения налогов с одиночек или бездетных пар. В результате в конце 2006 г. министр здравоохранения и социального развития РФ Михаил Зурабов предложил ввести налог на бездетность и сделать его основным из источников финансирования государственных программ по повышению рождаемости в РФ. В Думе министра поддержал Николай Герасименко – заместитель

председателя комитета Государственной думы по охране здоровья. Он сослался на то, что источник налогов может быть весьма значительным, так как в РФ насчитывается 21 миллион холостяков. По его словам, депутаты уже готовят законопроект о введении такого налога.

Кое-кто из представителей власти и парламентариев просто заклинал русских женщин рожать, чтобы довести уровень населения через 40 лет не до ста миллионов, согласно существующей тенденции, а до двухсот пятидесяти, а то и четырехсот миллионов человек. Но и это оказалось пустой тратой времени.

Кроме того, с начала нового века в России все более популярным становился тезис правительства о «социальной ответственности» бизнесменов. Средства массовой информации не без подсказки сверху начали широкую кампанию, расписывая исторические традиции царской, дворянской, купеческой и промышленной благотворительности XIX – начала XX в. «Социально ответственные» олигархи современности, типа Потанина, также повсеместно превозносились и награждались специальными званиями и призами. В рамках упования на эту «ответственность» в качестве панацеи от всех социальных бед пропагандировалась не просто широкая благотворительность, бизнесменов, в частности, убеждали значительно повысить оплату труда тем работникам, которые имели большие семьи. Бизнес в массе своей не воспринял этих установок, так как они противоречат законам рыночной экономики. Хозяевам фирм, заводов было просто невыгодно принимать на работу таких сотрудников, тем более, что государство не предполагало никаких налоговых льгот за такую благотворительность.

В ходе дискуссий была озвучена любезная властным ушам идея увеличения пенсионного возраста для женщин и мужчин до 62 и 65 лет соответственно. Однако проведение ее в жизнь было отложено в связи с чрезвычайным сокращением длительности жизни российского населения, значительная часть которого до такого возраста просто не доживала. Сегодня в России неприлично высокая смертность в трудоспособном возрасте, особенно у мужчин в возрасте между 20 и 50 годами. Она растет на протяжении 40 лет, и устойчивого прогресса в этом направлении пока нет. Попытка ввести новые пенсионные стандарты несомненно могла и может привести к взрыву социального недовольства. С этим Дума, президент и правительство вынуждены пока считаться, хотя эта крайне непопулярная мера неизбежна в ближайшем политическом будущем России. В Западной Европе, например, в Италии процесс повышения пенсионного возраста уже начал.

Первой реальной попыткой обеспечить прогресс в снижении смертности стало внесение изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». Закон вступил в силу с 1 января 2006 г. Важнейшим из изменений стало повышение минимально необходимого уставного капитала для производителей и продавцов этилового спирта и алкогольной продукции. Благодаря этой мере многие продавцы суррогатной продукции ушли с рынка. Были значительно повышены требования к качеству производству спиртов.

В результате только за первые шесть месяцев 2006 г. смертность в России снизилась на 53 тыс. чел. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, или на 4%, а за весь год понижение смертности составило даже 7%*. Смертность же собственно от алкогольных отравлений снизилась в 2006 г. на 18%. Насколько эта тенденция устойчива, покажет будущее. Эти результаты перекликаются с периодом Горбачевских ограничений на спиртное середины 80-х гг. XX в.

Изучался исторический опыт и опыт соответствующей политики других стран**. В частности, общественностью обсуждался ирландский вариант, вариант использования резкого сокращения детей и связанных

*А в Архангельской области уровень смертности в 2006 г. снизился даже на 8,9%. (Уровень смертности снизился на 8,9% // А/я 500. – 2007. – № 17 (133). – 1 авг. – С. 6.

Еще римский император Август пытался проводить политику стимулирования рождаемости через привилегии семьям с детьми и наказание холостяков. Принуждая граждан репродуктивного возраста к длительному супружеству, Август надеялся получать от семей большее потомство. В XVII–XVIII вв. многие европейские государства проводили политику, направленную на поощрение деторождения. Политика включала: поощрение вступления в брак премиями, введение налогов на холостяков, снижение налогов при раннем вступлении в брак, освобождение от налогов лиц с большим количеством детей, другие привилегии семьям с детьми. В современной Европе расходы на семейные, материнские и детские пособия составляют в среднем 2% или чуть более от ВВП (в некоторых странах до 4%). Денежные выплаты, налоговые льготы и различные услуги, которые призваны уменьшить издержки родителей на воспитание детей, образуют так называемый «пакет детской помощи**». Такой «пакет» существует во всех странах ЕС и показывает, в какой мере общество разделяет с семьей ответственность за детей. Совокупный доход семьи повышается за счет снижения семейных налогов и взносов, а также получения предоставляемых семьям с детьми прямых пособий и льгот, как зависящих, так и не зависящих от доходов. Он понижается в результате дополнительных затрат на воспитание детей (медицинское обслуживание, присмотр за маленькими детьми, дошкольное воспитание, обучение в школе и некоторые другие). Многие страны предоставляют семьям с детьми налоговые льготы, которые иногда составляют значительную часть всего «пакета». Опыт европейских стран свидетельствует о том, что высокий уровень затрат на семейные пособия (в сочетании с другими мерами поддержки семей с детьми) может способствовать подъему рождаемости. Анализ семейной политики в европейских странах показывает, что **срабатывают не только пособия, а комплекс мер, куда входят весомые пособия.**

с ними трат для вкладывания высвобождающихся сумм в развитие оставшейся молодежи. Для Ирландии такая политика оказалась успешной. Вложения в молодежь себя оправдали. Ирландия – одна из самых благополучных стран современной Европы.

Политика в отношении иммиграции в нашей стране также долгое время была пущена на самотек. Предлагаемые изменения сводились лишь к более точному учету иммигрантов, к попыткам привлечь их в регионы, где это выгодно с точки зрения интересов хозяйства страны, а не самих иммигрантов. Но тогда нужно было бы вновь устанавливать многократные региональные коэффициенты оплаты труда, что было возможно только в государствах с социалистической плановой экономикой. Рыночная экономика, бизнес там, где это выгодно, и так платит, но таких мест мало. Государство же пока не имело желания само доплачивать или освобождать от налогов предприятия и людей в отдаленных труднодоступных регионах. В связи с этим скажем, что и до сих пор у власти нет вразумительной долгосрочной программы нового освоения Сибири и Дальнего Востока в рыночных условиях*.

Подобные раздумья и дискуссии непомерно затягивались, а реальные программы не принимались, хотя и содействовали созданию необходимых проектных законодательных наработок. Пока до 2006 г. шли эти дискуссии, ситуация продолжала ухудшаться. Данные последних лет демонстрировали нарастание демографического кризиса, увеличение масштабов убыли населения [2]. Разница между числами умерших и родившихся в России составила за 2000–2005 гг. более 5,3 млн. чел., из которых лишь 1,2 млн. были компенсированы миграционным приростом, а убыль составила более 4,1 млн. чел. (около 700 тыс. чел. в среднем за год!).

Демографическая ситуация продолжала ухудшаться и в 2005 г. По данным Госкомстата, за 2005 г. число рождений снизилось на 42,4 тыс. чел., а число умерших увеличилось на 7,7 тыс. чел. Так называемая «естественная убыль» (разница между числами смертей и рождений) составила 843,0 тыс. чел., что было на 50,1 тыс. больше, чем в 2004 г. Несколько возросший миграционный прирост (107,4 тыс. чел.) компенсировал 12,7% естественной убыли населения (в 2004 г. – 39,4 тыс. чел., что дало лишь 5% замещения естественной убыли). В итоге абсолютное сокращение населения составило за 2005 г. примерно 735,5 тыс. чел., что было на 41,1 тыс. чел. больше, чем в 2004 г. В 2005 г. население России сокращалась ежедневно в среднем более чем на 2 тыс. чел. Рождалось 4000 чел., умирало 6300 чел., миграция компенсировала всего около 300 чел. из 2300 чел. естественной убыли. В результате масштаб убыли населения остается угрожающе большим. Ежегодно Россия теряет по численности 0,5% населения – целую область (примерно равную Псковской или Костромской), или республику (Карелию или Марий Эл), или крупный город (такой, как Краснодар).

За время дискуссий существенно **сократился вклад семейных и материнских пособий в доходы семьи, их значимость для поддержки семьи с детьми.** Расходы на семейные и материнские пособия в 1996 г. составляли 1,6% от объема денежных доходов населения (в 1991 г. – 3,6%), а в 2004–2005 гг. – около 0,5%. Отношение расходов на семейные и материнские пособия к величине ВВП сократилось с 1% в 1996–1997 гг. до менее чем 0,3% в 2005 г., вместо предусмотренного «Основными направлениями государственной семейной политики» роста до 2,2% (в 1991 г. этот показатель составлял около 2,1%). В соответствии с рекомендациями ЮНИСЕФ (Детского Фонда ООН) эти расходы должны составлять не ниже 2,5–3,5% от ВВП (в зависимости от доли детского населения и уровня детской бедности).

Такое положение являлось неизбежной платой за многолетнее бездействие властей в условиях стремительно ухудшавшейся с конца 1980-х гг. демографической динамики. Президент В.В. Путин признал в майском 2006 г. Послании Думе: **«Мы неоднократно поднимали эту тему, но по большому счету мало что сделали».** Действительно, сам президент России в ежегодно каждом из своих посланий все больше внимания уделял проблемам падения численности населения страны. Это особенно было заметно в Послании 2005 г. Но практических законодательных и финансовых выводов из этих громких заявлений президента властные структуры делать не спешили. В мае 2006 г. В.В. Путин специально отметил правительственную **«медлительность и непростительный бюрократизм в решении задач подобного рода».** В нем демографическая проблема была названа **«самой острой проблемой современной России»**, демографическая ситуация – **«критической».**

Только после последнего резкого и требовательного президентского Послания Думе в мае 2006 г. тема демографической ситуации переходит из рук оппозиции, для которой она была сильным элементом критики, в руки властных структур. Последние, подстегиваемые президентом (как плотину прорвало), заговорили о ней разом, признали проблему в качестве центральной и с середины 2006 г. объявили о первых мерах по формированию новой, сильной, рассчитанной на длительную перспективу демографической политики. Сначала эти меры казались разовыми и случайными, но постепенно ее кирпичики складывались в некую систему.

*В начале XX в. у нас была столыпинская программа – она была основана на экономических стимулах, но сработала лишь в незначительной степени. В 1930-е гг. была опробована и другая программа – сталинская – ГУЛАГа.

Остов этой системы впервые прорисован в ежегодном Послании Президента России Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. В Послании–2006 было четко и ясно сказано, что нам **нужна программа, рассчитанная на срок не менее 10 лет**, необходима активная политика по трем названным направлениям: **снижение смертности, эффективная миграционная политика, повышение рождаемости**.

До этого момента в правительственных стратегиях преобладала точка зрения, что все проблемы будущего будут решаться привлечением в Россию сотен тысяч и даже десятков миллионов (до 70 млн.) мигрантов. Однако в Послании из уст главы государства прозвучало иное: «...**никакая миграция не решит наших демографических проблем**, – сказал он, – **если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для роста рождаемости здесь, у нас, в нашей собственной стране. Не примем эффективных программ поддержки материнства, детства, поддержки семьи**».

Предложенная в Послании–2006 программа стимулирования рождаемости, а именно: меры поддержки молодых семей, поддержки женщин, принимающих решение родить и вырастить ребенка, направлена, прежде всего, на **стимулирование рождения хотя бы второго ребенка**, на устранение тех причин, которые сегодня мешают молодым семьям свободно и ответственно принимать решения, особенно если речь идет о втором или третьем ребенке. Эти причины тоже были названы: низкие доходы; отсутствие нормальных жилищных условий; сомнение в собственных возможностях обеспечить будущему ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование, а иногда и сомнение в том, сможет ли она его прокормить. Среди предложенных Президентом мер – **принципиально новая мера «базовый материнский капитал»**. В практике семейной политики РФ аналога такого рода мерам не было.

Для реализации Послания–2006 Президент потребовал от Федерального Собрания и Правительства РФ в срочном порядке до конца 2006 г. подготовить и внести изменения в законодательство, просчитать все необходимые на реализацию мер расходы, включить эти расходы в бюджет 2007 г.

С этого момента законодательные решения в области демографического планирования посыпались, как из рога изобилия. Начался следующий этап быстрого формирования такой политики и складывания ее в определенную систему, национальную программу чрезвычайной важности. Назовем в хронологическом порядке некоторые важные законодательные акты 2006 и 2007 гг. из этой сферы.

22 июня 2006 г. вышел Указ Президента № 637, утвердивший Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом и план мероприятий по ее реализации. На реализацию этой программы в проекте бюджета на 2007 г., внесенном в Государственную Думу, предусмотрено 17 млрд. руб., отобрано 12 пилотных регионов*.

Через месяц, 18 июля 2006 г. Президент В.Путин подписал распоряжение «О президиуме Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике». Последняя была специально выделена в названии данного государственного органа, чтобы подчеркнуть ее приоритетность. В состав Совета теперь входят видные ученые-демографы А. И. Антонов, А. А. Рыбаковский, В. В. Елизаров. Руководить Советом, курировать демографическую политику был назначен Первый зам. Председателя правительства Дмитрий Медведев. 7 декабря 2006 г. Президент Путин подписал федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей», принятый Госдумой 15 ноября 2006 г. и одобренный Советом Федерации 24 ноября. Согласно документу, с 1 января 2007 г. увеличено пособие для матерей, не подлежащих обязательному социальному страхованию (в том числе обучающихся на очном отделении и уволенных в отпуска по беременности и родам в связи с ликвидацией организаций)**.

В июле 2007 г. правительство России увеличило максимальный размер пособия по беременности и родам. Отныне он будет составлять не 16,125 тыс. руб., как раньше, а 23,4 тыс. рублей, хотя эта мера коснется очень

*Указ за № 637, в частности, предусматривает за счет средств федерального бюджета: компенсацию расходов на переезд участников Программы и членов их семей к будущему месту проживания; компенсацию расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории России; выплату единовременного пособия на обустройство («подъемных»); выплату ежемесячного пособия при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной деятельности в период до приобретения гражданства РФ (но не более чем шесть месяцев); предоставление компенсационного пакета участника указанной Программы, включающего в себя учреждения образования, социального обслуживания, здравоохранения и услуги государственной службы занятости.

**Размеры выплат по этому закону составили: до 1,5 тыс. руб. по уходу за первым ребенком и до 3 тыс. руб. по уходу за вторым и последующими детьми. Для матерей, которые подлежат обязательному социальному страхованию, устанавливаются пособия в размере 40% их среднего заработка. При этом максимальный размер пособия не мог превышать 6 тыс. руб., минимальный по уходу за первым ребенком составил 1,5 тыс. руб., за вторым и последующими – 3 тыс. руб. Размеры этих пособий будут определяться с использованием районных коэффициентов. Закон также вел новый вид пособия – единовременную выплату при передаче ребенка на воспитание в семью. Его размер – 8 тыс. руб., и им сможет воспользоваться один из усыновителей, опекунов или попечителей.

немногих женщин, в основном так называемых «бизнес-леди» и чиновниц высокого ранга. На заседании правительства РФ чиновники одобрили поправки в федеральный закон «О бюджете Фонда социального страхования РФ на 2007 год»*. Дополнительные расходы Фонда социального страхования (ФСС) на увеличение максимального размера пособия по беременности и родам составят в 2007 г. приблизительно 151,4 млн. руб. Средства на повышение выплат уже заложены в бюджете ФСС на 2008 г., а соответствующие поправки в закон Госдума примет осенью 2007 г. Согласно данным ФСС РФ, в 2006 г. пособие по беременности и родам получали около 1,35 млн. работающих женщин**.

31 декабря 2006 г. Президент России Владимир Путин, подписал Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», принятый Государственной Думой 22 декабря 2006 г. и одобренный Советом Федерации 27 декабря 2006 г. (Отметим на редкость быстрое прохождение этого закона по всем властным инстанциям). Согласно документу, женщинам (или в случае смерти матери — отцу), родившим (усыновившим) второго и последующего ребенка после 1 января 2007 г., предоставляется материнский семейный капитал в размере 250 тыс. руб. Данные средства могут быть направлены на дополнительное образование ребенка, приобретение жилья или формирование накопительной части своей пенсии. Средства для реализации данного федерального закона, в случае его принятия, потребуются только к 2010 г. и, следовательно, будут заложены в проекте федерального бюджета именно на этот год. Оценочно указанные расходы составят 131,8 млрд. руб., сообщается в финансово-экономическом обосновании. Закон вступает в силу с 1 января 2007 г. и действует до 31 декабря 2016 г. Размер единовременного пособия будет постоянно индексироваться с учетом инфляции. «В 2010 году женщины, родившие ребенка даже 1 января 2007 года, получают не 250 тысяч, а, возможно, и все 300», — сообщил 1 ноября 2006 г. в интервью «Газете» министр здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов. На 20 июля 2007 г. на Архангельском Севере выдано всего 743 сертификата такого рода [3]. Пока цифра невелика и серьезного влияния на улучшение демографической статистики оказать не может.

Обобщая материал, скажем, что помимо предусмотренных законодательством РФ мер поддержки семьи, материнства и детства, в 2007 г. предусматривается выделение дополнительно из федерального бюджета еще 32,3 млрд. руб. С учетом же расходов, которые запланированы на материнский базовый капитал, обязательства федерального бюджета по демографическому проекту составят около 165 млрд. руб. ежегодно. С учетом расходов на повышение пособий по уходу за ребенком, осуществляемых за счет средств фонда социального страхования, расходы на программу составят более 220 млрд. руб., или почти 0,7% ВВП. А в перспективе следует стремиться к общепринятому в ЕС уровню в промежутке от 2 до 4% от ВВП.

Важным достижением 2007 г. явилась проводящаяся диспансеризация детей, находящихся в домах ребенка, детских домах, школах-интернатах системы здравоохранения, образования, а также учреждениях системы исполнения наказаний, активная иммунизация детей и взрослых. Только в Архангельской области 429189 жителей проходят дополнительную иммунизацию в рамках реализации нацпроекта «Здоровье». Из них 109580 детей и 319609 взрослых. Серьезную роль играет восстановление диспансеризации работников бюджетной сферы. Всего ее пройдут 42 тыс. жителей области. Многие — впервые с советских времен [4].

Совокупные расходы на демографическую политику в 2007 г. (221,2 млрд. руб.) превысят расходы на реализацию четырех национальных проектов, вместе взятых (206,3 млрд. руб.), в два раза превысят объем Инвестиционного фонда (110 млрд. руб.). Сумму пока следует признать недостаточной для решения проблемы, хотя к 2010 г. правительством и планируется истратить на решение демографических проблем до 600 млрд. руб.!

Во-первых, 60% этих средств составляет материнский капитал, выплаты по которому начнутся только с 2010 г., а пока польза от них будет только банкирам.

Во-вторых, доля государства в финансировании национальных проектов из года в год будет падать, хотя эти суммы в сравнении, например, с тратами ЕС и США на поддержку своих сельхозпроизводителей и так выглядят незначительными и должны бы из года в год наращиваться.

В третьих, показателям не декларированных, а действительных интересов власти и капитала стали средства, запланированные на подготовку зимней олимпиады 2014 г. в Сочи. Только из бюджета страны на ее нужды за предшествующие годы будет выделено 12 млрд. долл. или более 300 млрд. руб. Нет сомнения, что эта цифра еще будет неоднократно пересматриваться в сторону значительного ее повышения, ибо смета

*Эти изменения были разработаны в соответствии с постановлением Конституционного суда РФ от 22 марта 2007 г. Документ предписывал произвести перерасчет декретных денег. Теперь же, после заседания правительства, одобренные изменения в законе позволят компенсировать женщинам утраченный заработок в максимально возможной степени.

**По закону работодатель обязан выплачивать женщине, находящейся в декретном отпуске, пособие в размере 100% ее заработка. До 2002 г. размер пособия не ограничивался, однако некоторые работодатели специально принимали на работу беременных женщин, устанавливая им завышенную зарплату, чтобы получать из ФСС солидные суммы денег. Впервые «потолок» был установлен в 2002 г. — он составлял 11,7 тыс. руб. В 2005 г. он был повышен до 12,48 тыс. руб., а в 2006 г. — до 15 тыс. руб. Проблема ограничения выплат коснулась всего 1,5% будущих мам.

расходов составлялась в спешке. Но уже сейчас она превышает годовую стоимость всех национальных проектов в образовании, здравоохранении, доступном жилье и АПК. Не могут с олимпийским бюджетом соперничать и демографические программы. Между тем зимняя олимпиада в Сочи, хотя событие и престижное, но продлится всего пару недель. Для развития массового спорта, а, значит, для укрепления здоровья народа и массового туризма олимпиада почти ничего не даст. Сочинская олимпиада и новые гостиничные, спортивные и развлекательные комплексы вокруг нее – удовольствие для **очень богатых** людей, готовых платить за удовольствия несколько тысяч долларов в сутки.

Кроме того, принятый на три года вперед госбюджет, очевидно, не делает упора на проблемы демографии и тесно связанные с ней национальные проекты. Так, на государственные нужды и силовые структуры в 2008–2020 гг. выделяется в шесть раз больше средств, чем на развитие всей российской экономики и в 30 раз больше, чем на развитие аграрно-промышленного комплекса.

Собственно же на демографическом фронте 2008 г. нас ждет большое пропагандистское наступление, направленное на восстановление **культы семьи**, который был в значительной степени растерян в последние 15 лет. Именно эту цель преследует объявление Президентом 2008 г. **Годом семьи в России**. Думаю, что соответствующие установки будут настоятельно рекомендованы рекламодателям и режиссерам телевизионных каналов, постановщикам художественных фильмов, прокатчикам, издательствам, школам, Программы типа «Дом-2» или «Блондинка в шоколаде» вряд ли будут поощряться. Летом 2007 г. Минкультуры по представлению Генеральной прокуратуры принял решение о спонсировании на конкурсной основе преимущественно производства тех отечественных фильмов, постановку спектаклей и выпуск телепередач, создатели которых откажутся от фактической пропаганды курения и наркомании в своей художественной продукции. А такое спонсирование весьма важно и составляет в среднем от 30 до 60% общих расходов на создание фильмов, спектаклей и телепрограмм. Резко увеличится на телевидении и количество познавательных и развивающих программ для молодежи. Правительство постарается оказать давление и на рекламодателей особенно на телевидении. Сюжеты рекламы, по мнению директора Института демографических исследований Игоря Белобородова, «обязаны приступить к формированию позитивных моделей демографического поведения» [5]. Пока же сюжеты рекламы, эксплуатирующие в своих целях изображения семьи, на 47% используют контент с матерями-одиночками. Еще 27% представлены полной, но однодетной семьей. Двухдетная семья представлена только в 12% рекламных роликов. Затем идет визуальный ряд с отцами-одиночками – 10,4% роликов. Многодетные семьи рекламные технологи практически игнорируют! Игорь Белобородов полагает, что 5-10 лет иного информационного контента рекламы могут сыграть не меньшую роль в преодолении демографического кризиса, чем сотни миллиардов рублей и множество льгот.

Очевидно, что отдельные законодательные акты 2006 и 2007 и последующих годов действительно должны быть превращены в цельную вразумительную концепцию и соответствующую ей программу. С этой целью еще в 2006 г. демографической теме было посвящено специальное заседание Совета Безопасности, и президент дал поручение подготовить связную концепцию демографической политики в России. В 2007 г. проект новой концепции демографической политики на срок до 2025 г. был подготовлен. Разработчиком долгосрочной (до 2025 г.) концепции является Минздравсоцразвития. Об этом в апреле 2007 г. сообщил первый заместитель председателя правительства РФ Дмитрий Медведев в интервью программе «Воскресное Время» Первого канала. 5 июня 2007 г. в правительстве снова обсуждались предложения, направленные на повышение рождаемости. Концепцией предусмотрен целый комплекс мер. Они касаются и стимулирования рождаемости, и совершенствования системы пособий, и улучшения жилищных условий для молодых семей. Очень важная мера – совершенствование системы дошкольных учреждений, потому что многие семьи откладывают рождение детей из-за грозящих серьезных перерывов в профессиональной деятельности. И вообще, задача социальных гарантий семье очень важна. Очень важный блок связан с пропагандой и социальной рекламой, формированием позитивного имиджа семей с несколькими детьми. Также широкий комплекс мер концепции направлен на снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Серьезные проблемы есть и в миграционной политике. Поэтому в опережение концепции, в 2006 г. была принята программа «Соотечественники», направленная на содействие их переселению в России. Однако возможности реализации ее пока ограничены.

Концепция демографической политики имеет конечной целью поднять суммарный коэффициент рождаемости с нынешних 1,3 до уровня 1,8-1,9 к 2025 г., т.е. на срок ее действия. Ее еще следует утвердить.

Мы привели примеры лишь некоторых вновь принятых законов в основном из сферы одного демографического направления – повышения рождаемости*. На самом же деле таких взаимосвязанных направлений

*После провозглашения Сочи столицей зимней Олимпиады–2014 в совхозах курорта увеличилось на 30% количество разводов. Сотрудники местных ЗАГСов связывают такую статистику прежде всего с тем, что бывшие супруги надеются получить несколько квартир. «Уже не разводим. Мы проанализировали ситуацию и сделали вывод – в этом совхозе в последнее время развелась каждая третья семья», – сказала сотрудница адлерского ЗАГСа. Грядущая Олимпиада увеличила

несколько. Назовем некоторые. Это: 1. Организационные меры. 2. Поощрение миграции. 3. Снижение смертности. 4. Повышение рождаемости. 5. Дешевое жилье. 6. Пропаганда здорового образа жизни и полноценного питания. 7. Общее повышение жизненного уровня всех слоев населения.

Выводы таковы. Во-первых, у нынешнего руководства страны появилась, наконец, демографическая политика, концептуальное формирование которой должно завершиться в 2007 г. Впредь есть смысл обсуждать то, насколько эффективна или неэффективна эта политика (например, в сфере решения жилищного вопроса через ипотеку и понижения стоимости строительства домов). Мы можем обсуждать то, насколько она отражает действительные интересы населения, оценивать процент предвыборного пиара во всех этих мерах. Но мы не можем отрицать главного – нам есть что обсуждать, ибо демографическая программа существует пока как сумма конкретных мероприятий, и на нее тратятся нарастающие денежные средства. Планируемые меры долгосрочны и есть надежда, что они не выродятся в очередную крикливую и пустую кампанию. Это положительно.

Во-вторых, тревожит то, что вся активная демографическая линия тесно завязана на инициативы одного человека – Президента В.В.Путина. Это вообще беда современной российской политической системы – пока высшее государственное лицо с высокой трибуны не прикажет заниматься той или иной проблемой, чиновники, думцы-единороссы ее в упор не видят. А вдруг новый президент сочтет, что демографический кризис не столь опасен и прикажет перебросить средства и силы на иное направление? Например, на борьбу с нарастающими техногенными катастрофами! Что тогда? О демографии забудем?

В-третьих, есть и еще одна опасность. Мы знаем, что в принятом на последующие три года бюджете России обнаружилась тенденция перекладывания финансового бремени в выполнении национальных проектов с центрального на местный уровень. Для многих дотационных регионов это означает невозможность их осуществления. Не ожидает ли в ближайшей перспективе та же участь и демографическую программу? На это у общественности пока нет ответа. Зато есть свое мнение, которое следует навязать депутатам всех уровней и правительству.

Это значит, что научная общественность, политическая оппозиция не должны расслабляться. Их дело добиваться усиления эффективности сформированной демографической политики. Где требуется, оказывать поддержку усилиям всех ветвей власти, где требуется, вносить новые предложения по ее совершенствованию и конструктивно критиковать ложные шаги правительства.

Литература и источники

1. По материалам конференции «Семья, дети и демографическая ситуация в России», Москва, 17 октября 2006 г. 20.10.2006. Валерий Елизаров – руководитель Центра по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова.
2. По материалам конференции «Семья, дети и демографическая ситуация в России», Москва, 17 октября 2006 г. 20.10.2006. Валерий Елизаров – руководитель Центра по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова.
3. Материнский капитал: деньги в силе // А/я 500. – 2007. – №17 (133). – 1 авг. – С. 1.
4. Уровень смертности снизился на 8,9%; Против гепатита В привито более четырех тысяч детей // А/я 500. – 2007. – № 17 (133). – 1 авг. – С. 6.
5. РБК daily. 06.06.2007.

не только количество разводов, но и подняла цены на российском курорте. Буквально с утра 5 июля, когда Сочи обрел статус олимпийской столицы, цены на сочинскую недвижимость подскочили на 30%. В Красной Поляне цены на недвижимость и земельные участки выросли в несколько раз, передает «Вести.ру». «Еще в 2005 сотку земли на Красной Поляне можно было купить за 10 тысяч долларов сейчас она оценивается в 100 тысяч, но никто не продает», – говорит один из жителей Красной Поляны.

«Русский крест» демографии и северный рынок труда
(на примере Архангельской области)**

Россия в конце XX – начале XXI в. столкнулась с целым рядом демографических проблем. Если еще десять лет назад в нашей стране о демографии говорили лишь единицы, то сегодня о демографических проблемах знают практически все. Концепция демографической политики в Российской Федерации была утверждена в 2001 г. В 2006 г. в своем Послании Федеральному Собранию В.В.Путин заявил о первоочередной необходимости «решить именно эту, ключевую для всей страны проблему». К началу 2007 г. во многих субъектах Российской Федерации уже были приняты региональные концепции демографической политики. О ситуации народонаселения в России стали писать не только ученые, но и журналисты.

Чем же обусловлена важность решения данной проблемы?

О тесной взаимосвязи жизнеспособности и развития государства с устойчивым демографическим развитием в разное время говорили многие выдающиеся мыслители: Платон, Аристотель, Ш. Монтескье, М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев и другие ученые.

Демографические факторы оказывают влияние на темпы экономического, технологического и социокультурного прогресса общества. В непосредственной зависимости от них находится и рынок труда. Также следует учитывать, что в каждом отдельном регионе демографическая ситуация имеет свои особенности. Они есть и у северных территорий, но являются пока малоизученными.

Анализ динамики численности населения страны свидетельствует, что за период с 1991 по 2007 г. население Российской Федерации сократилось на 5 млн. 600 тыс. чел. или на 3,9%. (рис. 1). Причем темпы убыли населения, начиная с 1995 г., находятся на высоком уровне (1997 г. – 0,34%; 1999 г. – 0,68%; 2001 г. – 1,48%; 2003 г. – 2,35%; 2005 г. – 3,36%; 2007 г. – 3,9%; расчеты к 1995 г.).

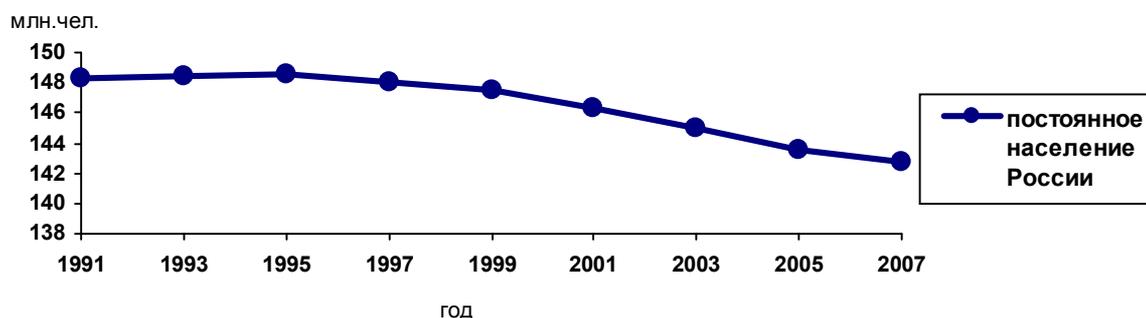

Рис. 1. Динамика показателей численности населения России 1991–2007 гг. [1].

Согласно прогнозу Госкомстата России, население страны к 2016 г. сократится по сравнению с началом 2001 г. на 10,4 млн. чел. или на 7,2% и составит 134,4 млн. чел. [2].

В России одним из главных факторов снижения численности населения является депопуляция (естественная убыль населения, обусловленная превышением числа умерших над числом родившихся). В 1992 г. впервые за послевоенное время был зафиксирован факт превышения смертности над рождаемостью (рис. 2).

*Аверьянова Светлана Алексеевна (Архангельск) – студентка 2-го курса Поморского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, факультета управления города Архангельска; Морева Татьяна Владимировна (Архангельск) – студентка 5-го курса Поморского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, факультета управления города Архангельска. Научный руководитель д.и.н., проф. С.И.Шубин.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 07-01-48102а/С «Трансформация власти в процессе укрупнения регионов России в 1918–1930-е годы (на примере Европейского Севера)».

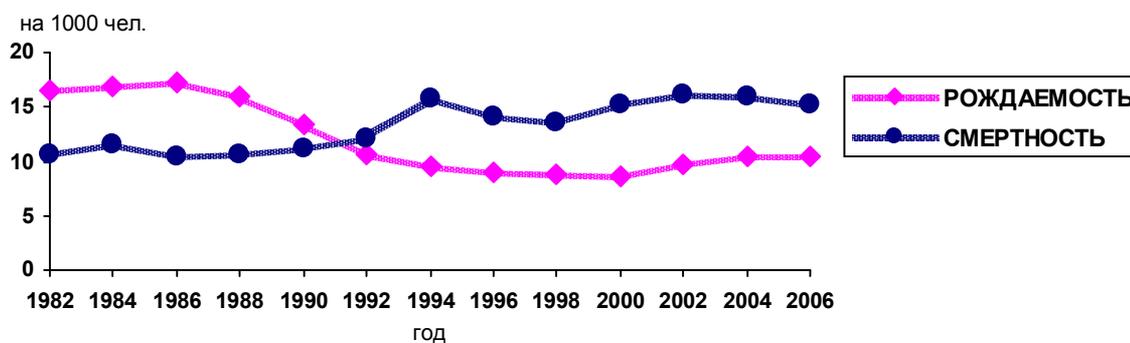

Рис. 2. «Русский крест» – динамика коэффициентов рождаемости и смертности в России 1982–2007 гг. (в расчёте на 1000 чел.) [3].

На графике видно, что в этом году кривые рождаемости и смертности пересеклись – это явление в науке и публицистике получило название «Русский крест». Хотя в полной мере назвать его «русским» нельзя. Спад рождаемости характерен и для развитых государств Европы: в XX веке с естественной убылью населения столкнулись многие страны. Прежде всего, это связано с общемировым процессом, так называемого демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Однако коэффициент смертности в РФ значительно выше, чем в европейских странах (рис. 3).

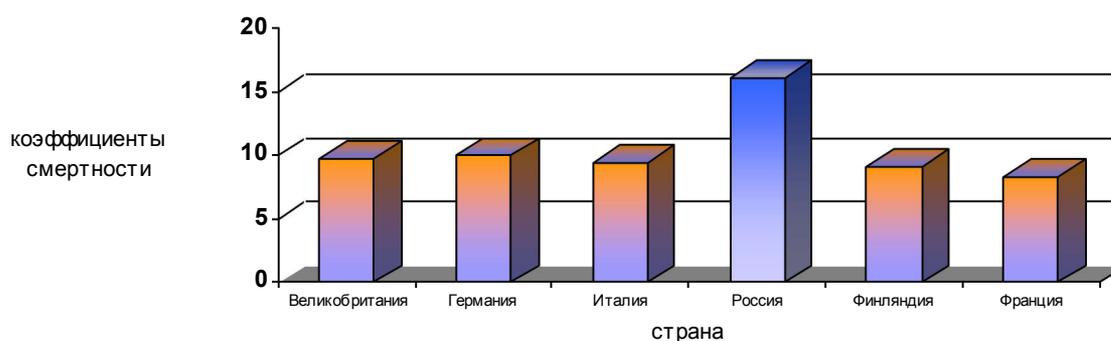

Рис. 3. Показатели коэффициентов смертности в РФ и странах Западной Европы в 2004 г. (в расчёте на 1000 чел.) [4].

Некоторое снижение смертности в России в 1995–1998 гг. оказалось непродолжительным. С 1999 г. смертность в стране вновь начала расти. На это время приходится пик потерь населения, которые затронули все возрастные группы.

Что касается причин смертности, то на первом месте, как в России, так и на Западе, стоят сердечно-сосудистые заболевания. Онкологические заболевания в странах Европы занимают второе место, в России до 2006 г. они находились только на третьем. По статистическим данным на 1 января 2007 г., количество умерших от новообразований на 1/10 процента превысило число тех, кто погиб от внешних причин. В нашей стране огромное количество людей умирает в результате несчастных случаев, отравлений, травм: в 2006 г. более 42 тыс. чел. покончили жизнь самоубийством, 33 тыс. умерли от отравления алкоголем [5]. Большую проблему представляет смертность от болезней, непосредственно связанных с ухудшением санитарного контроля, снижением качества питания и т.п.

Население страны не доживает до «старческих» причин смерти, и в этом также состоит отличие России от развитых стран Европы [6].

Негативное влияние на демографические процессы в России в начале 1990-х гг. оказали социально-экономические реформы конца 1980-х гг. Материальное поощрение рождаемости и антиалкогольная кампания второй половины 1980-х гг. привели к «досрочному выполнению» многими семьями своих планов по рождению детей [7]. Подъем рождаемости был результатом государственной политики, следствием которой стал пересмотр родителями сроков рождения, но не числа детей. Репродуктивные планы большинства семей

в России остались неизменными. Поэтому демографическая волна, возникшая в 1980-е гг., явилась одной из причин падения рождаемости в первой половине 1990-х гг.

Другой причиной стала социально-политическая нестабильность 1990-х гг., которая способствовала «отложению» рождения не только второго и третьего ребенка, но даже первого [8]. Снижение рождаемости обусловило сокращение численности детей в данной возрастной структуре и стало главной причиной демографического старения населения.

Процессы старения населения характерны и для развитых стран. Однако в этих странах основным фактором старения является увеличение продолжительности жизни на фоне улучшения качества жизненных условий, а в России – снижение рождаемости при невысоком уровне жизни [9]. С 2000 г. в России численность людей пенсионного возраста стала превышать численность детей и подростков в возрасте до 16 лет (рис. 4).

Данное соотношение отрицательно сказывается на трудовой структуре населения. По мнению специалистов, изменение численности выходящих за пределы трудоспособного возраста к 2015 г. будет почти в два раза превышать численность вступающих в трудоспособный возраст [11].

Оценить сложившуюся демографическую ситуацию и подчеркнуть особую важность решения демографических проблем можно на примере Архангельской области, которая является одним из ресурсных районов России. Данный регион заселялся и осваивался в связи с разработкой крупнейших в европейской части страны лесных массивов. Экстенсивный характер освоения природных богатств Севера потребовал массового привлечения трудовых ресурсов из других районов страны, что обусловило высокие темпы роста численности населения в советские годы.

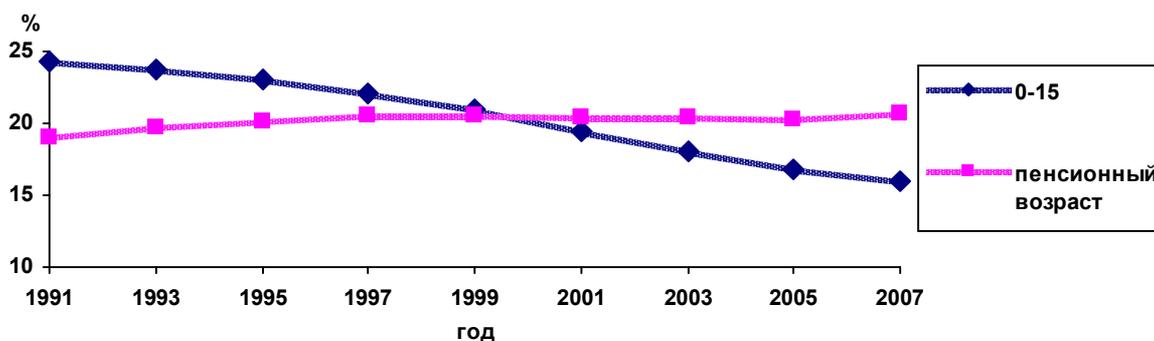

Рис. 4. Динамика численности населения РФ по возрастным группам 1991–2007 гг., % [10].

Однако в 1991 г. впервые за всё послевоенное время в Архангельской области было отмечено прекращение роста численности населения (рис. 5). В России в целом данная тенденция стала прослеживаться только с 1996 г., так как естественную убыль компенсировал миграционный прирост.

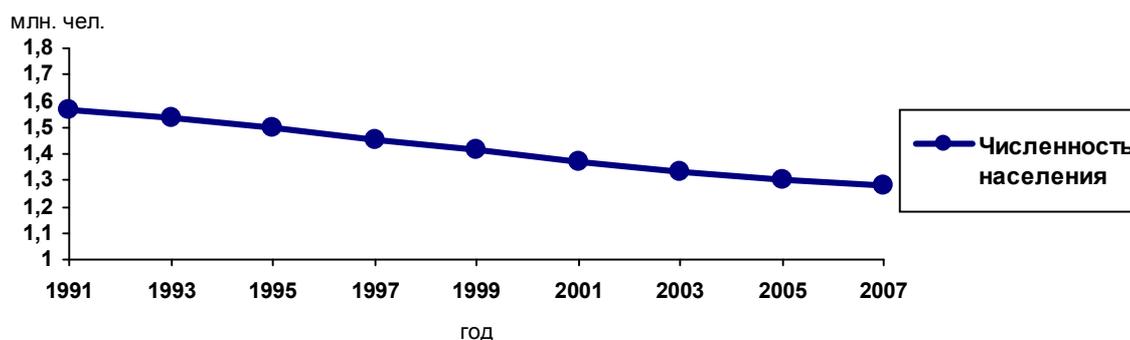

Рис. 5. Динамика численности населения Архангельской области 1991–2007 гг. [12].

На начало 2007 г. численность постоянного населения Архангельской области составила 1 млн. 280 тыс. чел. [13]. Согласно данным «Центра стратегических разработок «Северо-Запад», по пессимистическому варианту развития демографической ситуации численность населения Архангельской области до 2025 г. может сократиться более чем на 500 тыс. чел., или на 33,7% [14].

В области (как и по России в целом) в 1992 г. смертность впервые превысила рождаемость (рис. 6).

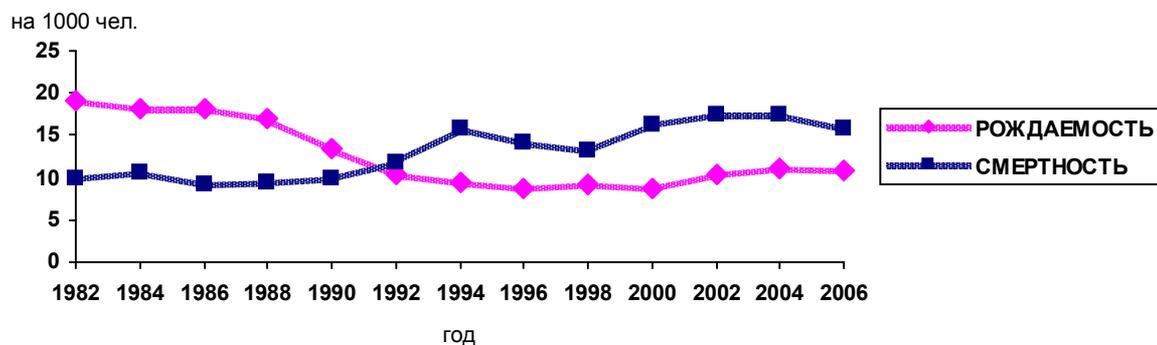

Рис. 6. «Русский крест» – динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности в Архангельской области 1982–2006 гг. (в расчёте на 1000 чел.) [15].

Причём «демографический крест» в Архангельской области намного глубже по сравнению с общероссийским, что наглядно видно из табл. 1.

Таблица 1

Динамика показателей рождаемости и смертности в РФ и Архангельской области 1982–2006 гг.

Показатели		1982 г.	1986 г.	1990 г.	1994 г.	1998 г.	2002 г.	2006 г.	Изменение показателей 2006 г. по сравнению с 1982 г., %
Рождаемость (на 1000 чел.)	РФ	16,6	17,2	13,4	9,6	8,8	9,7	10,4	-37,4
	Архангельская область	19,2	18,2	13,5	9,4	9,1	10,4	10,9	-43,3
Смертность (на 1000 чел.)	РФ	10,7	10,4	11,2	15,7	13,6	16,2	15,2	42
	Архангельская область	10	9,1	9,8	15,9	13,3	17,5	15,8	58

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что темпы снижения уровня рождаемости в Архангельской области за указанный период выше, чем по России в целом. Аналогичные тенденции были выявлены и по показателям смертности.

За период с 1991 по 2007 г. население Архангельской области сократилось на 288 тыс. чел. (на 18,4%). Приведенные данные свидетельствуют о существенной разнице в темпах убыли населения России (на 3,9%) и Архангельской области (на 18,4%). Важно отметить, что среди причин данного дисбаланса не только естественная убыль населения, но и интенсивный миграционный отток.

Миграция населения из региона, начавшаяся в 1991 г. и до сих пор превышающая приток населения в область, еще больше обостряет демографическую ситуацию (табл. 2). Это является специфической проблемой именно районов Севера, так как в России в целом сальдо миграции продолжает оставаться положительным.

Таблица 2

Динамика миграционной убыли Архангельской области 1990–2006 гг., тыс. чел. [16]

1990 г.	1991 г.	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2001 г.	2003 г.	2005 г.	2006 г.
+2339	-5568	-6217	-4673	-7613	-8443	-4857	-5414	-5044	-4920

За период с 1991 по 2006 г. миграционная убыль по области составила 92194 чел. Регион ежегодно теряет от 0,3 до 0,56% населения. Причем, наибольшую часть выбывшего населения составляют люди трудоспособного возраста (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика миграционных процессов по возрастным группам в РФ и Архангельской области 2000–2005 гг. (в расчёте на 1000 чел.) [17]

Возраст	2000 г.		2001 г.		2002 г.		2003 г.		2004 г.		2005 г.	
	РФ	А.обл.										
Моложе трудоспособного	0,32	-0,85	0,07	-0,63	0,08	-0,58	0,03	-0,68	0,01	-0,53	0,09	-0,49
Трудоспособный	1,04	-3	3,3	-2,5	0,37	-2,5	0,2	-2,9	0,18	-2,72	0,5	-3,01
Старше трудоспособного	0,28	-0,5	0,15	-3,6	0,14	-0,37	0,07	-0,47	0,09	-4,3	0,15	-0,35
Миграционная убыль/прирост	1,64	-4,4	0,56	-3,5	0,6	-3,5	0,6	-4	0,28	-3,68	0,75	-3,86

Северные территории покинули и продолжают покидать граждане, которые адаптированы к жизни в суровых условиях и имеют определенную квалификацию. Север теряет свое постоянное население. Отток населения моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов происходит более высокими темпами, чем людей старшего поколения, и не компенсируется притоком на Север соответствующих возрастных групп.

Резкое падение рождаемости и миграционный отток населения преимущественно трудоспособного возраста привели к усилению процесса демографического старения. За период с 1991 по 2007 г. средний возраст жителей области вырос на 4,43 года (с 33,31 до 37,74 г.) [18]. Вследствие чего возникает опасность дефицита рабочей силы и увеличения экономической нагрузки на трудоспособное население.

Перспективы развития экономики региона напрямую связаны с динамикой численности населения моложе трудоспособного возраста. Именно этой категории граждан предстоит прийти на смену «старым кадрам» на предприятия области. Однако, начиная с 1991 г., численность данной группы населения неуклонно снижается (рис. 7). Данная тенденция отражена в табл. 4.

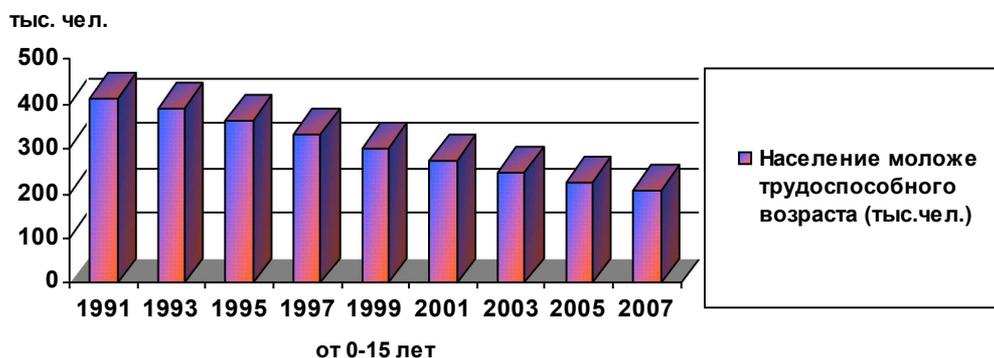

Рис. 7. Динамика численности населения Архангельской области моложе трудоспособного возраста 1991–2007 гг., тыс. чел. [19].

Таблица 4

Динамика рождаемости и прогноз численности школьников, студентов до 2015 г. (Архангельская область) [20]

Возраст	Годы	Убыль числа родившихся по сравнению с 1985 г.	Убыль школьников	Убыль студентов, учащихся ПТУ
0	1990	- 5361		
1	1991	- 7966		
2	1992	- 10487		
3	1993	- 12672		
4	1994	- 12437		
5	1995	- 13302		
6	1996	- 13668		
8	1998	- 13665	- 7966	
9	1999	- 14722	- 10487	
10	2000	- 14427	- 12672	
11	2001	- 13487	- 12342	
12	2002	- 13220	- 13302	
13	2003	- 13476	- 13668	
14	2004	- 13177	- 14041	
15	2005		- 13665	
16	2006		- 14722	
17	2007		- 14427	- 5360
18	2008			- 7966
19	2009			- 10487
20	2010			- 12672
21	2011			- 12342
22	2012			- 13302
23	2013			- 13668
24	2014			- 14041
25	2015			- 13665

В связи со снижением рождаемости в Архангельской области в 1990-е гг. прогнозируется недостаток трудовых ресурсов. С 2007 г. сокращение численности студентов и учащихся возрастет, следовательно, поступление рабочей силы будет уменьшаться.

Недополучение рабочей силы на рынке труда региона будет способствовать росту нагрузки на экономически активное население, численность которого в Архангельской области год от года также уменьшается (рис. 8).

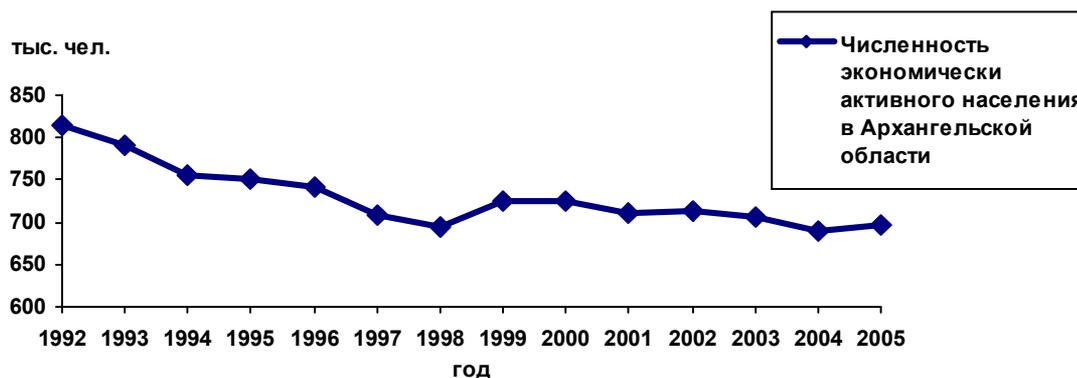

Рис. 8. Динамика численности экономически активного населения в Архангельской области (15-72 лет) 1992–2005 гг. [21].

Север – особая территория: это прежде всего исторически сложившийся надежный тыл России, обладающий основными природными ресурсами. Для эффективного развития и функционирования северных территорий наличие рабочей силы необходимо. Поэтому последствия демографического сдвига опасны не только для Севера, но и для дальнейшего развития страны.

Россия, занимая почти 13% мировой суши, граничит с густонаселенными государствами. Но при территориальном богатстве является слабозаселенной. Усиление несоответствия между численностью населения России и размером ее природно-ресурсного потенциала является важнейшей стратегической угрозой.

Общее сокращение численности населения, снижение его плотности до параметров в три раза меньших среднемировых создадут опасность ослабления политического, экономического и геополитического влияния России в мире, возможность дополнительных притязаний на территорию Российской Федерации [22].

Реальная экономическая угроза связана с уменьшением численности населения рабочих возрастов и, соответственно, с сокращением экономического потенциала страны. В условиях ожидаемого экономического роста сокращение численности экономически активного населения (по оценке Минэкономразвития России на 3,2 млн. чел. за 2006–2010 гг.) вызовет дефицит рабочей силы [23].

Поэтому результаты проведенного исследования дают основание утверждать, что решение демографической проблемы в нашей стране является одной из приоритетных задач устойчивого развития государства.

Литература и источники

1. Демографический ежегодник России. 2006: Статистический сборник РОССТАТ. – М., 2006. – С. 20.
2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года. – п. II.
3. Демографический ежегодник России. 2006: Статистический сборник РОССТАТ. – М., 2006. – С. 66; Естественное движение населения Российской Федерации за 1990–2002 годы: Статистический сборник РОССТАТ. – М., 2005. – С. 2.
4. Демографический ежегодник России. 2006: Статистический сборник РОССТАТ. – М., 2006. – С. 551.
5. Естественное движение населения РФ за 2006 г. Статистический бюллетень РОССТАТ. – М., 2007. – С. 15.
6. Метелёв С.Е. Перспективы социально-экономического развития страны и смена модели ее участия в международных процессах трудовой миграции. – Омск: Типография ИП Долгов Р.Н., 2006 – С. 16.
7. Демографическая ситуация в Республике Коми // Вопросы статистики. – 2007. – № 5. – С. 80.
8. Бреева Е. Б. Основы демографии: Учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2005. – С. 26.
9. Демографическая ситуация в Республике Коми // Вопросы статистики. – 2007. – № 5. – С. 79.
10. Сводные таблицы о численности населения по полу и возрасту за 1991–2003 гг. Архангельскстат; Демографические ежегодники России за 2003–2006 гг.: Статистические сборники РОССТАТ. – М., 2003–2006.
11. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года. – п. II.
12. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2005 году: Статистический сборник РОССТАТ. – М., 2006. – С. 45.
13. Сводные таблицы о численности населения по полу и возрасту на 01.01.2007 г. Архангельскстат.

14. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Человеческий и социальный потенциал как фактор освоения природных ресурсов в Северном регионе // Институт управления, права и повышения квалификации Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Итоги года. 2005. – Архангельск: РПК «Принт-Мастер», 2005. – С. 41.
15. Численность и естественное движение населения Архангельской области: Статистический сборник РОССТАТ. – Архангельск, 1998. – С. 28.; Российский статистический ежегодник. 2006: Статистический сборник РОССТАТ. – М., 2006. – С. 103.
16. Динамические ряды по численности населения и механическому приросту в разрезе городов и поселков городского типа с 1989–1998 гг.: Статистические сборники Архангельскстат.
17. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2000–2005 гг.: Статистические сборники Росстат.
18. Сводные таблицы о численности населения по полу и возрасту за 1991–2007 гг. Архангельскстат.
19. Сводные таблицы о численности населения по полу и возрасту за 1991–2007 гг. Архангельскстат.
20. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Человеческий и социальный потенциал как фактор освоения природных ресурсов в Северном регионе // Институт управления, права и повышения квалификации Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Итоги года. 2005. – Архангельск: РПК «Принт-Мастер», 2005. – С. 43.
21. Труд и занятость Архангельской области. 2006 г.: Статистический сборник Архангельскстат.
22. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года. – п. III.
23. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года. – п. III.

Развитие сети учреждений дошкольного образования в Республике Коми

В решении демографических проблем общества, отдельного региона или семьи, в частности, не последнюю роль играют инфраструктурные факторы. Среди последних важнейшее место занимают учреждения, связанные с воспитанием детей дошкольного возраста.

Опыт семьи, приобретенный при рождении первого ребенка: по выхаживанию до полутора лет, затем по устройству и воспитанию его в детском дошкольном учреждении (далее – ДДУ), определения в начальную школу (специальную или обычную), – сказывается на ее дальнейших репродуктивных установках.

В доперестроечный период развития страны дефицит мест в детских дошкольных учреждениях был сопутствующим явлением всей жизни общества. Устроить ребенка в детский сад, да еще по близости к дому или к месту работы было запредельной мечтой каждого гражданина страны Советов.

К началу 1990-х гг. вечная проблема детских дошкольных учреждений, казалось, была решена. Многие детские сады стали пустовать. Наполняемость детских дошкольных учреждений детьми, особенно в сельской местности, достигла критического уровня, их содержание стало крайне затратным и нерентабельным. На фоне крайне низкой заработной платы и высокой платы за содержание детей в детских дошкольных учреждениях многие родители просто были не в состоянии оплачивать содержание своих детей в ДДУ. На этом фоне возникла иллюзия, что существующее количество детских дошкольных учреждений больше не нужно. Собственники детских дошкольных учреждений – государство, муниципалитеты и крупные корпорации – стали спешно избавляться от «непрофильных» затрат: они начали либо продавать ДДУ, либо переводить их в другой статус. Последнее обстоятельство сегодня уже играет и может сыграть в дальнейшем весьма позитивную роль. Государство и муниципалитеты предпринимают действия по возвращению бывших ДДУ своему статусу.

К началу 2008 г. в Республике Коми функционировали 577 образовательных учреждений, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования. Большую часть этих учреждений составляют дошкольные образовательные учреждения – 503, из них государственные и муниципальные – 501; находившиеся на балансе предприятий, учреждений и организаций различных форм собственности – 11.

В дошкольных учреждениях насчитывалось 49,4 тыс. мест, численность воспитанников – 50,2 тыс. В расчете на 100 мест загрузка дошкольных учреждений в 2007 г. была самой высокой за последние годы – 102 чел., в том числе в городской местности – 112, в сельской – 76. Перегруженность детских садов в городской местности была в 78% учреждений, в сельской – в 16%.

В городах и поселках городского типа (22%), а в сельских районах (84%) детских дошкольных учреждений имели или нормативную загрузку, или были не заполнены на 100%.

Охват детей в возрасте 1-6 лет дошкольным воспитанием в учреждениях республики был выше, чем в среднем по стране и на начало 2008 г. составил 79% (по России – 59%). Потребность населения в услугах дошкольных образовательных учреждений растет с каждым годом. В течение 2007 г. получили путевки в дошкольные образовательные учреждения 9840 детей и еще 10840 детей состояли на учете для определения в дошкольные учреждения. Самая большая очередь наблюдалась в дошкольные образовательные учреждения Сыктывкара (5057 детей), Ухты (1922 ребенка), Сосногорска (722 ребенка), Усинска (710 детей), самая маленькая – в Сысольском районе (один ребенок), отсутствует очередь только в Печоре.

В целом за 2001–2007 гг. число дошкольных образовательных учреждений сократилось с 636 до 577 или на 59 единиц. Однако охват детей в возрасте 1-6 лет дошкольными образовательными учреждениями не изменился и остался на уровне 80%. Одновременно произошло увеличение «наполняемости» или «уплотненности» детьми детских дошкольных учреждений. Так, численность детей, приходившихся на 100 мест в дошкольных учреждениях, увеличилась с 84 до 102, в том числе в городских поселениях – с 95 до 112 и в сельской местности – с 63 до 76 (табл. 1).

*Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, зав. отделом социально-экономических проблем ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН; Фаузер Галина Николаевна (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН.

Таблица 1

Основные показатели по дошкольным образовательным учреждениям
Республики Коми за 2001–2008 гг., на начало года

Показатели	Год							
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число дошкольных образовательных учреждений, единиц	636	633	621	603	597	582	581	577
в том числе:								
в городских поселениях	264	262	254	250	252	253	251	247
в сельской местности	372	371	367	353	345	329	330	330
Численность детей в детских дошкольных образовательных учреждениях, тыс. человек	48,0	47,7	47,0	46,5	47,7	48,0	49,1	50,2
в том числе:								
в городских поселениях	36,2	36,5	36,1	36,1	37,3	38,1	38,9	39,9
в сельской местности	11,8	11,2	10,9	10,4	10,4	9,9	10,2	10,3
Охват детей в возрасте 1-6 лет дошкольными образовательными учреждениями, %	80	81	79	79	81	79	78	79
в том числе:								
в городских поселениях	81	82	81	81	83	83	81	–
в сельской местности	77	77	74	73	73	68	69	–
Численность детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных учреждениях	84	85	86	88	91	93	95	102
в том числе:								
в городских поселениях	95	96	96	99	100	101	104	112
в сельской местности	63	63	63	65	68	70	71	76

Из табл. 1 можно сделать вывод, что в период с 2001 по 2008 г. произошло уменьшение количества дошкольных образовательных учреждений, сохранился охват детей в возрасте 1-6 лет на уровне 80%, при этом произошло увеличение «нагрузки» на одно детское место, особенно в городской местности.

Существенно увеличилась «нагрузка» на одно детское место в городах Сыктывкар (с 1,04 до 1,25), Сосногорск (с 1,05 до 1,17), Ухта (с 0,98 до 1,18), Усинск (с 0,99 до 1,10). В сельской местности численность детей на 100 мест в дошкольных учреждениях составила 76, что значительно ниже норматива. Ниже всего нагрузка в Удорском районе, где на 100 мест приходится всего 48 детей, в Усть-Куломском районе – 64, в Ижемском – 76; Сысольском – 77 детей и т.д. Самая высокая нагрузка на дошкольные образовательные учреждения в Княжпогостском районе – 113, в том числе по городской местности – 118, а по сельской – 95, что обусловлено наличием в районе г. Емвы (табл. 2).

Таблица 2

Численность детей на 100 мест в дошкольных учреждениях
по городам и районам Республики Коми за 2001–2008 гг., на начало года

Территория	Год									
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008		
								Всего	Город	Село
Республика Коми	84	85	86	88	91	93	95	102	112	76
Сыктывкар	104	107	107	112	76	119	123	125	125	116
Воркута	78	81	81	85	98	86	85	95	95	–
Вуктыл	72	70	74	72	120	81	76	91	98	58
Инта	90	102	89	88	92	86	85	94	102	47
Печора	72	75	72	71	107	75	79	105	110	77
Сосногорск	105	96	107	105	73	112	117	117	119	102
Усинск	99	104	105	110	69	107	108	110	119	70
Ухта	98	101	102	105	82	109	112	118	119	88

Территория	Год									
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008		
								Всего	Город	Село
Районы										
Ижемский	67	63	56	63	114	65	66	76	–	76
Княжпогостский	68	75	81	77	98	82	98	113	118	95
Койгородский	68	69	69	71	99	83	91	89	–	89
Корткеросский	88	77	81	87	83	92	90	84	–	84
Прилузский	63	68	67	71	104	78	82	83	–	83
Сыктывдинский	74	73	74	73	111	80	82	90	–	90
Сысольский	64	66	69	67	114	72	71	77	–	77
Троицко-Печорский	54	50	60	65	106	75	80	93	101	83
Удорский	55	44	44	43	168	47	48	48	51	45
Усть-Вымский	83	85	82	83	104	81	86	86	92	64
Усть-Куломский	57	59	60	60	109	58	60	64	–	64
Усть-Цилемский	87	80	80	100	77	100	100	86	–	86

Чтобы понять, что происходило с обеспеченностью потребности населения в учреждениях дошкольного образования, необходимо проанализировать ряд показателей. За анализируемый период времени увеличилась численность детей устроенных и нуждающихся в устройстве в дошкольные образовательные учреждения с 11243 до 20680 или на 183,9%; численность детей устроенных в дошкольные образовательные учреждения увеличилась с 7123 до 9840 детей или на 138,1%; в это же время численность детей, нуждающихся в устройстве в дошкольные образовательные учреждения, увеличилась с 4120 до 10840 или на 263,1%. Коэффициент ожидания места в дошкольное образовательное учреждение увеличился с 0,37 до 0,52, соответственно коэффициент устроенности детей снизился с 0,63 до 0,48. То есть можно отметить, что за анализируемый период времени шло явное ухудшение обеспеченности населения местами в ДДУ (табл. 3).

Таблица 3

Устройство детей в дошкольные образовательные учреждения
Республики Коми за 2001–2008 гг., чел., на начало года

Показатели	Год							
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность детей, устроенных в дошкольные образовательные учреждения	7123	8592	8848	8771	9489	9515	10028	9840
Численность детей, нуждающихся в устройстве в дошкольные образовательные учреждения	4120	3292	3829	5483	7257	7040	8095	10840
Численность детей, устроенных и нуждающихся в устройстве в дошкольные образовательные учреждения	11243	11884	12677	14254	16746	16555	18123	20680
Коэффициент устроенности детей в дошкольные образовательные учреждения	0.63	0.72	0.70	0.62	0.57	0.57	0.55	0.48
Коэффициент ожидания места в дошкольные образовательные учреждения	0.37	0.28	0.30	0.38	0.43	0.43	0.45	0.52

По-разному складывается ситуация с обеспеченностью родителей местами в детские дошкольные учреждения в разрезе отдельных городов и районов. Это зависит от двух факторов: от сложившейся демографической динамики за последние 15-20 лет и от развитости социальной инфраструктуры, сформированной в прежние годы. Есть города и районы, где была создана достаточная сеть учреждений дошкольного образования, но демография свела на нет прежние усилия. С одних территорий население «съехало», оставив свободными места в детских дошкольных учреждениях, а в других, наоборот, миграция усилила давление на сеть учреждений дошкольного образования.

В 2007 г. коэффициент ожидания места в дошкольные образовательные учреждения был выше республиканского уровня в Сыктывкаре, Сосногорске, Ухте (табл. 4).

Устройство детей в дошкольные образовательные учреждения
по городам и районам Республики Коми за 2001–2008 гг., на начало года

Территория	Коэффициент ожидания места в дошкольные образовательные учреждения				Коэффициент устроенности детей в дошкольные образовательные учреждения			
	2001 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2010 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Республика Коми	0,37	0,43	0,45	0,52	0,63	0,57	0,55	0,48
Сыктывкар	0,17	0,55	0,56	0,67	0,83	0,45	0,44	0,33
Воркута	–	–	–	0,03	–	1,0	1,0	0,97
Вуктыл	0,15	0,19	0,45	0,43	0,85	0,81	0,55	0,57
Инта	0,50	0,57	0,56	0,52	0,50	0,43	0,44	0,48
Печора	–	–	–	–	1,0	1,0	1,0	1,0
Сосногорск	0,56	0,57	0,57	0,55	0,44	0,43	0,43	0,45
Усинск	0,10	0,19	0,21	0,50	0,90	0,81	0,79	0,50
Ухта	0,01	0,39	0,55	0,63	0,99	0,61	0,45	0,37
Районы								
Ижемский	0,74	0,44	0,30	0,29	0,26	0,56	0,70	0,71
Княжпогостский	0,25	0,45	0,41	0,40	0,75	0,55	0,59	0,60
Койгородский	0,15	0,12	0,09	0,19	0,85	0,88	0,91	0,81
Корткеросский	0,28	0,52	0,45	0,32	0,72	0,48	0,55	0,68
Прилузский	–	0,20	0,32	0,42	1,0	0,80	0,68	0,58
Сыктывдинский	0,37	0,52	0,50	0,51	0,63	0,48	0,50	0,49
Сысольский	–	–	–	0,01	1,0	1,0	1,0	0,99
Троицко-Печорский	–	0,20	0,33	0,35	1,0	0,80	0,67	0,65
Удорский	0,63	0,46	0,48	0,20	0,37	0,54	0,52	0,80
Усть-Вымский	0,49	0,53	0,51	0,52	0,51	0,47	0,49	0,48
Усть-Куломский	0,33	0,33	0,36	0,48	0,67	0,67	0,64	0,52
Усть-Цилемский	0,43	0,49	0,41	0,44	0,57	0,51	0,59	0,56

По обеспеченности местами в детские дошкольные учреждения (коэффициент устроенности детей) лучшее положение имели Воркута, Печора, Усинск, а также Ижемский, Княжпогостский, Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сысольский, Троицко-Печорский, Удорский, Усть-Куломский и Усть-Цилемский районы.

Говоря об обеспеченности родителей местами в учреждения дошкольного образования, следует принять во внимание ряд обстоятельств: численность детей, нуждающихся в устройстве в дошкольные образовательные учреждения сильно завышена по причине того, что в очередь становятся мамы, едва узнав у гинеколога о своей беременности; одновременно можно записаться в несколько садиков; ребенка можно отдать не в полтора года, а в три с лишним. Часть родителей, подав заявление, на самом деле никогда не отдадут ребенка в дошкольное образовательное учреждение, а устроят его либо в частный детский садик, либо наймут няню, предпочитая домашнее воспитание ребенка.

Необходимо вести учет численности детей, нуждающихся в устройстве в дошкольные образовательные учреждения по возрастам и с какого возраста родители собираются устраивать своего ребенка в детский садик. Такой учет сделает потребность в ДДУ более обоснованной и не такой «страшной». Во многих регионах России созданы централизованные службы учета и распределения мест в учреждения дошкольного образования.

В Республике Коми за период с 2001 по 2008 г. увеличилась численность детей в дошкольных образовательных учреждениях с 48,0 до 50,2 тыс. чел., или на 104,6%. В рассматриваемый период времени шло постоянное уменьшение численности и доли детей до полутора лет, посещающих садики; оставалась практически стабильной численность и доля детей от 1,5 до 3 лет. Одновременно увеличилась численность с 36,1 до 39,0 тыс. чел. и доля детей, посещающих детские сады в возрасте старше трех лет – с 75,0% до 77,6% (табл. 5).

По-разному складывается ситуация с охватом детей в разрезе городов и районов республики. Наибольший охват детей на начало 2008 г. имели города Сыктывкар и его Эжвинский район, Вуктыл и Ухта, районы – Княжпогостский, Койгородский, Прилузский и Усть-Вымский (табл. 6).

Таблица 5

Распределение детей в дошкольных образовательных учреждениях Республики Коми за 2001–2008 гг., по возрасту на начало года

Возраст детей	Год							
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008*
Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях – всего, тыс. чел.	48,0	47,7	47,0	46,5	47,7	48,0	49,1	50,2
В том числе:								
до 1,5 лет включительно	0,9	1,0	1,1	1,1	1,1	0,8	0,7	0,0
от 1,5 до 3 лет	11,0	10,7	10,9	11,1	11,9	12,5	12,1	11,2
3 года и старше	36,1	36,0	35,0	34,3	34,7	34,7	36,3	39,0
в том числе в % от общей численности:								
до 1,5 лет включительно	2,0	2,1	2,4	2,4	2,3	1,7	1,4	0,0
от 1,5 до 3 лет	23,0	22,4	23,2	23,9	25,0	26,0	24,6	22,4
3 года и старше	75,0	75,5	74,4	73,7	72,7	72,3	73,9	77,6

* В 2008 г. группы: менее одного года, от одного до трех лет, от трех лет и старше.

Таблица 6

Охват детей в возрасте 1-6 лет детскими дошкольными учреждениями по городам и районам республики Коми на начало 2008 г., %

Территория	Всего	В том числе по возрасту					
		1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет	6 лет
Республика Коми	76,6	25,8	78,9	87,1	90,3	91,9	85,2
Сыктывкар	81,2	20,7	81,1	90,5	94,7	101,1	95,6
Воркута	72,7	25,7	74,9	81,5	86,8	84,8	79,3
Вуктыл	84,1	50,0	89,1	95,8	92,3	87,9	82,1
Инта	76,4	46,1	82,8	85,8	84,7	75,8	79,5
Печора	75,5	30,9	89,0	81,7	82,2	86,2	85,3
Сосногорск	74,0	18,9	79,7	84,7	90,3	91,8	79,3
Усинск	75,4	7,7	71,8	93,0	98,6	95,1	83,8
Ухта	82,2	34,8	84,7	91,5	95,0	97,5	90,0
районы							
Ижемский	68,1	35,8	64,9	80,9	89,0	71,6	77,4
Княжпогостский	79,1	35,8	81,1	92,7	92,0	93,8	84,7
Койгородский	72,0	30,5	90,4	83,6	85,4	77,6	71,6
Корткеросский	65,2	17,5	61,7	82,7	74,2	83,7	74,0
Прилузский	78,0	27,8	79,5	91,8	91,8	88,4	97,4
Сыктывдинский	65,4	12,8	65,7	85,4	75,8	83,1	70,9
Сысольский	73,6	29,2	78,4	69,8	89,8	97,5	79,0
Троицко-Печорский	75,1	18,6	77,1	90,1	86,9	99,3	81,3
Удорский	72,7	35,9	71,0	89,6	87,8	84,5	71,6
Усть-Вымский	77,9	31,9	81,2	92,4	93,0	88,4	88,5
Усть-Куломский	60,8	13,7	63,1	68,9	78,9	79,0	70,3
Усть-Цилемский	76,5	35,4	81,9	78,2	91,8	100,7	81,1

Самый низкий охват детей в возрасте 1-6 лет на начало 2008 г. был отмечен в Усть-Куломском (60,8%), Корткеросском (65,2%), Сыктывдинском (65,4%) и Ижемском (68,1%) районах, также в Воркуте (72,7%), Сосногорске (74,0%), Усинске (75,4%), Печоре (75,5%) и Инте (76,4%).

Выше мы уже отмечали, что за последние годы улучшился охват детей старше трех лет детскими дошкольными учреждениями, однако более детальный анализ по старшим возрастам показывает, что не все так хорошо, как хотелось бы. Перед школой практически все дети должны посещать учреждения дошкольного образования, но, судя по статистическим данным, это требование по пятилетним детям выполнялось лишь в Сыктывкаре и Усть-Цилемском районе, а для шестилеток практически нигде.

Анализируя удовлетворенность населения местами в дошкольных образовательных учреждениях, следует обратить внимание на такой фактор резерва (временного), как посещаемость. В общем виде посещаемость складывается из количества дней, проведенных детьми в группах и количества дней пропущенных детьми за исключением выходных и праздников (табл. 7).

Таблица 7

Посещаемость дошкольных образовательных учреждений Республики Коми в 2007 г., %

Территория	Количество дней, проведенных детьми в группах	Количество дней пропущенных детьми	В том числе	
			по болезни детей	по другим причинам
Республика Коми	65,7	34,3	7,2	27,1
Сыктывкар	67,4	32,6	6,8	25,8
Воркута	58,6	41,4	8,2	33,2
Вуктыл	71,1	28,9	4,7	24,2
Инта	60,6	39,4	5,8	33,6
Печора	57,4	42,6	8,6	34,0
Сосногорск	65,3	34,7	6,2	28,5
Усинск	67,4	32,6	8,1	24,5
Ухта	67,5	32,5	5,6	26,9
Районы				
Ижемский	66,5	33,5	6,4	27,1
Княжпогостский	67,7	32,3	6,8	25,5
Койгородский	64,9	35,1	8,8	26,3
Корткеросский	72,6	27,4	9,9	17,5
Прилузский	68,0	32,0	8,8	23,2
Сыктывдинский	70,8	29,2	8,1	21,1
Сысольский	59,7	40,3	5,9	34,4
Троицко-Печорский	79,0	21,0	4,1	16,9
Удорский	70,4	29,6	7,6	22,0
Усть-Вымский	62,4	37,6	6,4	31,2
Усть-Куломский	74,8	25,2	12,1	13,1
Усть-Цилемский	74,5	25,5	9,7	15,8

Из табл. 7. видно, что из двадцати муниципальных образований в тринадцати (Сыктывкар, Вуктыл, Усинск, Ухта, Ижемский, Княжпогостский, Корткеросский, Прилузский, Сыктывдинский, Троицко-Печорский, Удорский, Усть-Куломский и Усть-Цилемский районы) количество дней, проведенных детьми в группах была выше республиканского уровня и только в семи – ниже (Воркута, Инта, Печора, Сосногорск, Койгородский, Сысольский, Усть-Вымский районы). Можно сделать вывод, что примерно треть времени дети проводят вне стен детских садов. Причем следует обратить внимание, что собственно на пропуски по причине болезни приходится всего 7,2% (минимум в Троицко-Печорском – 4,1% и максимум в Усть-Куломском – 12,1%).

Какие выводы можно сделать из проведенного анализа:

– сегодня республика имеет разветвленную сеть учреждений дошкольного образования по городам и районам. На текущий момент все административные образования, исходя из наполняемости плановых мест детьми (детей либо больше, либо меньше норматива) могут быть подразделены на две группы;

– особенно сильный недостаток мест в детских садах и их перегруженность характерны для Сыктывкара, Сосногорска, Усинска, Ухты, Емвы, Печоры и Троицко-Печорска. Однако при планировании строительства объектов социальной сферы следует учесть два обстоятельства. Во-первых, повышение показателей рождаемости объективно близко к завершению. Во-вторых, ближе к концу прогнозного периода (к началу 2020-х гг.) максимума достигнет численность лиц школьного возраста. Соответственно, учитывая сегодняшнюю перегруженность детских садов и нехватку мест, безусловно, необходимо предусматривать ввод новых детских дошкольных образовательных учреждений в указанных населенных пунктах – но обязательно с возможностью последующего перепрофилирования их в средние общеобразовательные учебные заведения;

– в Воркуте, Вуктыле, Микуне, поселках городского типа Удорского района, а также в целом по сельской местности республики потребность населения в детских садах удовлетворена полностью – соответственно, в Воркутинском и Вуктыльском городских округах, сельских населенных пунктах Инты, Печоры, Усинска и Ухты, в Ижемском, Койгородском, Корткеросском, Прилузском, Сыктывдинском, Сысольском, Удорском, Усть-Вымском, Усть-Куломском, Усть-Цилемском районах и сельской местности Княжпогостского и Троицко-Печорского районов надобности в создании дополнительных мест в системе дошкольного образования в прогнозный период не будет;

– анализ демографической ситуации и перспективы ее развития, соотношения контингента детей и мест в учреждениях дошкольного образования позволяют сделать следующие выводы: необходимо проводить плановую работу по замене ветхих и аварийных учреждений дошкольного образования – новыми; строительство дополнительно новых учреждений дошкольного образования целесообразно лишь в отдельных городах и административных центрах сельских районов; наиболее приемлемым решением проблемы обеспечения населения большинства городов и сельских населенных пунктов районов республики учреждениями дошкольного образования является альтернативный вариант. В перспективе альтернативные формы обеспечения населения учреждениями дошкольного образования займут свое достойное место на рынке образовательных услуг.

Содержание

Предисловие	3
Мусанов А.Г. Топонимия как источник для исследования древних миграций: проблемы и перспективы	4
Королев К.С. Предки коми-зырян в эпоху Стефана Пермского (демографический аспект)	7
Смирнов Ю.М. Средневековый Муром по письменным источникам	10
Гришкина М.В. Миграционные процессы и интеграция Удмуртии в структуру Российского государства в XVI–XVIII вв.	14
Пригарин А.А. Группа после переселения: естественное движение и миграционные процессы старообрядческого населения на Дунае 1830–1850-х годов	19
Власова В.В. Районы расселения, численность коми староверов; половозрастной состав общин в XIX – начале XX века	29
Чупров В.И. Крестьянская семья в Коми крае в начале XX века: семейные разделы	35
Макаренко Е.В., Макаренко М.Ю. Брачно-семейное поведение славянского населения Юга России (по материалам романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»)	41
Шубин С.И. Демографическая ситуация в Северном крае (1929–1936 гг.)	48
Прокопьев А.Н. Некоторые меры по оргпереселению чувашей на Европейский Север в 30-е годы XX века	54
Котов П.П., Бубличенко В.Н. Динамика численности и состав несовершеннолетних детских приемников-распределителей НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России в 1940-е годы	57
Пажит Ю.Ю. Спецпоселенцы-осадники и беженцы на Среднем Урале в годы Второй мировой войны: численность, размещение, состав	61
Игнатова Н.М. Численность спецпереселенцев в Коми республике в 1950-е годы (по архивным данным)..	65
Рыбаковский Л.Л. Динамика этнической структуры населения и место в ней русского народа	71
Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Этнодемографические процессы в Коми в XX – начале XXI века	77
Башкирова Г.А. Этнодемографические ресурсы в Удмуртской республике в 1990-е годы	86
Репневский А.В. Государственная демографическая политика России начала XXI века	92
Аверьянова С.А., Морева Т.И. «Русский крест» демографии и северный рынок труда (на примере Архангельской области)	100
Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. Развитие сети учреждений дошкольного образования в Республике Коми	107

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал.

Оригинал-макет – Н.К.Забоева.

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 $\frac{1}{8}$. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 150 экз. Заказ № 98.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»,
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36.